

Убунту: я есть потому, что есть ты

Убунту на африканских языках зулу и коса означает человечность. Так называется южноафриканское направление этики и гуманистической философии, в котором особое внимание уделяется понятиям верности и лояльности в отношениях между людьми. Кроме того, это один из основных принципов новой Южно-Африканской Республики, избавившейся от апартеида. Почему в этом номере мне показалось важным поговорить об этом?

Во-первых, потому что предыдущие номера нашего журнала мы посвятили Бразилии, одной из стран БРИКС. Нам показалось своевременным и важным продолжить свою БРИКС-экспансию, в связи с чем мы переместили свой международный фокус в ЮАР.

Во-вторых, потому что другим возможным вариантом перевода слова «убунту» является «вера во вселенские узы общности, связывающие всё человечество». А ведь это, наверное, самое главное сейчас, когда делаются упорные попытки посеять рознь между целыми народами, разрушить доверие между людьми разных национальностей, культур и взглядов, создать хаос в мировом масштабе — и всё для того, чтобы успешно и эффективно ловить свою рыбку в мутной воде.

Сколько все это продлится, мы не знаем. Как написал в своем романе «Бесчестье» Джон Максвелл Кутзее, выдающийся южно-африканский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе 2003 года и первый в мире литератор, дважды удостоившийся Букеровской премии, наука ещё не определила пределов того, как долго может ждать человек — быть может, вечность. Мы должны отдавать себе в этом отчет и всеми силами противопоставлять усилиям, сеющим вражду, собственные действия, объединяющие людей и развивающие взаимопонимание и уважение.

Следуя этим курсом, в новом номере нашего журнала мы собрали материалы двух зарубежных ученых, представляющих Южно-Африканскую Республику, и 19 россиян, ведущих исследования в научных учреждениях и вузах Астраханской и Саратовской областей, Москвы и Краснодарского края, Омской области и Республики Хакасия, Ростовской и Тамбовской областей. Из 21 автора данного номера 7 профессоров и докторов наук, 7 кандидатов наук, а также государственные служащие, аспиранты, магистранты и студенты.

Вместо традиционного эксклюзивного интервью в рубрике «Лидеры информационного общества» нынче опубликована статья Люси Абрахамс, директора центра LINK ведущего южно-африканского вуза — Витватерсрандского университета. Статья была специально подготовлена для нашего журнала и содержит ёмкий обзор процесса развития информационного общества в этой стране. Другой представитель этого университета, международно-известный эксперт в сфере электронного развития профессор Наги Ханна, в своей работе «Трансформация в сетевое общество. Руководство для лиц, принимающих решения» обсуждает цели, задачи и функции органов власти в процессе внедрения принципиально новой общественной парадигмы.

Российские работы посвящены основным тенденциям в исследовании электронного развития, проблемам анализа статистических данных о развитии информационного общества, вызовам человеку и социуму в условиях распространения высоких технологий, новым проблемам чтения и письма, феномену информационного потребления, вопросам управления процессами информатизации на муниципальном уровне, важным для развития информационного общества задачам средств массовой информации, культурным аспектам использования ИКТ.

Если нашим читателям покажется, что в этом номере нам удалось сделать шаг к реализации принципов убунту, то это будет означать, что усилия редакции были не напрасны.

№ 2—3 ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО

2015

УЧРЕДИТЕЛИ:

ОСНОВАН В 1989 ГОДУ
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ИНСТИТУТ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА
РОССИЙСКАЯ ИНЖЕНЕРНАЯ АКАДЕМИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

ЕРШОВА Татьяна
Викторовна — канд.
экон. наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ХОХЛОВ Юрий Евгеньевич (председатель) — канд. физ.-мат. наук, доц., acad. РИА
ОРЛОВ Степан Владимирович (зам. председателя) — канд. экон. наук
АЛЕКСЕЕВА Ирина Юрьевна — д-р фил. наук, доц.
БОГДАНОВ Александр Владимирович — д-р физ.-мат. наук, проф.
ВАРТАНОВА Елена Леонидовна — д-р фил. наук, проф.
ВЕРШИНСКАЯ Ольга Николаевна — д-р экон. наук
ВОЙСКУНСКИЙ Александр Евгеньевич — д-р психол. наук
ГРЕБЕНИЧЕНКО Сергей Федорович — д-р ист. наук, проф., acad. РАЕН
ДЕЖИНА Ирина Геннадьевна — д-р экон. наук, проф.
ЕЛИЗАРОВ Александр Михайлович — д-р физ.-мат. наук, проф.
ЗАСУРСКИЙ Ясен Николаевич — д-р фил. наук, проф.
ИВАНОВ Алексей Дмитриевич — д-р экон. наук, чл. — кор. РАЕН
ИВАХНЕНКО Евгений Николаевич — д-р филос. наук, проф.
КОГАЛОВСКИЙ Михаил Рувимович — канд. техн. наук, доц.
КОЛИН Константин Константинович — д-р техн. наук, проф., засл. деятель науки РФ
КРИСТАЛЬНЫЙ Борис Владимирович — канд. геол. — минерал. наук, проф.
КУЗНЕЦОВА Наталия Ивановна — д-р филос. наук, проф.
КУРНОСОВ Иван Николаевич
МЕНДКОВИЧ Андрей Семенович — д-р химических наук, ст. науч. сотрудник
МИРСКАЯ Елена Зиновьевна — д-р социол. наук
ОЛЕЙНИК Андрей Владимирович — д-р техн. наук, проф.
РАЙКОВ Александр Николаевич — д-р техн. наук, проф.
РУСАКОВ Александр Ильич — д-р хим. наук, проф.
СЕМЕНОВ Алексей Львович — д-р физ.-мат. наук, acad. РАН, действ. член РАО
СЕМЕНОВ Евгений Васильевич — д-р филос. наук, проф.
СЕРДЮК Владимир Александрович — канд. техн. наук, доц.
СМОЛЯН Георгий Львович — д-р филос. наук, проф.
СТРЕЛЬЦОВ Анатолий Александрович — д-р техн. наук, д-р юрид. наук, проф., засл. деятель науки РФ
ТАТАРОВА Галина Галеевна — д-р социол. наук, проф.
ТИХОНОВ Александр Николаевич — д-р техн. наук, проф., acad. РАО
ЧЕРЕШКИН Дмитрий Семенович — д-р техн. наук, проф., acad. РАЕН
ШАПОШНИК Сергей Борисович
ЩУР Лев Николаевич — д-р физ.-мат. наук, проф.
ЯКУШЕВ Михаил Владимирович

ДИЗАЙН-ПРОЕКТ:

КЕЛЕЙНИКОВ Иннокентий

ВЕРСТКА:

МАКАРЕНКО Олег
Константинович

Журнал зарегистрирован в Роспечати
(Рег № 015 766 от 01.07.1999)

ISSN 1606-1330 (печ.), ISSN 1605-9921 (эл.)

Подписные индексы:

по каталогу Агентства «Роспечать» (красный) — 70264
по объединенному каталогу «Пресса России» (зеленый) — 84668

Адрес редакции: 105062, Москва, ул. Макаренко, д. 2/21 стр. 1,
2 этаж, офис 8

Для подписки: 101000, Москва, Главпочтамт, а/я 716

Тел./факс: (495) 625-60-69, 625-41-24

Электронная почта: infosoc@iis.ru

Веб-сайт: www.infosoc.iis.ru

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.
Перепечатка материалов возможна только по согласованию
с редакцией.

Авторы несут ответственность за патентную чистоту, достоверность
и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических
данных, собственных имен, географических названий и прочих
сведений, а также за разглашение данных, не подлежащих
открытой публикации. При любом использовании оригинальных
материалов ссылка на журнал обязательна.

**ПУБЛИКУЕМЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПРОШЛИ ПРОЦЕДУРУ
РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ЭКСПЕРТНОГО ОТБОРА**

**С 26 ФЕВРАЛЯ 2010 ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В НОВЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ,
РЕКОМЕНДОВАННЫХ ВЫСШЕЙ АТТЕСТАЦИОННОЙ КОМИССИЕЙ РФ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ
МАТЕРИАЛОВ КАНДИДАТСКИХ И ДОКТОРСКИХ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

ЛЕГАЛЬНЫЙ ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ

Пара(-)Тайп

IN LEGAL USE

В макете журнала использованы
шрифты ООО НПЦ «ПараТайп»

Формат 70×100/16. Объем 4 п.л.
Печать офсетная. Бум. офсетная.
Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии
«Лига-Принт»
Москва, ул. 12-я Парковая, д. 11/49
Тел.: (495) 465-5886

СОДЕРЖАНИЕ № 2–3 2015

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

1 **Убунту: я есть потому, что есть ты**

ЛИДЕРЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

4 Люси АБРАХАМС **Внедрение цифровых технологий: проблемы развития цифрового общества в Южной Африке**

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СФЕРЕ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

13 БАЕВА Людмила Владимировна **Исследовательские мегатренды в условиях информационного общества и проблемы социокультурной безопасности**

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО: ПОЛИТИКА И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ

25 Наги ХАННА **Трансформация в сетевое общество. Руководство для лиц, принимающих решения**

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

32 КОБЛОВА Юлия Александровна **Эволюция ментальных моделей в информационно-сетевом обществе**

39 МАНЖУЛА Олег Владимирович **Разработка рекомендаций по использованию данных Всероссийской переписи населения с учетом концепции открытого правительства**

45 ЛЫСАК Ирина Витальевна, КОСЕНЧУК Людмила Федоровна **Современное общество как общество сетевых структур**

ЧЕЛОВЕК В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

52 ВЕРШИНСКАЯ Ольга Николаевна **Письмо и чтение на бумаге и на экране**

59 ИЛЬИН Алексей Николаевич **Информационное общество и феномен скользящего консьюмеризма**

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ

68 ЕФИМОВ Алексей Борисович, РАЙКОВ Александр Николаевич, ШУБЕНКОВА Александра Юрьевна **Оптимизация распределения полномочий в рамках региональной информатизации**

КУЛЬТУРА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

80 ЧЕРНЕНКО Елена Александровна **3D графическая реконструкция и визуализация памятника археологии**

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И ПРАВО

86 ЛУЦЕНКО Екатерина Сергеевна, СКЛИФУС Станислав Витальевич **Развитие законодательства об официальном электронном опубликовании нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации**

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И СМИ

91 НАЗАРОВ Михаил Михайлович **К вопросу о фрагментации современного медиаландшафта: теория и эмпирические результаты**

101 РОСТОВСКАЯ Тамара Керимовна, КИПШАРА Татьяна Андреевна **PR-технологии как инструмент эффективного продвижения государственных программ для молодежи**

ТЕХНОЛОГИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

108 НЕМТИНОВ Владимир Алексеевич, ГОРЕЛОВ Иван Александрович, ВОРОБЬЕВА Мария Олеговна **Информационный анализ видовых изображений объектов городской застройки**

ДОКУМЕНТЫ, СОБЫТИЯ, ИНИЦИАТИВЫ

117 **В Самаре прошел XX Всероссийский библиотечный конгресс РБА**

ИНФОРМАЦИЯ

Внедрение цифровых технологий: проблемы развития цифрового общества в Южной Африке*

Люси АБРАХАМС (Luci Abrahams)
Директор Центра LINK университета Витватерсранд (Йоханнесбург, Южно-Африканская Республика)

Аннотация

В статье на фоне обширной статистической информации показан процесс развития информационного общества в ЮАР. Отмечается выраженная дифференциация населения с точки зрения доступа к информационно-коммуникационным технологиям в целом и интернету в частности, обусловленная резкими различиями в доходах и высокой стоимостью цифровых услуг. Обращается внимание на недостаточную определенность государственной политики в этой области.

Ключевые слова:

цифровое общество, инновационная экономика, электронные средства связи, электронная инфраструктура, интернет-услуги, мобильная связь.

Вводные замечания: цифровое или информационное общество?

Во многих странах мира XXI век уверенно заявил о себе как об интеллектуально насыщенной цифровой эпохе. На 2015 г. состояние цифрового общества в Южной Африке характеризуется наличием развитой инфраструктуры электронных средств связи при низком уровне распространения интернет-услуг, в особенности в сельской местности. Во многом такое положение дел объясняется недостаточностью стационарного и мобильного широкополосного доступа по причине низкого уровня доходов большинства населения. Согласно последним опубликованным статистическим данным, в 2010–2011 гг. по уровню дохода населения 48% чернокожих жителей (80% населения страны), 25% цветного населения, 6% населения индийского/азиатского происхождения и 3% белых из двух нижних квинтилей¹ имели доход на душу населения не более 9 886 рандов в год (т. е. приблизительно 42 136 руб. или 829 долл. в год) (данные StatsSA, 2012 г.). Хотя это статистика четырехлетней давности, за прошедшее время доходы физических лиц выросли незначительно, отражая разрыв в уровне доходов групп населения, сохраняющийся все 16 лет после смены правящего режима на демократический. Это отрицательно сказывается на покупательной способности населения, в том числе на распространении электронных средств связи и электронных сервисов.

Предметом обсуждения в этой статье станет следующий вопрос: в какой степени можно считать, что по уровню внедрения цифровых технологий Южная Африка достигла состояния информационного общества с инновационной экономикой, основанной на знаниях?

* Данный материал специально подготовлен для журнала «Информационное общество» и публикуется здесь вместо эксклюзивного интервью.

¹ Квинтиль — одна пятая часть (в данном случае — населения данной группы).

Основные статистические данные и положение Южной Африки в мировой экономике

На африканский регион к югу от Сахары приходится очень небольшая доля мировой добавленной стоимости ВВП (5,4%); крупнейшими экономиками региона являются Нигерия и Южная Африка. По численности населения и ВВП Южная Африка занимает последнее место среди государств-членов БРИКС.

По данным национального статистического агентства, население Южной Африки составляет 54 млн человек, из которых около 40% проживают в двух из девяти провинций: 12,91 млн — в Гаутенге, самой маленькой по площади провинции, на которую, однако, приходится наибольшая доля ВВП (около 34%); и 10,69 млн — в провинции Квазулу-Наталь (данные StatsSA, 2014 г.). Население в возрасте от 15 до 59 лет составляет 61% его общей численности. По сравнению с другими провинциями ЮАР, Гаутенг характеризуется высокой степенью урбанизации, а Квазулу-Наталь — относительно большой долей сельского населения при небольшой численности городских жителей. Гаутенг не имеет выхода к морю, зато побережье провинции Квазулу-Наталь имеет протяженность 400 км. В Мтунцини, на севере провинции, вдоль этой береговой линии расположены три подводные кабельные магистрали. В 2014 г. ВВП составил 3,8 трлн в национальной валюте (ранд), или приблизительно 16,3 трлн руб. / 315 млрд долл. США. Основные секторы высокоразвитой экономики — добывающая отрасль и сельское хозяйство (11%), производство, строительство и энергетика (21%) и сектор услуг, на который приходится 68% ВВП (данные StatsSA, 2015 г.). В 2013 г. по уровню ВВП Южная Африка занимала 33-е место в рейтинге из 192 стран (МВФ, 2015 г.; Всемирный экономический Форум, 2014 г.).

Объем НИОКР и инноваций в 2012–2013 гг. Развитие отрасли ИКТ

В 2012–2013 гг. (финансовый год — с апреля 2012 г. по март 2013 г.) объем инвестиций в НИОКР ЮАР составил 23,8 млрд рандов. Несмотря на то, что по сравнению с предыдущим финансовым годом валовые внутренние расходы на НИОКР (ВВР НИОКР) возросли, данный показатель как процент ВВП сократился с пикового значения 0,95% в 2006–2007 гг. до 0,76% в 2012–2013 гг. (данные CESTII, 2014 г.), хотя выдвигалась цель довести данный показатель до 1% ВВП к 2008 г. По данным последнего опроса по поводу инноваций (2008 г.), примерно 65% компаний ЮАР осуществляли инновационную деятельность технологического и нетехнологического характера, затрагивающую продукцию, технологические процессы, маркетинг и организационные вопросы (данные CESTII, 2011 г.). Наиболее активно инновации внедряются в таких отраслях, как банковский и финансовый сектор, туризм и гостиничный бизнес, а также разработка программного обеспечения.

По сравнению с другими странами, имеющими примерно такой же ВВП на душу населения, ЮАР отличается относительно развитой отраслью

ИКТ. По оценкам, в 2013 г. рынок связи и информационных технологий составил 42,6 млрд долл. США, или около 8,2% ВВП (данные SAEES, без даты)¹. По мнению Электротехнического экспортного совета, наиболее сильным компонентом сектора является разработка комплексных пакетов программного обеспечения для мобильного банка, электронного обучения, электронного правительства, а также приложений предоплаты для электронных сервисов.

Одна из старейших компаний страны — электронный гигант Reunert Limited. Компания была создана в 1888 г., с 1948 г. ее акции котируются на местной фондовой бирже, а численность персонала составляет 2256 человек в электротехнических подразделениях, 2792 человек — в подразделениях ИКТ и 1 181 человек в подразделениях, занимающихся НИОКР и выпуском электронных компонентов для оборонной промышленности. До 2014 г. компании Reunert принадлежал оператор виртуальной сети мобильной связи Nashua Mobile (данные Reunert, 2015 г.), который был продан предположительно за 2 млрд рандов из-за неспособности конкурировать с лидерами рынка MTN и Vodacom. Группа компаний экспортирует свою продукцию в Европу, Африку, Азию, Австралию, Северную и Южную Америку.

Среди наиболее крупных групп компаний сектора можно назвать группу компаний Altron, которая предоставляет услуги телематики и слежения за автотранспортными средствами, спектр управленческих ИТ-решений, подключение к интернету и цифровые решения двусторонней радиосвязи (данные Altron, 2015 г.).

За десятилетия развития ИКТ-сектора в ЮАР сформировалась экономика, в которой действительно существует «интернет вещей»: с каждым днем растет число подключенных к сети устройств, которые могут использовать как фирмы, так и физические лица для все расширяющегося спектра услуг. Правда, это касается прежде всего городов страны. Наиболее современные приложения применяются в банковском и финансовом секторах, гостиничном бизнесе и туризме. Решения для электронного правительства и электронного обучения находятся на начальной стадии развития.

Состояние информационной инфраструктуры и доступ в интернет

Развивающаяся инфраструктура широкополосного доступа обслуживается следующими шестью подводными кабельными магистралями: Восточноафриканская подводная кабельная магистраль (Eassy), магистраль, соединяющая Южную Африку и Дальний Восток (SAFE), магистраль SEACOM/Tata TGN-Евразия (SEACOM), расположенные в Мтунцини, на севере побережья провинции Квазулу-Наталь; магистраль, соединяющая африканское

¹ Эти данные существенно отличаются от цифры в 2,9 % ВВП, указанной в сопутствующем отчете по отрасли информационно-коммуникационных технологий ЮАР за 2012 г. (данные StatsSA, 2012 г.); необходимо установить, чем объясняется такая разница.

побережье с Европой (ACE); Западноафриканская подводная кабельная магистраль (WACS), расположенная в Изерфонтейне, а также кабельные магистрали SAFE и SAT-3/WASC, расположенные в Мелькбосстранде, на побережье Западной Капской провинции.

Благодаря этим международным кабельным магистралям ЮАР располагает доступом в интернет общей пропускной способностью примерно 16 Тбайт/с (данные Song, 2014 г.), за счет чего обеспечивается возможность ее участия в мировой торговле и туризме, международной банковской и финансовой деятельности, а также сотрудничества в научно-исследовательской сфере. Национальная научно-исследовательская сеть ЮАР SANReN представляет собой опорную сеть пропускной способностью 10 Гбит/с, благодаря которой к высокоскоростному интернету получают доступ университеты, научно-исследовательские институты, национальная библиотека, музеи и сеть дистанционного обучения (данные TENET, без даты). С ее помощью южноафриканские ученые принимают участие в глобальных исследованиях, проводимых в таких областях, как физика частиц высоких энергий и биоинформатика.

На рынке электросвязи ведут бизнес четыре основных конкурента: крупнейший оператор стационарной и мобильной связи компания Telkom и три провайдера мобильных сервисов и мобильного широкополосного доступа — Cell C, MTN и Vodacom. Компании Telkom, Vodacom и MTN доминируют на рынке мобильной телефонии и интернета с 1997 г., охватывая услугами мобильной телефонии и сетями передачи данных более 90% территории Южной Африки. Как и во многих других африканских странах, основные средства были инвестированы в магистральную инфраструктуру, инфраструктуру средней и последней мили при значительно меньших вложениях в сервисы контента (данные GSMA, 2011 г.), что весьма характерно для ранних этапов внедрения цифровых товаров и услуг. Распространение доступа к интернету может стимулировать повышение спроса на контент. Однако доступ сдерживается не только низким уровнем доходов населения, но и высокими ценами, отчасти объясняемыми более чем пятилетним отставанием в распределении полос востребованного спектра с частотой 2,5 и 3,6 ГГц, которые открывают возможность предоставления высокоскоростного мобильного интернета в городской и сельской местности со снижением расходов на инфраструктуру по сравнению с нынешними затратами.

Многочисленные инвестиции, предусмотренные в рамках муниципальных проектов по предоставлению широкополосного доступа, приносят реальные результаты для жителей довольно медленно, а другие формы предоставления доступа к интернету не вызвали явного интереса со стороны местных органов власти. Только в одном из шести округов, городском округе Цване, успешно реализована возможность бесплатного доступа к интернету для жителей города в рамках программы бесплатного подключения через общественные точки доступа Wi-Fi. К другим инновационным формам интернет-доступа относится высокоскоростной интернет для дома с пропускной способностью от 10 до 100 Мбит/с. В частности, такую услугу предлагает недавно вышедшая на рынок компания Fibrehoods, изначально сформулировав такое предложение только для нескольких богатых районов. По данным

Net Index компании Ookla, в мае 2015 г. скорость загрузки данных для физических лиц составляла 7,3 Мбит/с по сравнению со средним мировым показателем на уровне 23,3 Мбит/с; скорость загрузки мобильного интернета в ЮАР равнялась 10,4 Мбит/с (мировой показатель — 12,4 Мбит/с) при очень высокой стоимости доступа: 18,81 долл. по сравнению со средними мировыми расценками 5,21 долл. (данные Ookla, 2015 г.). Скорость загрузки данных, зафиксированная в 50 городах страны, варьируется от 17,91 Мбит/с в сельском административном центре Тзанеен до 8,38 Мбит/с в экономическом центре Йоханнесбурге и 4,02 Мбит/с в городке Вустер. Только три провайдера предлагают скорость загрузки более 30 Мбит/с.

Развитие СМИ в Южной Африке за последние двадцать лет, с 1991 по 2013 г., характеризуется следующими цифрами: от 7 до 192 ТВ-станций, от 34 до 234 радиостанций, от 250 до 600 газет и журналов для массового потребителя, от 300 до 650 печатных изданий для корпоративного сектора, от 330 до 490 местных газет и журналов, некоторые из которых доступны в Сети (данные OMD, 2014 г.). На рынке абонентского телевидения работают два сервиса цифрового вещания, однако переход к общественному цифровому телевидению споткнулся о препятствие: руководящие круги не смогли окончательно оформить договоренности по производству цифровых абонентских приставок. Общественная телерадиовещательная компания SABC (South African Broadcasting Corporation) охватывает своим ТВ- и радиовещанием около 90% населения и показывает передачи по трем аналоговым каналам, в то время как коммерческая станция цифрового спутникового телевидения DStv предлагает более 140 каналов. При численности подписчиков 3,8 млн человек фактически она охватывает более 11 млн зрителей (данные OMD, 2014 г.).

Возможности и ограничения цифрового доступа

В стране все еще сохраняется наследие истории социального неравенства и ограничения возможностей владения: бросается в глаза резкая дифференциация доходов населения, когда большинство физических лиц зарабатывают не более 60 000 рандов в год и не могут позволить себе регулярно использовать услуги электронной связи, в особенности широкополосный доступ в интернет. В 2014 г. в отчете о фактической стоимости услуг связи было установлено, что население с низким и очень низким уровнем дохода лишь в малой степени может воспользоваться преимуществами и удобствами мобильной связи и интернета, так как большинство из участников фокус-группы могли звонить, принимать вызовы, отправлять или получать мгновенные или SMS-сообщения только в ограниченном объеме (данные Abrahams & Pillay, 2014 г.). Некоторые опрошенные активно использовали предлагаемые в тот момент услуги связи и мобильного интернета, не проявляя, однако, уверенности в возможности использовать цифровые услуги в будущем. Для этого сегмента населения идеально подходят некоторые услуги OTT, такие как Whatsapp, поскольку они предоставляются по низкой цене или бесплатно, при этом

по качеству обслуживания не уступают или даже превосходят возможности телефонии и SMS-сообщений.

Наибольшая часть населения имеет доступ к услугам мобильной телефонии. По данным общего опроса населения, проводившегося в 2013 г. (данные Stats SA, 2014 г.), у 12,9% физических лиц имелся доступ как к мобильным, так и к стационарным телефонам, 81,9% пользовались только мобильными телефонами, а у 0,2% был доступ только к стационарной связи. Около 5% жителей не имели ни мобильного, ни стационарного телефона. Что касается интернет-доступа, только у 10% жителей был домашний интернет, хотя примерно 41% семей включал хотя бы одного члена, имеющего доступ к интернету, будь то дома, на работе или в образовательном учреждении. Наблюдается значительный разрыв в доступе к интернету между городскими и сельскими регионами: в городах распространенность интернета достигает 16%, а в сельской местности провинции Квазулу-Наталь и Восточно-Капской провинции это всего лишь 1%.

Учитывая большое число граждан с низкими и очень низкими доходами, правительство предложило субсидии на абонентские приставки, но их производство еще не началось. Большинство жителей ЮАР все еще смотрят четыре имеющихся аналоговых ТВ-канала, по трем из которых вещание обеспечивает корпорация SABC, и бесплатный канал eTV, в то время как у жителей со средним и высоким уровнем дохода имеется доступ более чем к сотне каналов цифрового спутникового телевидения, а также возможность смотреть ТВ-контент онлайн.

Из-за относительно низкой распространенности интернета формирование «цифровых городов» идет довольно низкими темпами: если у крупных фирм и населения со средними и высокими доходами имеется доступ к интернету и широкополосному подключению, то компании малого бизнеса и микропредприятия, равно как и люди с низкими доходами оказываются в значительной степени отрезаны от цифровых технологий. В отсутствие личного доступа к интернету наличие бесплатных точек общественного доступа на базе Wi-Fi в коммерческих заведениях, таких как кофейни и торговые центры, позволяет молодым людям пользоваться беспроводным интернетом с ноутбуков, планшетных компьютеров и КПК, при условии что у них достаточно средств для приобретения пользовательского устройства для выхода в интернет.

Наличие профессиональных кадров в сфере ИКТ

По данным отчетов о деятельности сектора СМИ и ИКТ, в этой отрасли действует 19 937 работодателей и приблизительно 439 756 работников, в том числе в сфере рекламы, производства и трансляции фильмов и электронных СМИ, электроники, информационных технологий и телекоммуникаций (данные JCSE, 2014 г.). Основными сферами применения навыков являются (по важности, в убывающем порядке): облачные технологии, сетевая инфраструктура, информационная инфраструктура, разработка приложений, интеллектуальный анализ данных, разработка баз данных, решения для мобильных

устройств, создание сайтов, хранение данных, операционные системы и системы ERP.

Нанимая сотрудника на работу, исполнительные руководители и ИТ-менеджеры компаний чаще всего обращают внимание на наличие диплома о высшем образовании по специальности; далее следует пожелание о наличии у кандидата ученой степени и других свидетельств о получении образования. Наиболее востребованы следующие навыки: программирование, анализ бизнес-данных и бизнес-аналитика без учета того, как эти конкретные навыки могут способствовать развитию сервисов электронного контента. Наибольшее число квалифицированных специалистов задействовано в секторе СМИ и ИКТ (54%), в банковском, финансовом и страховом секторах (16%). Малая доля квалифицированных специалистов в области цифровых технологий приходится на секторы образования (7%) и здравоохранения (2%) (данные JCSE, 2014 г., стр. 28).

Подход ЮАР к распространению цифровых технологий

За последние 15 лет подходы к внедрению цифровых технологий в ЮАР развивались очень медленно. Тем не менее были разработаны следующие основные документы: «Официальный документ по телекоммуникациям» (1996 г.), «Официальный документ по дистанционному обучению» (2004 г.), «План развития информационного общества» (2006 г.), «Национальная политика ЮАР по внедрению широкополосного доступа» (2013 г.), «Экспертный отчет о национальной политике в сфере интеграции ИКТ» (2015 г.) (данные DTPS, 2015 г.). Последний документ представляет собой результат двухлетней экспертной оценки ситуации, предпринятой правительством с привлечением представителей бизнеса, академических кругов и гражданского общества.

Экспертный отчет, по сути, не является выражением мнения государственной власти, скорее, это обоснованное мнение экспертного совета, предоставляющего рекомендации для органов власти. Этот отчет охватывает чрезвычайно широкий спектр вопросов, связанных с внедрением в экономику и общество цифровых технологий. В отчете отмечается, что за последнее десятилетие, с момента принятия Закона об электронной связи и электронных операциях (2002 г.) и Закона об электросвязи (2005 г.), возникли разнообразные препятствия, затрудняющие внедрение цифровых технологий, в том числе неразвитая конкуренция на инфраструктурном рынке, неэффективное законодательное регулирование рынков и ресурсов, таких как частотные ресурсы, а также отсутствие институциональной воли, способствующей ускоренному внедрению инфраструктуры широкополосного доступа. Таким образом, в отчете перечисляются уже известные проблемы и даются рекомендации по необходимым мерам и подходам, позволяющим повысить эффективность внедрения цифровых технологий и создать эффективную правовую среду.

Однако минус данного отчета состоит в том, что многие рекомендации по устранению препятствий сформулированы слишком неопределенно, отражают абстрактное пожелание «применять передовые методы», вместо

того чтобы в подробностях представить конкретные меры по дальнейшему развитию цифровых технологий в ЮАР. Например, в отчете вообще не упоминаются сервисные Тусонг-центры, общественные центры, обеспечивающие доступ к сайтам государственных служб и официальной информации в сельской местности и для граждан с низким уровнем доходов, хотя по всей стране насчитывается 152 таких центра. Кроме того, в отчете всего дважды упоминается дистанционное обучение и внедрение цифровых технологий в сфере здравоохранения в связи с инфраструктурой и приложениями ИКТ, но никак не отмечаются многочисленные изменения, которые нужно провести для внедрения в образовании и здравоохранении цифровых технологий. В отчете присутствует рекомендация о подготовке межправительственной рабочей группой «Национальной стратегии развития информационных технологий в сфере государственного управления на период до 2030 г.», однако за реализацию стратегии «электронного правительства» отвечает Министерство государственной службы и государственного управления, а за реализацию «Стратегии интеграции ИКТ» — Министерство электросвязи и почтового сообщения; в связи с этим возникает риск отсутствия интегрированной политики по формированию цифрового общества. Присущая государственным учреждениям обособленность в значительной мере затрудняет формирование целостного подхода, как и координацию совместных действий в процессе выполнения поставленных задач.

К ключевым вопросам, которые следует учесть в политике и законодательстве, можно отнести существующее информационное неравенство, обособленность нормативной правовой базы, конкуренцию на рынках и недостаток инвестиций в сервисы контента.

Заключительные положения: стратегия ЮАР в области внедрения цифровых технологий

Хотя в Южной Африке имеется относительно развитая инфраструктура для перехода к цифровой экономике, стоимость доступа к цифровым сервисам остается высокой с учетом доходов большинства жителей страны. По темпам внедрения цифровых технологий промышленность и торговля обгоняют такие базовые социальные сферы, как образование, здравоохранение и обеспечение правопорядка, поскольку государственные учреждения неохотно внедряют инновации и перестраивают свою работу в соответствии с требованиями деятельности с применением цифровых технологий.

В государственном секторе наиболее заметным успехом в области внедрения цифровых технологий стала возможность подавать годовые налоговые декларации в Налоговую службу ЮАР через интернет. Активно формируется цифровое общество, особенно в среде молодых людей со средним и низким уровнем доходов; продолжается интенсивное развитие социальных сетей и сервисов ОТТ, таких как сервис обмена сообщениями Whatsapp, бесплатные звонки онлайн и сервис Instagram. Однако использование интернета все еще недоступно для многих предприятий малого и микробизнеса с низким уровнем дохода, которым еще только предстоит вступить в цифровое

общество. Хотя в ЮАР существует довольно развитая база для внедрения цифровых технологий, переход к информационному обществу и экономике на базе ИКТ в банковской и финансовой сфере, туризме и гостиничном бизнесе, добывающей промышленности и сельском хозяйстве, здравоохранении и образовании, СМИ и кинопроизводстве, а также в других отраслях хозяйства находится на начальной стадии.

ЛИТЕРАТУРА

1. ABRAHAMS, L. & PILLAY, K. (2015). **The lived costs of communications: Experiencing the lived cost of mobile communications in low and very low income households in South Africa 2014**. Johannesburg, South Africa: Right2Know Campaign (R2K).
2. ALTRON. (2015). **Altron integrated annual report 2014**. Johannesburg, South Africa: Altron Group. Available at http://www.altech.com/sites/group/files/documents/financial_reports/altron-iar-2014v1.pdf.
3. CESTII (2011). **South African innovation survey: Main results 2008**. Pretoria, South Africa: Human Sciences Research Council Centre for Science, Technology and Innovation Indicators (CESTII). Available at <http://www.hsrc.ac.za/en/research-data/view/5206>
4. CESTII. (2014). **South African national survey of research and experimental development: Statistical report 2012/2013**. Pretoria, South Africa: Human Sciences Research Council Centre for Science, Technology and Innovation Indicators. Available at <http://www.hsrc.ac.za/en/media-briefs/cestii/research-and-development-survey-released>
5. DTSP. (2015). **National integrated ICT policy review report**. Pretoria, South Africa: Department of Telecommunications and Postal Services (DTSP). Available at <http://www.dtps.gov.za/documents-publications/category/102-ict-policy-review-reports-2015.html>
6. GSMA. (2011). **African mobile observatory 2011**. London, UK: GSM Association. Available at <http://www.gsma.com/spectrum/wp-content/uploads/2011/12/Africa-Mobile-Observatory-2011.pdf>
7. IMF. (2015). **World economic outlook April 2015: Uneven growth: Short- and long-term factors**. Washington, USA: International Monetary Fund (IMF). Available at <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2015/01/>
8. JCSE. (2014). **2014 JCSE ICT skills survey. Braamfontein, South Africa: Joburg Centre for Software Engineering (JCSE)**. Available at <http://www.jcse.org.za/research/2014-jcse-ict-skills-survey-report>
9. OMD. (2014). **SA and SADC media facts 2014 edition**. Johannesburg, South Africa: OMD. Available at http://www.omb.co.za/media_facts/Blueprint_2014_OMG%20Media%20facts.pdf
10. OOKLA. (2015). **Household download index South Africa**. Retrieved on 20 May 2015 from <http://www.netindex.com/download/2,46/South-Africa/>
11. REUNERT. (2015). **Reunert Limited 2014 integrated report**. Sandton, South Africa: Reunert. Available at <http://www.reunert.com/downloads/reunert-integrated-report-2014.pdf>
12. SAEEC. (NO DATE). **Information technology**. Retrieved on 20 May 2015 from <http://www.saeec.org.za/our-industry/information-technology>
13. SONG, S. (2015). **African undersea cables: Update April 2015**. Available at <https://manypossibilities.net/african-undersea-cables/>
14. STATSSA (2012). **Income and expenditure of households 2010/2011**. Statistical release Po100. Pretoria, South Africa: Statistics South Africa (StatsSA).
15. STATSSA. (2014). **Mid-year population estimates 2014**. Statistical release Po302. Pretoria, South Africa: Statistics South Africa.
16. STATSSA. (2015). **Gross domestic product 4th quarter 2014**. Statistical release Po441. Pretoria, South Africa: Statistics South Africa.
17. TENET. (NO DATE). **Data from website**. Available at <http://www.tenet.ac.za/>
18. WEF. (2014). **The global competitiveness report 2014–2015**. Geneva, Switzerland: World Economic Forum (WEF). Available at <http://www.weforum.org/reports/global-competitiveness-report-2014–2015>

Исследовательские мегатренды в условиях информационного общества и проблемы социокультурной безопасности

Статья рекомендована И. Ю. Алексеевой 25.05.2015

**БАЕВА Людмила
Владимировна**

Доктор философских наук, профессор, декан факультета социальных коммуникаций, заведующая кафедрой философии Астраханского государственного университета

Аннотация

В статье представлен анализ мегатрендов (наиболее перспективных фронтов) исследовательских программ в таких областях, как: здоровье и уникальность жизни, новые образовательные технологии, качество жизни, электронная культура и культурная безопасность. На основе анализа статистических данных о развитии информационного общества в России дана характеристика наиболее значимым вызовам человеку и социуму в условиях развития высоких технологий, обозначены перспективы возможных исследований в указанных областях. Представленный обзор может быть использован как аналитический материал для дальнейшей разработки проблем в области социогуманитарных аспектов развития высоких технологий, для формирования тематики будущих научных исследований.

Ключевые слова:

мегатренды, информационное общество, социокультурная безопасность, качество жизни, электронная культура.

Общество высоких технологий выступает как объективно необходимая и при этом максимально адекватная сложившимся условиям стадия развития социума, связанная с исчерпанием природных ресурсов, ростом экологических проблем, возникновением «индустрии знаний», применением интеллектуальных технологий. Формирование общества нового технологического уклада, стиля экономики, основанного на достижениях четвертой технологической революции, так или иначе связано с изменениями ценностных парадигм, мировоззрения, коммуникации, труда, образования, в конечном счете — с качеством жизни самого субъекта. На этом фоне складывается потребность прогнозирования исследовательских мегатрендов в этой области, а также рисков для человека и социума, связанных с информатизацией, технологизацией, виртуализацией основных направлений активности личности.

Результаты библиометрического анализа показывают, что изучением влияния высоких технологий на культуру, общество и человека с 60-х годов XX в. начали заниматься теоретики постиндустриального (информационного) общества А. Тоффлер, П. Дракер, М. Желены, М. Маклюэн, М. Кастельс, Дж. Нейсбит, Дж. Стиглиц. Процессы развития общества и человека в эпоху высоких технологий с точки зрения социокультурного подхода анализируют Ю. Хабермас,

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ. Целевой конкурс проектов междисциплинарных исследований 2015 г. «Социокультурные аспекты национальной безопасности России» проект «Культурная безопасность в условиях гетеротопии» № 15-33-11172.

Н. Луман, У. Бек, Р. Барт, Ж. Бодрийяр, П. Бурдье, М. Н. Эпштейн. В России эти проблемы в последние 20 лет активно исследуют такие ученые, как В. С. Степин, В. И. Жуков, Н. И. Лапин, Л. Г. Ионин, В. М. Межуев, В. К. Кантор, А. С. Панарин, В. И. Пантин, В. Г. Федотова, Т. И. Заславская и другие.

Воздействие высоких технологий, прежде всего информационных, на различные социокультурные процессы на протяжении последнего десятилетия изучается ведущими академическими и университетскими научными центрами мира и России: проблемами развития электронной культуры занимаются ученые Миланского университета (А. Ронки), Института МакЛюэна (Virtual Maastricht McLuhan Institute (VMMI), специалисты из Нидерландов во главе с К. Вельтманом; изучением этических и антропологических проблем информационного пространства – сотрудники Международного центра по проблемам информационной этики (ICIE) г. Карлсруэ, Германия (Р. Капурро), факультета медиа и коммуникации Лондонской школы экономики (Л. Хэддон), Центра компьютерной и социальной ответственности Монтфорского университета в Великобритании (С. Роджерсон), Центра изучения информационного общества университета г. Хайфы в Израиле (Д. Р. Рабан).

Активно развивается такое научное направление, как изучение этических и правовых аспектов развития общества и человека в условиях распространения современных технологий. Одним из лидирующих в этой области центров является университет Оттавы (Канада), где на протяжении более десяти лет под руководством профессора Л. Рокки изучается влияние современных технологий и техники на этику и межличностную коммуникацию.

Из российских центров прежде всего следует упомянуть исследования Института философии РАН – В. С. Степин, Е. А. Мамчур, Е. В. Петрова, Н. И. Лапин, Л. А. Беляева, М. А. Пронин; Научного совета РАН по методологии искусственного интеллекта – С. Н. Васильев, В. А. Лекторский, Д. И. Дубровский; Института социологии РАН; с 1998 г. комплексные исследования в области информационных технологий осуществляет Институт развития информационного общества во главе с Т. В. Ершовой; Томский государственный университет – И. В. Мелик-Гайказян, Е. А. Жукова и другие.

Виртуальная реальность как символизм сознания человека анализируется в трудах Э. Кассирера, Г. Когена, С. Лангер, М. К. Мамардашвили. Трактровка виртуальной реальности с позиций компьютерных технологий представлена работами таких специалистов, как М. Крюгер, И. Сазерлэнд, Н. А. Носов и другие. Классификации виртуальных реальностей приводятся в исследованиях Т. А. Кирик, Ю. В. Наседкиной, В. Л. Силаевой. Анализ специфики компьютерных игр представлен в работах И. Е. Гутмана, Д. Е. Прокудина, К. Керделланта, Г. Грезиллона.

Некоторые работы автора настоящей статьи также были посвящены анализу сущности электронной культуры, рассмотрению социокультурных, экзистенциальных, ценностных трансформаций в ее условиях [1].

Следует отметить, что исследования этой сфере имеют не только теоретический интерес, но и практическую значимость. Их результаты могут применяться в следующих основных кластерах.

Технологический кластер: анализ основных тенденций развития информационно- и техногенноориентированной культуры с использованием

гуманитарно-этической экспертизы позволит эффективнее формировать основные направления инновационной активности, разрабатывать технологические продукты с учетом ориентированного на человека, безопасного для физического и нравственного здоровья личности контекста.

Экологический кластер: изучение направлений технологизации, виртуализации и роботизации современного общества позволяет учитывать изменения в той области, которая касается телесности человека, что может найти применение в медицине, трансплантологии, определить возможные пути сохранения сущностных функций человека даже в условиях все большего замещения его роботизированными системами, киборгизации самого человека. Воздействие техносферы на природную среду было предметом изучения в науке второй половины XX столетия, в первой четверти XXI века наибольшую актуальность представляет изучение воздействия техносферы на человека и атрибуты его бытия.

Социально-политический кластер: анализ социально-экономической динамики в условиях развития электронной культуры, информатизации политической, правовой, коммуникативной сфер позволит выработать принципы информационной безопасности на государственном уровне, этические и правовые нормы взаимодействия в реалиях информационного социума с целью сохранения прав личности, обеспечения информационной, культурной и социальной безопасности.

Научно-аналитический кластер: разработка и апробация методики мониторинга и измерения количественных и качественных индикаторов влияния высокотехнологичного типа социально-экономической системы на социокультурные процессы позволит создать инструментарий для проведения аналоговых исследований в различных наукоемких системах.

Образовательный кластер: прогнозирование тенденций в сфере развития системы образования и воспитания будет способствовать преодолению возможных рисков, связанных с переходом общества от традиционной системы обучения к дистанционно-виртуальной. Анализ преимуществ открытых образовательных систем будет востребован системой государственного и частного образования. Системно-критический анализ дистанционной формы обучения, перехода от субъект-субъектной модели обучения к субъектно-информационной позволит совершенствовать процесс обучения в соответствии с развитием современных технологий при сохранении духовно-нравственных, воспитательных, гуманистических функций образования, конституирующих и воспроизводящих социальные отношения.

Результаты исследований в области гуманитарных проблем инновационного развития могут использоваться в целях удовлетворения потребностей человека и общества, связанных с обеспечением высокого качества жизни, включая:

- обеспечение безопасности в рамках техносферы, виртуального взаимодействия, противодействие информационным атакам и угрозам;
- повышение комфортности окружающей человека социальной и технологической среды;

- возможность получения качественного образования, создание условий для саморазвития и самосовершенствования; создание условий для удовлетворения нового типа потребностей — в получении информации, виртуальной коммуникации, информационной безопасности;
- сохранение индивидуальности в условиях виртуализации личностной идентичности;
- перераспределение свободного времени человека, обеспечение его занятости в условиях роботизации реального сектора экономики, в том числе сферы услуг, образования и др.

Перечисленные социально-психологические потребности выступают в качестве наиболее значимых исследовательских стратегий, своего рода «мегатрендов» как в биоинженерных, так и в социокультурных дисциплинах. Как известно, термин «мегатренд» был введен в научный дискурс в 1982 г. Дж. Нейсбитом [2], автором книги, посвященной описанию наиболее актуальных тенденций развития социума в последние десятилетия XX века. Ряд указанных Нейсбитом стратегий развития актуален и в наши дни. Например, он отмечал наметившееся движение в сторону дуализма «технический прогресс — душевный комфорт», иначе говоря, внедрение новых технологий сопровождается компенсаторной реакцией человека на него.

Основываясь на анализе развития научной области в первые 15 лет XXI века, данных мониторингов развития информационного общества в России и используя метод Дж. Нейсбита по выявлению трендов общественного развития, предпримем попытку обозначить исследовательские мегатренды в сфере изучения взаимодействия человека, общества и высоких технологий (прежде всего информационных). С этой целью проанализируем документы и статистические данные, представленные в Федеральной целевой программе «Электронная Россия 2002—2010 годы», Итоговом докладе о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. ВШЭ, «Мониторинге развития информационного общества в Российской Федерации» (далее — Мониторинг) (2011—2013 гг.), а также документы о развитии этических, культурных, образовательных аспектов жизнедеятельности в современном информационном мире — «Ethical code of Information society» (36 general conference of UNESCO), Конвенцию о всемирном наследии ЮНЕСКО, «Transforming American Education, Learning, Powered by Technology. National Education Technology Plan 2010» и др.

Большинство исследователей едины в том, что современные наукоемкие технологии выступают в качестве главного вектора цивилизационного развития, опосредуют экономические и коммуникационные процессы формирования глобального мира. В то же время особенностью современной эпохи оказался неконтролируемый технологический рост — ситуация, уникальная по своей сути и требующая пристального изучения, поскольку ее проявления уже имеют своим следствием биологические, социальные, мировоззренческие, ценностные деформации. На развитие человека, его телесности и сознания оказывают влияние биотехнологические и информационные разработки, способные воздействовать на биологическую и социальную

составляющие личности. Обуславливая трансформацию всех ключевых сфер жизнедеятельности общества, технологическое развитие неизбежно изменяет человека: он становится более открытым, мобильным, рациональным, но и уязвимым, зависимым от новых достижений.

Следует иметь в виду, что развитие информационного общества в России связано главным образом с потреблением, а не созданием информационных технологий. Объем средств, затрачиваемых на формирование информационного общества и его институтов по отношению к ВВП страны, пока незначителен: в 2011 г. он составил 1,09%, в 2013 г. 1,13% (по сведениям Мониторинга Госкомстата). В то же время использование информационных технологий в России находится на уровне стран-лидеров технологических инноваций, что заставляет задуматься о возможных последствиях для человека, социума и культуры. Рассмотрим сферы, в которых влияние информационных технологий вызывает наиболее значимые для жизни общества и индивидуума изменения.

1. Здоровье и уникальность человека в условиях высокотехнологичного уклада и проблемы безопасности. Значительные изменения связаны с биотехнологическим прорывом, развитием медицины, изучением и использованием стволовых клеток, расшифровкой генома человека и животных. Это касается таких сфер, как трансплантология, генная инженерия, геронтология, косметология. В исследованиях, посвященных влиянию новых технологий в области здоровья человека, этический и аксиологический аспекты часто остаются вне поля зрения ученых. Однако продление жизни и молодости человека, создание искусственных органов, искусственное оплодотворение, генные корректировки, клонирование человека предполагают значительные этические, антропологические и экзистенциальные последствия, требующие комплексного анализа, этической экспертизы с целью установить границы вмешательства науки в развитие человека как биологического существа, с одной стороны, и личности, обладающей сознанием и чувствами — с другой.

Значимые изменения связаны с развитием высоких технологий, позволяющих не только поддерживать здоровье человека, но и модернизировать его тело. Ряд современных исследователей (Д. Дубровский, В. Аршинов, А. Абрамян и другие) выделяют три основных направления развития высоких технологий: технологию практической деятельности (создание сверхминиатюрных компьютеров и т.п.), психотехнологию (имплантация в мозг интерфейсов и нейрочипов, которые могут быть запрограммированы на создание в сознании человека виртуальной картины мира), социальную технологию (созданная в сознании человека виртуальная картина мира определяет его поведение в социуме) [3].

Важным направлением исследований сегодня является проблема технологического дополнения телесности человека — создание киборга. Киборгизация общества — сравнительно новая область междисциплинарных исследований, включая биотехнологию, нанотехнологии, кибернетику, медицину, а также антропологию, социологию, философию и даже теологию. Эти исследования носят характер форсайта — опережающего развития, и проводятся в условиях их критического восприятия как обществом в целом,

так и научным сообществом. Сегодня ведущими центрами изучения социогуманитарных аспектов киборгизации являются Университет сингулярности во главе с лидером трансгуманизма Р. Курцвейлом [4] (ныне он технический директор Google), Университет Калифорнии (Санта-Крус), Университет Бруклина, Миланский университет, Университет Торонто, в России — Институт информационного общества и Институт философии РАН.

Развитие возможностей человека на основе биомоделирования, с одной стороны, дает надежду на излечение в случае тяжелых заболеваний и патологий, с другой — является вмешательством в природу вида *homo sapiens*, способным породить необратимые процессы и запустить процесс саморазрушения. В этих условиях необходимо установить контроль за исследованиями, касающимися человека, их этическую экспертизу, оценивать их безопасность для личности и социума.

2. Сфера образования в условиях становления информационного общества. Другим направлением развития современного социума является стремительная виртуализация образования как важнейшей сферы жизнедеятельности, обеспечивающей сохранение и приумножение знаний, культуры. Переход образования на виртуальные технологии — ведущая тенденция трансформации системы образования высокотехнологичных стран, на что указывается в докладе департамента образования США [5].

Российская система образования уже вступила в информационную эпоху и активно использует интернет-технологии для обучения, развивая дистанционные формы образования (особенно в высшей школе). По данным Мониторинга Госкомстата, в 2011 г. доля образовательных учреждений высшего профессионального образования, подключенных к интернету, по широкополосному доступу (256 Кбит/сек и выше) составляла 87%. В 2013 г. этот показатель достиг 94,7%. Доля учебных учреждений, реализующих образовательные программы с использованием дистанционных технологий, в общем числе самостоятельных образовательных учреждений составляла по вузам 52,8%, по среднему профессиональному образованию — 11,9%. В 2013 г. этот показатель в вузах вырос до 60,2%, по СПО до 15,5%.

Основным мегатрендом в этой сфере выступает дальнейшее развитие виртуального, открытого, дистанционного образования, smart-образования, связанного с использованием облачных технологий на базе крупных дата-центров. Традиционная система образования в ближайшие десятилетия во многом будет замещаться дистанционной системой обучения посредством интерактивных технологий, вебинаров, онлайн-открытых программ или МОО (Massive Open Online Courses), которые из области дополнительного образования (уже бурно развивающегося во всем мире и в России) перейдут в статус основных образовательных программ. Этот процесс порождает как значительные возможности, так и существенные проблемы (в том числе связанные с утратой региональными школами и вузами своей сферы деятельности, поскольку мощные дата-центры могут создаваться в крупных мегаполисах или наукоградах).

Новые технологии ведут к формированию образования качественно нового типа — smart-образования. Его характеристиками считаются: 1) независимость от времени и места, мобильность, повсеместность, непрерывность

и простота доступа к учебной информации; 2) автономность преподавателя и учащегося за счет использования мобильных устройств доступа к учебной информации; 3) гибкое обучение с точки зрения предпочтений и индивидуальных возможностей учащегося (настройка обучения под индивидуальные особенности учащегося, в том числе его исходные знания, опыт и навыки, стиль обучения, вплоть до физиологического и психологического состояния в каждый конкретный момент).

Условиями реализации smart-образования выступают: внедрение межплатформного подхода и использование программного обеспечения для организации учебного процесса, адаптивного ко всем существующим операционным системам, в том числе основанным на облачных технологиях; высокая скорость обновления образовательного контента за счет использования микромодулей, возможность обновления контента с различных устройств; использование инструментов разработки образовательного контента, позволяющих создавать объекты в форматах устройств, используемых в интегрированной интеллектуальной среде; наличие точных метрик для определения компетентности до и после обучения; использование нейроагентов для сбора и обработки информации; обновление содержания на основе определенных работодателями и другими заинтересованными сторонами моделей и профилей компетенций; внедрение инструментов самодиагностики образовательной среды для обеспечения стабильного функционирования всех ее элементов, как аппаратной части, так и контента (например, с точки зрения актуальности). Одним из лидеров в этой области выступает МЭСИ, где система smart-образования применяется с 2007 г., а система МОО-технологий — с 2012 г. [6].

Основная цель открытого образования состоит в расширении доступа граждан к получению качественных образовательных услуг, в наиболее полном удовлетворении их образовательных потребностей вне зависимости от места проживания, материального положения, возраста, состояния здоровья и других жизненных обстоятельств. Комплексное применение в образовании информационных и коммуникационных технологий делает вполне реальной организацию учебного процесса, в котором участвуют территориально распределенные обучающиеся и преподаватели, применяющие в своей работе территориально распределенные образовательные ресурсы.

Социальные риски и проблемы в этой сфере могут быть связаны: с сокращением рабочих мест педагогов; дисфункцией традиционных школ и вузов; потерей «обратной связи» с обучающимися, ее виртуализацией; ослаблением воспитательной, ценностно-формирующей функции образования; монополизацией образовательных услуг; возможностью зомбирования обучающихся, давлением на их личность; утратой возможности социализации учащихся; снижением качества образования при отсутствии индивидуально-личностного подхода к обучающемуся и др.

В связи с развитием названных тенденций приобретают актуальность философские исследования, посвященные электронному (smart-) образованию, а в практической сфере — разработка систем и методик комбинированного очно-дистанционного обучения людей с различными способностями и потребностями. Перед социогуманитарным и философским

знанием встает сложная задача — обоснование необходимости сохранения межличностного общения учащегося и педагога для создания условий социализации молодежи, формирования культурных и этических ценностей новых поколений, преодоления саморазрушительных, деструктивных, агрессивных стремлений, характерных для образа жизни человека вне социума, общения со сверстниками, референтных групп. Таким образом, возникает необходимость разработки принципов и императивов образования в соответствии с новой парадигмой.

3. Социально-политическая сфера в условиях информатизации общества. Информационные технологии трансформируют условия существования и развития сферы государственного управления. Появляются новые возможности осуществления политической коммуникации, такие ее формы, как «электронное правительство», «электронные выборы» и т.д. Политическая коммуникация становится более доступной для общественности, что автоматически приводит к привлечению простых граждан к участию в политическом процессе, т.е. «начинается формирование нового обширного канала политической коммуникации, динамика развития которого может изменить представления как о системе обеспечения политической деятельности, так и о традиционных инструментах политического участия». По мнению Я. Бадж [7] и Д. Гелд [8], дальнейшее развитие системы сетевой коммуникации как функционального измерения политики приведет к расширению возможностей граждан непосредственно участвовать в управлении государством. По словам М. В. Золотых, это способствует «росту форм прямой демократии» [9].

В результате выполнения Программы «Электронная Россия (2002—2010 годы)» были заложены основы использования ИКТ в государственном управлении, определены и отработаны на практике подходы к решению задачи повышения открытости деятельности органов государственной власти, в том числе на региональном уровне. С 2011 г. мероприятия по формированию электронного правительства и внедрению ИКТ в деятельность органов государственной власти осуществляются в рамках госпрограммы «Информационное общество (2011—2020 годы)». Каковы же ее результаты?

По сведениям Мониторинга Госкомстата, доля органов государственной власти, государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления (ОГВ и ОМС), использовавших интернет, в общем числе органов государственной власти в 2011 г. достигала 90,5%, в 2013 г. — 94,6%. При этом доля ОГВ и ОМС, использовавших веб-сайт при оказании государственных услуг, составила в 2011 г. всего 10,6%, в 2013 г. — 16,1%. Это низкий показатель.

Информатизация политической сферы происходит в направлении создания электронного государства как системы институтов, способствующих развитию электронной демократии, основанной на принципах прозрачности, доступности, открытости органов государственной власти для граждан.

В то же время в социально-политической сфере формируются определенные риски, связанные с вероятностью дестабилизации существующих политических систем в ходе информационных войн, вследствие кибертерроризма, взлома информационных систем секретных служб и служб

безопасности, разглашения секретных данных, организации действий оппозиции посредством интернет-технологий, фальсификации данных с целью организации массовых акций, паники и т.п. Возникает острая необходимость выработки мер противодействия рискам, создания электронного государства, обладающего устойчивостью к дестабилизирующим вмешательствам извне. Перспективными исследованиями в этой области становятся проекты по разработке систем национальной и информационно-политической безопасности, анализу социально-политических проблем в социальных сетях и сообществах, изучению проблем экстремизма и кибертерроризма в информационном обществе.

4. Культура и культурная безопасность в условиях развития информационного общества. Информационные технологии повлекли за собой формирование особой культуры — электронной, цифровой, или виртуальной [10]. Выявление ее существенных черт и демаркация границ имеет значение как в теоретическом, так и практическом плане, поскольку электронная культура охватывает сегодня все больше сфер и порождает новые феномены. Электронная культура (Digital Culture, E-culture) — это новая сфера деятельности человека, связанная с созданием электронных версий объектов культуры, к которым относятся: электронные формы современной коммуникации (интернет, социальные сети, виртуальные сообщества, чаты, блоги, форумы, сайты); виртуальные музеи, галереи, выставочные залы и др; дистанционное образование; электронная реконструкция (городов, объектов культурного наследия в их исторической и пространственной перспективе); компьютерные игры; электронные СМИ; электронные архивы, справочные системы, энциклопедии, словари, библиотеки; электронная реклама, в том числе спам; информационные программы, обеспечение, формы защиты информации.

Электронная культура может быть определена как совокупность результатов творчества и коммуникации людей в условиях внедрения IT-инноваций, характеризующаяся созданием единого информационного пространства, виртуальной формой выражения, дистанционной технологией, либеральностью контента [11]. Структурно существуют два основных типа выражения электронной культуры: 1) электронная форма для традиционных, не электронных по своей природе культурных объектов (например, электронные музеи, библиотеки, выставки и др.), 2) электронные по форме и сущности объекты культуры (компьютерные программы, сети, технологии и др.).

Для этого типа культуры оказались необходимы особые формы взаимодействия, этика, система ценностей, которые могут иметь значительные отличия от традиционной культуры. Для того чтобы способствовать развитию ценностей личности в условиях виртуального взаимодействия разрабатываются специальные учебные курсы, тренинги, призванные помочь адаптации человека к Сети и формированию соответствующих новой реальности поведенческих ориентиров. Основы современной электронной культуры необходимо изучать уже на уровне начальной и средней школы, причем не на уроках информатики. Здесь важен учет мировоззренческих и этических принципов.

По словам Р. Капурро, директора Международного центра по проблемам информационной этики (ICIE) (Карлсруэ, Германия), «интернет

превратился в основную инфраструктуру социальной коммуникации на локальном и глобальном уровнях. Свободу доступа следует рассматривать как основополагающий этический принцип, аналогичный принципам свободы слова и свободы печати [12]. В 2011 году на 36-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО был утвержден «Кодекс этики для информационного общества», в котором утверждается, что в информационном пространстве, как и в реальной жизни, должны оставаться незыблемыми права и свободы человека [13]. Но это лишь общий документ, который предполагает дальнейшую разработку частных вопросов, связанных с обеспечением информационной этики и безопасности. Эта задача — один из мегатрендов современных социокультурных исследований.

Развитие электронной культуры в значительной степени связано с сохранением культурного наследия, созданием цифровых копий архивов, библиотек, фондов музеев, электронных копий объектов культуры [14]. Во многом этот процесс зависит от оснащения учреждений культуры современными информационными ресурсами. В 2011 г. доля учреждений культуры РФ, использовавших интернет, составила 62,6% (в 2010 г. — 52%). В 2013 г. этот показатель достиг 74%. Однако доля электронных изданий в общем объеме библиотечного фонда составляла в 2011 г. лишь 0,40%, в 2013 г. — 0,55%. При этом доля библиотек, предоставляющих доступ через интернет к полнотекстовым электронным ресурсам, в общем числе библиотек в 2011 г. не превышала 2,5%, в 2013 г. — 5,2%.

Доля музейных предметов, внесенных в электронный каталог, в общем объеме фондов музеев составила в 2011 г. 29%, в 2013 г. — 36,2%. Число доступных в интернете музейных предметов, внесенных в электронный каталог и имеющих цифровые изображения (на 1000 предметов основного фонда) в 2011 г. не превышало 49 единиц, в 2013 г. — 80. Таким образом, процесс информатизации учреждений культуры идет, однако медленными темпами.

Наибольшие риски в этой сфере связаны с утратой «живой культуры» и интереса к ней, с размыванием этических и духовных составляющих культурных объектов в силу их симуляционного, геймифицированного, рекреационного характера, с заменой элитарной, авторской культуры на производство симулякров виртуальными авторами, командами, для эпатаживания публики, привлечения к себе внимания.

5. Качество жизни, ценности человека в условиях высокотехнологического общества. Существенные изменения, связанные с инновационными процессами, затрагивают жизненный мир человека. Характерные и опасные его черты — многочисленные кризисы, стрессы, обособленность («атомизация»), изменение восприятия реальности (виртуализация), неопределенность настоящего и будущего, релятивизм бытия и ценностей и, как следствие, — когнитивный и этический плюрализм, экзистенциальные фрустрации (потеря смысла жизни, свободы, самостоятельности развития и др.), дауншифтинг, бегство от реальности в различных формах. Современный человек — это уже не классический *homo sapiens*, а в значительной мере виртуализированный био-социо-электронный субъект, обладающий активностью как в сфере своей телесной природы, исторически сложившихся социальных практик, так и в новом качестве электронно-виртуального

субъекта, обладающего значительными технологическими сверхвозможностями (преодоление пространственно-временных границ, скоростей), включенностью в мировое интернет-сообщество, потребностью в виртуальном взаимодействии, которое становится продолжением и заменой социального в его реальной форме.

Существенные изменения, обусловленные фактором внедрения информационных технологий в социо- и антропосферу и оказавшие влияние на аксиодинамику современного общества, связаны с тем, что среди ценностей-целей человека сегодня появляются новые доминанты: информация, инновации, виртуальная коммуникация, социальные сети, электронные гаджеты и т.д. В свою очередь традиционные базовые ценности — жизнь, здоровье, семья, материальное благополучие, образование, карьера, свобода, любовь, творчество — претерпевают определенные трансформации, поскольку оказываются связанными с процессом виртуализации образа жизни и коммуникации. В поиске смысла жизни, общения, источников знания, самовыражения человек все чаще обращается не к реальной, а к виртуальной сфере, которая уже доминирует по ряду параметров среди пользователей интернета. Внимание исследователей в связи с этим привлекают проблемы интернет-аддикций, виртуализации образа жизни, размывание границ реального и виртуального миров, формирование новых несвобод и экзистенциальных вызовов Человеку Информационному.

На этом фоне возрастает интерес общества к новому исследовательскому мегатренду в области исследований человека — качеству жизни. Философия качества жизни в конце XX — начале XXI в. становится одним из приоритетов в государственной и социальной политике наиболее развитых стран мира, например в Канаде, Великобритании и Швеции. «Качество жизни» — относительно новая категория, с помощью которой характеризуют существенные обстоятельства жизни человека или населения, определяющие степень достоинства и свободы личности, суммарное количество материальных и духовных благ, которыми потенциально и реально обладает субъект. Изучение параметров качества жизни ведется на стыке различных наук: социологии, демографии, медицины, искусствоведения, управления образованием, а также таких философских областей знания, как аксиология и философская антропология. Междисциплинарность новой области исследования предполагает проведение философского анализа, формирование категориального, методологического аппарата, разработки подходов к изучению предмета исследования, включающего био-, социо-, антропо-, техно- и иные параметры, а также определение критериев и индикаторов качества жизни в условиях информационного социума.

В связи с указанными тенденциями перспективные научно-технологические направления, актуальные исследовательские фронты, или мегатренды, предполагают изучение таких направлений, как:

- здоровье и уникальность человека в условиях высокотехнологичного уклада экономики;
- трансформация производства, бизнеса, услуг в условиях высокотехнологичного уклада и проблема человеческого капитала;

- трансформация образования в условиях высокотехнологичного уклада;
- формирование «электронного государства» и его институтов и обеспечение национальной и политической безопасности в информационной среде;
- развитие электронной культуры и сохранение культурного наследия;
- качество жизни человека в условиях виртуализации среды.

К настоящему времени накоплен значительный комплекс знаний, характеризующих вызовы для человека, общества и культуры, которые обусловлены переходом к информационному обществу и развитием новых высокотехнологичных кластеров экономики. Риски, связанные с новыми технологиями, уже проявились в формировании у человека зависимости от виртуальной среды, дестабилизации социально-политических систем (прежде всего традиционных институтов семьи и государства), утрате механизмов естественной социализации, связи между поколениями, росте отчужденности, «атомизации» человека в обществе, экзистенциальном вакууме, кризисе ценностных ориентиров, формировании нового техногенного человека — био-социо-электронного субъекта. В условиях глобализации технологические изменения развиваются по принципу цепной реакции, наблюдается их мультипликативный эффект, что ведет к сверхбыстрым изменениям различных сфер бытия общества. Скорость изменений требует пристального внимания к наблюдаемым процессам, которые способны за каких-нибудь 50 лет качественно изменить облик как самого человека, так и социума и культуры. Постиндустриальное общество уже обнаружило высокую зависимость от научных технологий и по-новому поставило перед научным сообществом вопросы безопасности жизнедеятельности человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. БАЕВА Л. В. **Этика и аксиология инновационной науки** // Информационное общество. 2011. № 2. С. 43–50; Баева Л.В. Электронная культура // Вопросы философии. 2013. № 5. С. 75–83.
2. НЕЙСБИТ ДЖ. **Мегатренды** / Пер. с англ. М. Б. Левина. М.: АСТ; Ермак, 2003.
3. АБРАМЯН А., АРШИНОВ В., БЕКЛЕМЫШЕВ В., ВАРТАНОВ Р., ДУБРОВСКИЙ Д. **Философские проблемы развития и применения нанотехнологий** [Электронный ресурс] // http://www.nanoindustry.su/pdf/1_2008/1713.pdf
4. KURZWEIL, R. **How to Create a Mind: The Secret of Human Thought Revealed**. New York: Viking Books, 2012.
5. **Доклад департамента образования США о перспективах развития образования: Transforming American Education, Learning, Powered by Technology. National Education Technology Plan 2010. U.S. Department of Education Ofce of Educational Technology**. URL: https://www.academia.edu/5387663/Transforming_American_Education_National_Education_Technology_Plan_2010.
6. ДМИТРИЕВСКАЯ Н.А. **Доклад директора института экономики и статистики Московского государственного университета экономики, статистики и информатики «Смарт-образование»**. URL: www.mesi.ru/upload/events/.../smart_education
7. BUDGE, I. **Issue dimensions and agenda change in postwar democracies: Long-term trends in party election programmes and newspaper reports in twenty-three democracies** [Электронный ресурс] / I. Budge. — Режим доступа: <http://www.democ.uci.edu/education/courses/budge1.htm>
8. ГЕЛД Д. **Демократия и глобальное устройство: пер. с англ.** — М.: Port-Royal, 2008.
9. ЗОЛОТЫХ М.В. **Виртуализация политики и перспективы развития прямого народовластия** // Наука о человеке: Омская гуманитарная академия. 2010. № 5. С. 11–12.
10. RONCHI, A.M. **E-Culture**. New York: Springer-Verlag, LLC, 2009.
11. БАЕВА Л.В. **Этика и аксиология инновационной науки** // Информационное общество. 2011. № 2. С. 43–50; Баева Л.В. Электронная культура // Вопросы философии. 2013. № 5. С. 75–83.
12. КАПУРРО Р. **Информационная этика** // Информационное общество. 2010. № 5. С. 6–15.
13. **Ethical code of Information society. 36 general conference of UNESCO**. <http://unesdoc.unesco.org/images/0021/002126/212696e.pdf> (5.01.2015)
14. **Конвенция о всемирном наследии ЮНЕСКО** // <http://whc.unesco.org/en/conventiontext/>

Трансформация в сетевое общество. Руководство для лиц, принимающих решения

Статья рекомендована Ю.Е. Хохловым 02.05.2015

Наги ХАННА
*Стратегический
советник, приглашенный
профессор Университета
Витватерсранд (ЮАР)*

Аннотация

Обсуждаются цели, задачи и функции органов власти в процессе электронной трансформации и формирования сетевого общества. Обращается внимание на болезненность процесса внедрения новой общественной парадигмы, формулируются рекомендации по преодолению возникающих барьеров.

Ключевые слова:

электронная (цифровая) трансформация, сетевая структура, инновация, цифровые технологии, органы власти.

Сетевое общество — это преобразующее усиление способности общества к формированию физической, экономической, социальной и интеллектуальной среды для достижения выдвигаемых целей посредством цифровых сетей. Подобная трансформация обусловлена недавними достижениями в сфере информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) и их интеграцией в экономику и социум. По сути, это процесс базовых структурных изменений, переход к новой технико-экономической парадигме, обусловленной внедрением ИКТ.

Для чего нужна глобальная трансформация на основе ИКТ

Производительность ИКТ увеличивается по мере проникновения мобильных и цифровых технологий во все сферы деятельности общества и экономику. Кроме того, за счет использования новых подключений, датчиков и приложений генерируется огромный объем данных. Сеть становится не просто средством связи, а важным источником инноваций, порождаемых информацией. Новые идеи, возникающие благодаря управлению данными, таят в себе широкие возможности, которые можно использовать на пользу бизнеса и общества. Если добавить к этому радикальное сокращение расходов на средства коммуникации и легкость, с которой любой человек может получить сегодня доступ к очень мощным инструментам и платформам для осуществления инновационной деятельности и выхода на новые рынки, то очевидно, сколь мощные инструменты радикальной трансформации различных отраслей промышленности, сектора государственных услуг и частной жизни оказались в наших руках. В ближайшие годы технический прогресс и совершенствование

* Данный текст представляет собой перевод авторского резюме книги *Transforming to a Networked Society: Guide for Policy Makers* / Nagy K. Hanna, Rene Summer. 2014. 105 p.

инфраструктуры ИКТ откроют новые пути для творчества, обучения, производства и применения инноваций. Мы называем это новое общество — а мы наблюдаем лишь начало его становления — сетевым обществом.

Органы власти не должны оставлять без внимания вопросы, связанные как с преимуществами, так и с рисками продолжающейся революции ИКТ. Как правило, технологические революции сопровождаются глубокими социальными и институциональными изменениями, что имеет своим следствием мощное сопротивление действующих институтов, интересов доминирующих групп и бюрократии. Корректировка социальной и институциональной среды и связанной с ней технико-экономической парадигмы в ходе технологической революции включает в себя болезненные изменения, частые нарушения ритма воспроизводства и даже уничтожение устаревших систем и институтов.

Принятие новой технологии или системы технологий — это прежде всего процесс социальной трансформации, который открывает новые возможности для людей, организаций и общества, по сути, позволяя осуществлять ту же деятельность с меньшими затратами или новые виды деятельности, которые прежде были невозможны, расширяя границы возможностей. В то же время этот процесс несет в себе угрозу существующим интересам, нарушая баланс сил, меняя сложившиеся рыночные структуры и условия создания стоимости. Преобразующий потенциал информационно-коммуникационной революции также требует реорганизации или строительства новых сетей учреждений, совершенствования нормативной правовой базы и управления, создания новых навыков и компетенций вплоть до радикальных изменений в сознании и культуре общества.

Только при условии широкого распространения и применения инноваций людьми, бизнесом и госучреждениями они могут оказывать устойчивое воздействие на экономику и общество в долгосрочной перспективе. В конечном счете принятие инноваций — важное условие любых значительных социально-экономических сдвигов. Государственная политика и сложившиеся в обществе институциональные рамки могут либо облегчить, либо ограничить их потенциальное воздействие.

Способность лиц, принимающих решения, управлять процессом трансформации при помощи ИКТ имеет стратегическое значение, так как от этого зависит благосостояние нации. Их роль состоит в осуществлении институциональных изменений, создании возможностей для таких перемен, установлении политических рамок для широкого и эффективного внедрения новых технологий. Преобразующие изменения не принесут желаемых результатов в отсутствие рациональной социальной политики, определяющей продолжительность, совокупную силу и устойчивость социально-экономических последствий, которые могут быть достигнуты в сетевом обществе.

Как правило, эксперты в области ИКТ и оптимистически настроенные политики обращают внимание только на потенциальные преимущества технологической революции. Однако тем, кто реализует инновационную политику, необходимо решать задачи, связанные с кратко- и долгосрочными ее последствиями, такими как воздействие на рынок труда, системы здравоохранения и образования, умственное развитие детей, на растущее неравенство

доходов, нарушения неприкосновенности частной жизни и безопасность. Подобные социально-технологические риски будут нарастать по мере дальнейшего проникновения ИКТ и интернет-приложений. Их учет, управление ими должны стать неотъемлемой частью политики в области ИКТ и практики электронной трансформации, имея в виду инклюзивный и желаемый процесс развития общества. Лицам, принимающим решения, должна принадлежать активная роль в мобилизации правительства и общества в целом на решение подобных задач.

Стратегические рамки цифровой трансформации

Теоретическое обоснование экосистемы ИКТ-трансформации должно соответствовать стратегическим рамкам, которые определяют основные компоненты и ключевых игроков при проведении согласованной политики, позволяют реализовывать взаимостимулирующие инициативы в области развития ИКТ. Подобная организация процесса очерчивает связи и отношения между различными заинтересованными сторонами в рамках системы спроса-предложения на ИКТ, что облегчает достижение национального консенсуса относительно электронной трансформации и систематический подход к ИКТ как инструменту развития. Кроме того, это позволяет заинтересованным сторонам выявлять недостающие звенья и ограничения в экосистеме электронной трансформации, которым следует уделять первоочередное внимание.

Экосистема цифровой трансформации может рассматриваться как сочетание ключевых взаимосвязанных элементов.

Политика и институты, способствующие инновациям. Политика и институциональная среда могут облегчать или затруднять взаимодействие между элементами электронной трансформации. Они создают условия для оказания информационных и коммуникационных услуг, а также обеспечивают спрос на ИКТ и их эффективное использование во всех секторах.

Человеческий капитал. Основу информационной революции составляют квалифицированные кадры — как пользователи ИКТ, так и те, кто создает ИКТ-ресурсы.

Технологические компетенции. Динамическая экосистема локальных услуг ИКТ и инноваций требует адаптации глобальных технологий к местным особенностям, чтобы управлять функционированием технологической инфраструктуры и поддерживать ее на локальном уровне, обеспечивать разработку необходимого цифрового контента и принятие решений, эффективно сотрудничать с мировыми поставщиками ИКТ-услуг.

Информационная и коммуникационная инфраструктура. Необходимо создать доступную и конкурентоспособную информационную инфраструктуру, в том числе обеспечить легкий доступ к интернету — проводному и мобильному, через узко- и широкополосное соединение, другие возможности для подключения устройств.

Цифровая трансформация включает в себя глобальную трансформацию пользовательского сектора или всей экономики путем совместных

инвестиций в ИКТ, а также реализации взаимодополняющей секторальной политики, институтов, процессов и возможностей.

Ключевая идея глобального подхода к трансформации — критическая значимость взаимозависимости и эффекта масштаба в формирующейся системе ИКТ страны. Национальные планы в области ИКТ должны выходить за рамки инвестиций в информационную инфраструктуру, обеспечивая вложения в создание других необходимых условий трансформации. Подобные условия включают в себя: образование в сфере ИКТ, развитие сектора услуг ИКТ, осуществление цифровой политики, реформу секторальных политик и институциональные изменения, направленные на устранение барьеров для применения ИКТ как инструмента трансформации, внедрение инноваций в бизнесе на основе ИКТ и новых бизнес- и организационных моделей электронного лидерства.

В Руководстве описывается процесс планирования и реализации цифровой трансформации на национальном уровне. Этот процесс начинается с всеобъемлющей оценки национальной электронной готовности, сопоставления страны по ключевым параметрам со схожими или ведущими странами. Следует применять лучшие практики и методологии для оценки электронной готовности, чтобы стимулировать национальный диалог. Общее видение возможностей и проблем, использование метода стратегического планирования (SWOT-анализ) для оценки экономики страны должны стать определяющими факторами при интеграции ИКТ в национальную стратегию развития. Стратегия опирается на общее понимание возможностей, преимуществ и рисков продолжающейся революции ИКТ, а также препятствий на пути к желаемому уровню трансформации.

Интеграция ИКТ в национальную стратегию развития требует интенсивного взаимодействия всех тех, кто погружен в цифровой мир, мир технологических инноваций, и заинтересованных сторон, перед которыми стоят задачи преобразующего развития. Это налагает ряд обязательств на органы власти по стиранию границ между ИКТ и деятельностью подобных органов для улучшенного взаимодействия в контексте необходимых преобразований. Лидеры различных экономических структур и социальных институтов должны рассматривать ИКТ как движущую силу модернизации своих отраслей, а не как дополнение или последствие реализации стратегии развития того или иного сектора.

Каковы возможности трансформации?

Трансформация при помощи ИКТ порождает огромное количество возможностей, спектр которых постоянно расширяется, начиная от автоматизации процессов до информирования при принятии решений, совершенствования управления, оказания инновационных услуг и расширения их набора, обновления инфраструктуры сфер финансов, образования, здравоохранения. В настоящем Руководстве упор делается на применение эффективных практических методов инновационной трансформации правительственного сектора и ключевых отраслей сферы услуг.

Трансформация правительственного сектора предполагает общее видение структуры и функций будущего правительства, которое будет способно решать проблемы, порождаемые глобализацией, удовлетворять растущие ожидания сетевого общества. В Руководстве приводится огромный перечень инструментов ИКТ, которые могут применяться для проведения реформ в государственном секторе, излагаются ключевые стратегические подходы к реализации ИКТ в управленческой деятельности: в масштабах всего правительства; посредством его переориентирования на клиента; через совместное использование инфраструктуры и ресурсов; посредством разработки комплексных мультиканалов для оказания услуг. Особое внимание следует уделять мобилизации спроса на онлайн-услуги и контролю за их распространением и эффективным применением. В целях модернизации государственного сектора должны использоваться новые инструменты: мобильные устройства, открытые государственные данные, большие данные и аналитическая информация.

Трансформация ключевых секторов сферы услуг. Государственные учреждения должны выйти за рамки простого освоения инструментов ИКТ для понимания их преобразующего воздействия. Развитие цифрового сектора предполагает использование стратегии, исходя из видения реформ, направленных на устойчивый процесс трансформации. Комплексные стратегии в области ИКТ и инвестиции в любой сектор экономики должны быть синхронизированы с соответствующей секторальной политикой, правовыми нормами и объемами инвестирования в сферу, подлежащую трансформации. Стратегия секторальной трансформации приобретает дополнительные преимущества, если целевой сектор (спрос) рассматривается в ней как экосистема в сочетании с целостным представлением об экосистеме ИКТ (предложение). В Руководстве объясняется, как подобная интегративная экосистема секторальной трансформации может применяться в сфере образования и обучения, а также в других отраслях сферы услуг.

Как страна может освоить процесс цифровой трансформации?

Для освоения процесса цифровой трансформации требуется укрепить специализированный подход к руководству и организационным возможностям, осуществлять стимулирующую политику в области цифровой экономики, создать коммуникационную инфраструктуру высокого качества и проводить быстрое обучение персонала исходя из местного и мирового опыта.

Инновации в области управления и институциональной системы являются важным компонентом цифровой трансформации. Следует четко очертить роли государства, частного сектора и других партнеров по развитию процесса трансформации. Лидеры процесса должны объединиться в сеть, чтобы координировать деятельность учреждений по разработке последовательной политики, преодолевать политические и экономические барьеры и управлять структурными изменениями. Они должны создавать институты, обладающие необходимой компетенцией в области планирования и осуществления различных элементов процесса трансформации. В Руководстве описываются основные варианты

электронного лидерства, их сильные и слабые стороны, а также основные профессиональные качества, требующиеся лидерам для преобразующих действий.

Кроме того, следует уделять внимание разработке стимулирующих практик и норм для формирующегося цифрового мира. Политические реформы необходимы для использования энергии текущих технологических изменений в целях максимального воздействия трансформаций на экономику и общество. Политические и экономические проблемы и препятствия в конечном счете влияют на осуществление реформ в данной области, как и в других областях общественной деятельности. Нужно сосредоточиться на ключевых вопросах развития нормативной правовой базы инноваций, определить соответствующие нормативные подходы. В Руководстве излагаются ключевые задачи конкретной государственной политики, которые имеют существенное влияние на исследования, инновации, распространение и внедрение ИКТ в поддержку трансформации. Конвергенция технологий может иметь существенное влияние на реализацию последовательной, устойчивой и технологически нейтральной политики, определение ее институциональных рамок.

Инфраструктура широкополосной связи высокого качества стала основой впечатляющей экосистемы электронной трансформации. В Руководстве описываются главные задачи по разработке широкополосных стратегий для создания и мобилизации спроса. Обеспечение всеобщего доступа к интернету является здесь ключевым моментом: в интересах всего общества связать между собой различные группы населения, чтобы использовать эффект масштаба и сетевые особенности для построения настоящего сетевого общества. В Руководстве рассматриваются возможности обеспечения доступа к интернету для всех групп населения, предлагаются рекомендации по управлению спектром услуг, превращающимся в критический ресурс для развертывания мобильных широкополосных сетей.

Новые уроки

В Руководстве обобщается опыт ведущих стран, который можно свести к десяти взаимостимулирующим тенденциям.

1. Приверженность общемировой долгосрочной стратегии трансформации, которая является неотъемлемой частью национальной стратегии развития.
2. Сотрудничество заинтересованных сторон с целью выработки общего видения перспектив и общих действий в области цифровой трансформации.
3. Синергизм между субъектами/элементами экосистемы электронной трансформации и использование эффекта масштаба в рамках экономической структуры спрос-предложение.
4. Обращение к «мягкой» инфраструктуре или локальному потенциалу в ходе осуществления цифровой трансформации, имея в виду лидерство, политику и институты.

5. Поощрение государственно-частного партнерства для вовлечения частного капитала в инновационный процесс, использование ресурсов и ноу-хау, требуемых для преобразующих изменений.
6. Поощрение распространения цифровых технологий и приобщение к ним с целью широкой и соразмерной трансформации.
7. Использование стратегических подходов к финансированию в соответствии с требованиями диверсификации инноваций, гибкости, координации и с временным горизонтом, необходимыми для всех элементов цифровой трансформации.
8. Соблюдение баланса между стратегической направленностью и локальной инициативой для придания динамики национальному движению, локальному экспериментированию и адаптации инноваций на основе быстрого масштабирования.
9. Стимулирование изменений, инноваций и обучения посредством децентрализации, обмена знаниями, использования инновационных фондов и управления изменениями.
10. Гибкий контроль и оценка результатов с самого начала и на протяжении всего процесса трансформации.

Эти основополагающие принципы могут дополнять друг друга. Их использование должно помочь странам и местным органам власти при проведении цифровой трансформации. По всей видимости, этот процесс станет ключевой компетенцией в XXI веке.

Эволюция ментальных моделей в информационно-сетевом обществе

Статья рекомендована Т. В. Ершовой 20.12.2014 г.

**КОБЛОВА Юлия
Александровна**

Кандидат экономических наук, заместитель заведующего кафедрой институциональной экономики Саратовского социально-экономического института (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова

Аннотация

В статье исследуется общий вектор преобразований неформальных институтов в эпоху интернета. Показано, что интернет-коммуникации, встраиваясь в различные социальные практики, способны изменять сложившиеся ментальные модели. Выделены тенденции в эволюции неформальных институтов в условиях информационного общества и экономики.

Ключевые слова:

неформальные институты, ментальные модели, ИКТ, информационно-сетевая экономика, интернет.

Базовым уровнем институциональной системы любого уровня являются неформальные институты. Неизменно присутствуя в социально-экономической жизни общества, неформальные институты функционируют в различных вариантах и оказывают непосредственное влияние на институциональное развитие социума. Несмотря на устойчивость базовых ценностей, определяющих массовое сознание людей и особенности их менталитета, лежащих в основе неформальных институтов, им присуща способность реагировать на новые условия жизни, изменчивость и динамизм в современном обществе. Заметные сдвиги в базовых ценностях в настоящее время обусловлены в том числе переходом на информационно-сетевую траекторию развития. В связи с этим научно-практическую значимость и актуальность приобретает всесторонний анализ трансформации неформальных институтов в условиях становления и развития информационно- сетевого общества и экономики.

Постараемся понять, каковы характер, направления и тенденции эволюции неформальных институтов в условиях информационного общества, а также последствия этого процесса.

Деление институтов на формальные и неформальные является общепринятым в научном сообществе. В совокупности они образуют институциональную основу социального развития. Под *формальными* институтами понимаются правила, существующие в форме официальных текстов нормативно-правовых, административных, инструктивных документов, прошедших установленный порядок их утверждения, под *неформальными* — общепринятые условности и этические кодексы поведения людей (обычаи, традиции, устные договоры, соглашения, привычки, принятые нормы поведения, кодексы чести, профессиональное самосознание).

Неформальные институты возникают в процессе передачи знаний, ценностей и правил поведения от поколения к поколению. Ф. Хайек рассматривал неформальные институты как неотъемлемую

составляющую спонтанно возникающего порядка сотрудничества между людьми [1]. основополагающую роль в развитии неформальных институтов играют культура, этнические (национальные) особенности, а также религиозные традиции, которые характеризуют наиболее устойчивый пласт социокультурного своеобразия стран. О сложившихся неформальных институтах можно судить по особенностям массового сознания населения, которые проявляются в менталитете и поведении. Так, в кросскультурных исследованиях фиксируются существенные различия в представлениях о должном поведении, например, в экономической области между западным и восточными обществами [2, 237–242].

Содержание неформальных институтов может меняться. Как правило, это происходит постепенно и дискретно путем накопления субъектами хозяйственного опыта наиболее выгодным для них способом. В отличие от формальных правил, которые могут быть изменены государством, неформальные ограничения характеризуются высокой устойчивостью и изменяются очень медленно. Для иллюстрации сказанного приведем схему О. Уильямсона, отражающую взаимосвязи между различными видами институциональных рамок [3, с. 597] (рис.).

Представляя базовый уровень институциональной системы общества, неформальные институты не поддаются прямому воздействию. Их изменение происходит в процессе длительной общественной эволюции. Информационно-сетевое общество и экономика меняет привычные условия функционирования институтов, их состав и структуру, однако прежде всего и в большей степени, на наш взгляд, эти изменения затрагивают именно неформальные институты.

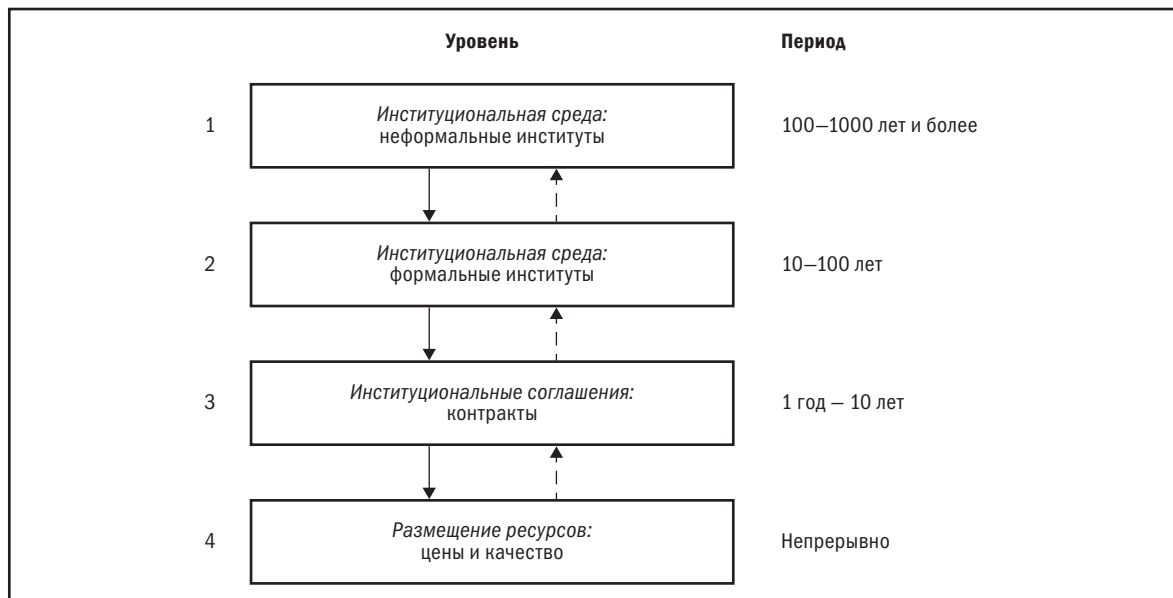

Рис. Изменение различных видов институциональных рамок

Источник: Williamson O. E. The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead // Journal of Economic Literature. 2000. V. 38. № 3. P. 597.

Процесс эволюции институциональной системы, вызванный переходом к информационно-сетевой экономике, может быть описан теорией индуцированных институциональных инноваций, предложенной японским экономистом и социологом Ю. Хайями. Он утверждает, что при изменении внешнего контекста — смена технологий, развитие рынка, удешевление или удорожание сырья и продуктов, политическая и международная ситуация — именно неформальные институты выступают основой для институциональных инноваций. «Внешние шоки» неизбежно создают потребность в новых институтах. При этом социокультурные нормы играют существенную роль в адаптации к изменившейся ситуации и возникновении норм, поддерживающих новое устройство. Так, появление интернета и «сетевизация» всей системы общественных отношений выступают тем внешним фактором, который стимулирует эволюцию культурных и социальных норм. Впоследствии в соответствие с ними будут приведены и формальные правила.

Изменения неформальных институтов в условиях информационно-сетевой экономики выражаются в преобразовании ментальных моделей. *Экономическая ментальность* — это отражение специфики сознания людей, складывающейся исторически и проявляющейся в единстве сознательных и бессознательных ценностей, норм и установок. Она формируется в соответствии со стереотипами потребления, нормами и образцами взаимодействия, организационными формами, ценностно-мотивационным отношением к труду и богатству, восприимчивостью (или невосприимчивостью) к зарубежному опыту. Согласно системному подходу, деятельность человека направляется глубоко укоренившимися идеями, стратегиями, способами понимания, объединяемыми обобщенным понятием «ментальные модели». Они подобны картам местности, которые используют путешественники, идущие по стопам успешных первопроходцев. Ментальные модели отличаются устойчивостью, но благодаря обретению нового опыта они меняются и развиваются. Таким образом, ментальные модели — это нечто вроде встроенных фильтров, определяющих наше видение мира и поведенческие практики [4, с. 81, 82].

Катализатором изменения ментальных моделей в современный период, несомненно, является сеть интернет и формируемое ею виртуальное пространство. Можно сказать, что история нашего мира в последние 40 лет — это история постепенного формирования дополнительного измерения социальной жизни — измерения, в котором технологическое объединено с социальным. Информационное измерение, основанное на технологиях, обладает собственной структурой, размерностью и закономерностями. По словам М. Кастельса, интернет — это информационная технология и социальная форма, которая воплощает в себе информационную эпоху так же, как электрический двигатель был рычагом социальных и технических изменений индустриальной эпохи [5]. О социальной значимости интернета и формируемой им среды свидетельствует динамика численности интернет-пользователей во всем мире (табл. 1): рост числа пользователей за первые 12 лет XXI века составил 566,4%, приблизившись к отметке в 2,5 млрд человек.

По результатам открытой дискуссии наиболее важными причинами постоянного подключения к сети интернет были названы: возможность в любое время получить нужную информацию, использовать сеть как

оперативный источник новых знаний, как способ связи с нужными людьми, постоянно поддерживать профессиональные и деловые контакты, сохранять и архивировать большое количество информации и др. Таким образом, не только огромные информационные ресурсы предопределяют возрастающую востребованность и популярность киберпространства. Основопологающую роль играют именно коммуникативные возможности. Исследователи интернета отмечают, что первоначально сеть рассматривалась как глобальный банк информации и способ связи ее элементов, а впоследствии на первый план вышла ее способность обеспечивать контакты между людьми. При этом не только увеличилась интенсивность взаимодействия людей друг с другом, но и возросло число форм коммуникации [6, с. 18]. По мнению Н. Больца, «величайший культурный смысл интернета состоит в том, что после этапов архаической родовой общности и современного «отчуждения» мы оказались накануне рождения новой формы общности — соседства, состоящего в общении в электронных сетях» [7, с. 104].

Новые технологии, встраиваясь в различные социальные практики, определенным образом воздействуют на социальную реальность. В обществе, основанном на информации и знаниях, сетевые компьютерные технологии определяют специфику социальных изменений, не только являясь их инструментом, но и создавая особую информационную, коммуникационную и культурную среды. В результате взаимодействия человека и подобных технологий формируется особая коммуникационная реальность, которая задает условия выполнения различных социальных действий и практик. Можно утверждать, что *прочно вошедшие в социальные практики каждого индивида и ставшие неотъемлемой частью его жизни интернет-коммуникации способны изменять сложившиеся ментальные модели.*

Регион мира	Численность населения в 2012 г.	Интернет-пользователи, на 30 июня 2012 г.	Проникновение, % населения	Рост числа пользователей, 2000—2012 гг.	Доля от общего числа пользователей, %
Африка	1 073 380 925	167 335 676	15,6%	3606,7%	7,0%
Азия	3 922 066 987	1 076 681 059	27,5%	841,9%	44,8%
Европа	820 918 446	518 512 109	63,2%	393,4%	21,5%
в т. ч. Россия	142 517 670	67 982 547	47,7%	—	—
Ближний и Средний Восток	223 608 203	90 000 455	40,2%	2639,9%	3,7%
Северная Америка	348 280 154	273 785 413	78,6%	153,3%	11,4%
Латинская Америка и Карибский регион	593 688 638	254 915 745	42,9%	1310,8%	10,6%
Австралия и Океания	35 903 569	24 287 919	67,6%	218,7%	1,0%
Всего	7 017 846 922	2 405 518 376	34,3%	566,4%	100,0%

Табл.1 Показатели использования сети интернет, 2000—2012 гг.

Источник: Internet World Stats, 2012.

Чтобы увидеть механизм и результат влияния интернет-коммуникаций на поведение людей, обратимся к исследованию социальных аспектов развития компьютерных коммуникационных сетей. А. В. Царева выделяет несколько этапов этого развития и соответствующих им сетевых поколений: «создатели», «пользователи» и «подключенные», что позволяет выявить специфику и качественную динамику отношений «человек–сеть» [8, с. 36–53]. По мере смены сетевых поколений происходило формирование новых ценностей сетевой компьютерной коммуникации (табл. 2).

Таким образом, появление новых ценностей, новых стратегий жизни, коммуникации, мотивации и карьеры, потребления, обучения и т. д. свидетельствует о заметных сдвигах в ментальных матрицах и становлении новых неформальных норм и правил поведения в условиях информационно-сетевом обществе.

На современном этапе развития отношений «человек–сеть» новое поколение пользователей не просто потребляет информацию: это, скорее,

Этапы развития сети	Формируемые ценности
Этап 1. 1970–1980 гг. Поколение «создателей»	<ul style="list-style-type: none"> – открытость и свобода информации, некоммерческий характер контента; – формирование статуса участников сообществ на основе технической, информационной или коммуникативной компетенции; – централизованность и отсутствие стабильной многоуровневой социальной иерархии, формирование представления о собеседнике на основании текста сообщений; – культура дискуссии и консультации с представителями интернет-сообщества, ценность «коллективного» интеллекта; – создание впечатления и формирование репутации на основании информационного вклада участников и результатов их деятельности в сети
Этап 2. 1990-е годы Поколение «потребителей»	<ul style="list-style-type: none"> – «потоковость», концентрирование внимания на происходящем «здесь и сейчас»; – анонимность, возможность «игр с идентичностью», конструирования, апробации и смены виртуальных сетевых масок в публичном пространстве; – свобода распространения информации вне зависимости от ее содержания и качества
Этап 3. 2000-е годы Поколение «подключенных»	<ul style="list-style-type: none"> – новые жизненные стратегии: подключенность, многозначность и быстрое реагирование, практически постоянное обращение к сети – за информацией для принятия решений, за рецептами готовых действий, за мнением по поводу событий, за новостями и поддержкой; – новые стратегии поиска информации: переход от поиска информации для решения конкретных задач к постоянному сканированию информационного поля в поиске изменений и новых сообщений; – новые стратегии коммуникации: возрастающая роль в поддержании социальных контактов фактического обмена сигналами – взаимодействия, не насыщенного информацией, но поддерживающего социальную связь и эмоциональный контакт; – новая мотивация и концепция карьеры: индивидуализация и перемена мест, предпочтение работы в ориентированных на результат кратковременных проектах, отрицание жесткой иерархии, ориентация на взаимодействие в команде; – новые стратегии обучения: переход от ориентированного на преподавателя лекционного процесса к ориентированному на студента процессу сотрудничества и создания знания в ходе обучающего взаимодействия; фрагментарность, мозаичность и визуализация в процессе обучения; – новые стратегии потребления: просьюминг – предпочтение масштабируемых и изменяемых продуктов, в создании которых можно принять активное участие; – новые стратегии политического участия: смена базовых императивов гражданственности и демократии; новые виды участия в социальной жизни

Табл. 2 «Сетевые поколения» и их ценности

Составлено по: Царева А. В. Человек в Сети: смена веб-поколений // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. XV. № 5 (58). С. 36–53.

непрерывный процесс соучастия, организации, корректировки, упорядочивания, комбинации полученного материала. С помощью блогговых технологий и социальных медиа это поколение непрерывно создает вокруг каждого события или объекта, достойного внимания, поле коммуникации и интерпретации.

На основании вышеизложенного можно выделить тенденции эволюции неформальных институтов в условиях информационно-сетевой экономики.

1. Размывание границ между различными ментальными моделями

Отмечается резкое, даже скачкообразное увеличение количества самых многообразных жизненных форм и стилей, способов поведения, абсолютно не сводимых к национальной, религиозной, демографической, профессиональной или экономической специфике. Стили, возникшие в течение последних десятилетий, имеют исключительно культурное происхождение. Основу современной культуры общества и личности составляет *информационная культура*, отражающая степень развитости информационного взаимодействия и всех информационных отношений, уровень развития информационных связей в обществе, а также характеристику информационной сферы как специфической области жизнедеятельности людей, в которой фиксируется степень достигнутого и тенденции развития. Именно информационная культура, на наш взгляд, способствует размыванию границ между разными, глубоко укоренившимися в предшествующие эпохи базовыми идеями, стратегиями и способами жизнедеятельности.

2. Изменение роли и соотношения между различными неформальными институтами, определяющими поведение людей

На фоне расширения поведенческих альтернатив благодаря возможностям интернета все более явно ощущается ограниченность практик, которые демонстрируют традиционные неформальные институты. Информационно-сетевое общество создает новые формы социального сетевого взаимодействия, которые бросают вызов традиционным источникам культурных рецептов, в числе которых семья, школа, церковь. Как источники неформальных норм и правил поведения, они все более вытесняются интернетом, который приобретает значение неформального института, побуждающего индивидов к локальным и масштабным действиям, направленным на изменения.

3. Ускорение процессов изменения неформальных институтов

Как отмечалось выше, неформальные институты не поддаются прямому воздействию, они изменяются в процессе длительной эволюции в течение

100—1000 лет. Однако в условиях информационно-сетевых обществ они попадают в среду, в которой они могут быть более гибкими, пластичными. Виртуальная среда интернет-коммуникаций способствует более активному возникновению и апробации новых норм и стилей поведения. В результате временные границы эволюции неформальных институтов значительно сужаются.

4. Усиление конкурентоспособности неформальных институтов

Как известно, социальные институты конкурируют между собой, точнее, конкурируют не сами институты, а экономические агенты, которые предлагают альтернативные институты. Органы государственной власти и управления, которые обладают монополией на создание новых формальных институтов, занимают исключительное положение. Несмотря на то, что некоторую конкуренцию им может составить неформальный сектор экономики, предлагающий свои правила игры, рынок институтов не может быть абсолютно конкурентным, но в условиях информационно-сетевой экономики способность неформальных институтов конкурировать с формальными возрастает, что обусловлено возможностью более быстрого и широкого распространения неформальных норм и правил благодаря сети интернет.

Таким образом, информационно-сетевое общество меняет привычные условия функционирования неформальных институтов, их роль в экономике, состав и структуру. Изменения неформальных институтов выражаются в преобразовании ментальных моделей. Катализатором подобных изменений является сеть интернет и формируемое ею виртуальное пространство, выступающее неотъемлемым атрибутом современной эпохи. О сдвигах в ментальных матрицах, становлении новых неформальных норм и правил поведения в условиях информационно-сетевой экономики свидетельствует появление новых ценностей, стратегий жизни, коммуникации, мотивации и карьеры, потребления, обучения и т. д. В эволюции неформальных институтов заметны тенденции к размыванию границ между различными ментальными моделями, изменению роли и соотношения между различными неформальными институтами, ускорению процессов изменения неформальных институтов и усилению их конкурентоспособности.

ЛИТЕРАТУРА

1. ХАЙЕК Ф. **Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма**. М.: Новости, 1992.
2. **Институциональный анализ и экономика России: учебник** / Под ред. В. Т. Рязанова. М.: Экономика, 2013.
3. WILLIAMSON O. E. **The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead** // Journal of Economic Literature. 2000. V. 38. P. 3.
4. О'КОННОР ДЖ. **Искусство системного мышления: Необходимые знания о системах и творческом подходе к решению проблем**. М.: Альпина Паблишер, 2011.
5. КАСТЕЛЬС М. **Информационная эпоха: экономика, общество и культура**. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
6. ЛЕБЕДЕВ П. А., ПЕТУХОВА С. И. **Социальные медиа: показатель развития информационного общества?** // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 5.
7. БОЛЬЦ Н. **Азбука медиа**. М.: Европа, 2011.
8. ЦАРЕВА А. В. **Человек в Сети: смена веб-поколений** // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. XV. № 5 (58).

Разработка рекомендаций по использованию данных Всероссийской переписи населения с учетом концепции открытого правительства

Статья рекомендована А.Н. Райковым 14.02.2015 г.

МАНЖУЛА Олег Владимирович
*Заместитель начальника
Управления организации
проведения переписей
и сплошных обследований
Росстата*

Аннотация

В статье рассматриваются ключевые задачи внедрения принципов открытости и доступности данных при проведении Всероссийской переписи населения и распространении ее итогов. Сформулировано определение открытого государственного статистического ресурса, представляющего собой совокупность сформированных на единых методических, технологических, организационных принципах информационных баз данных.

Ключевые слова:

Всероссийская перепись населения, технология, открытые данные, мониторинг, повышение эффективности, информационные и коммуникационные технологии, открытый государственный статистический ресурс.

Концепция открытого правительства разработана с целью расширения реальных возможностей граждан и их объединений активно участвовать в управлении государственными делами, обеспечения открытости, качества и гражданского контроля функций государственного управления, процедур выработки и реализации решений органов исполнительной власти, а также для повышения эффективности и результативности приоритетных мероприятий по совершенствованию системы государственного управления, определенных Указами Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 596—606 и ключевыми направлениями деятельности Правительства России на период до 2018 г., утвержденными 31.01.2013 г.

Открытые данные — это информация о деятельности органов государственной власти на всех уровнях управления, которая размещена в сети интернет в виде объемных массивов данных в таком формате, который обеспечивает их автоматизированную обработку для многократного использования при условии невозможности предварительного изменения человеком, то есть в машиночитаемом формате, а также на условиях ее бесплатного и свободного использования.

Открытые данные используются во всех крупнейших странах мира и международных организациях (International Budget Partnership, Open Government Partnership, W3C, ОЭСР, Open Knowledge Foundation, Всемирный банк и т. д.) [1].

Формат открытых данных Всероссийской переписи населения

Подготовку Росстатом открытых данных для официальной публикации итогов Всероссийской переписи населения (далее — ВПН) предлагается проводить в следующем порядке:

- разработка структуры и формата открытых данных ВПН;
- подготовка открытых данных ВПН к публикации.

Структура базы данных, которая будет находиться в свободном доступе, может быть аналогична публикационным таблицам переписи населения, которые размещаются в информационном разделе официального сайта Росстата, как, например, «Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года» [2]. При определении формата открытых данных переписи населения необходимо руководствоваться «Методическими рекомендациями по публикации открытых данных государственными органами и органами местного самоуправления и техническими требованиями к публикации открытых данных» [3].

Каждому набору открытых данных переписи населения может соответствовать том публикационных данных переписи. Для каждого набора открытых данных переписи в структуре данных предлагается указывать следующую информацию:

- наименование набора данных;
- наименование соответствующего тома публикационных данных;
- описание набора данных;
- список и описание показателей набора данных;
- список и описание разрезов набора данных.

Для каждого элемента описания формата открытых данных переписи населения предлагается указывать:

- название элемента;
- описание элемента;
- тип элемента;
- возможное количество экземпляров элемента.

Таким образом, при размещении информации о переписи населения в формате открытых данных будет достигнута основная цель, поставленная в Концепции открытых данных [4], — создание условий для получения максимального международного, политического, социального и экономического эффекта от использования гражданами России, наукой, бизнес-сообществом и другими представителями российского общества данных, полученных в ходе проведения переписи населения.

Предложения по использованию статистических сведений Всероссийской переписи населения

Сегодня информационные и коммуникационные технологии (ИКТ) занимают ведущее положение в инновационном развитии важнейших сфер

общественной жизнедеятельности: государственного и муниципального управления, образования, здравоохранения, бизнеса, культуры, обеспечения безопасности, общественной жизни и т. д. Реалии современного мира дают возможность нашей стране влиться в глобальный процесс информационного развития общества и получить максимальную выгоду от инвестиций в ИКТ.

Россия находится на пороге нового витка развития информационного общества, в центре внимания которого стоят задачи эффективного использования ИКТ для предоставления широкого спектра услуг населению. Министерство связи и массовых коммуникаций России ставит перед собой амбициозные планы сделать общедоступной сотовую связь, отменив роуминг внутри страны, организовать бесплатный интернет во всех видах транспорта, обеспечить подключение двух миллионов домохозяйств в год к широкополосному фиксированному интернету на скорости 100 Мбит/с и на 20 миллионов в год увеличивать число пользователей мобильного интернета четвертого поколения (4G) [4].

Необходимость открытости при проведении исследований информационной деятельности статистического ведомства определяется задачами современного этапа формирования рыночных и общественных отношений в Российской Федерации. Условия хозяйствования требуют информационного обеспечения субъектов финансово-хозяйственной деятельности, формирования информационной инфраструктуры, которая может быть востребована для оценки пропорциональности развития, модернизации и совершенствования рыночных отношений под влиянием распространения статистической информации.

Действующие объективные политические и экономические условия современного этапа развития общества позволяют осуществлять его статистическую оценку на федеральном уровне, где изучаются как закономерности развития национального хозяйства в целом, так и рыночные процессы в полной взаимосвязи с социально-демографическими тенденциями. Статистическое исследование на макроуровне эффективно при разработке управленческих решений на федеральном уровне, что требует качественных комплексных, обобщенных статистических показателей [5]. Подобный анализ осуществляется с использованием данных, получаемых в результате проведения масштабных статистических обследований, таких как ВПН, а также формируемых на этой основе информационных систем о населении.

Полученные выводы могут быть представлены в виде структурной схемы использования статистических сведений переписи населения на всех уровнях государственного управления (рис.).

Следует сказать, что результаты статистического исследования демографических процессов на основании данных ВПН на уровне регионов в настоящее время используются недостаточно, несмотря на то, что управление регионом предполагает наличие широкого спектра информации: статистических данных о населении, связанных с населением экономических показателей, востребованных гражданами товарах и услугах для формирования концепции развития крупных предприятий, отдельных отраслей производства, которые имеют сложную горизонтально и вертикально интегрированную организационную структуру.

На местном и корпоративном уровне требуется проведение статистического исследования потребительских рынков товаров и услуг, в границах которого изучаются влияние демографических показателей на развитие рыночных отношений, на деятельность различных хозяйствующих субъектов, учреждений, предприятий, организаций, на принимаемые ими инвестиционные решения, на корректировку направлений финансово-экономической деятельности.

Информационная инфраструктура использования сведений, полученных в процессе проведения ВПН, должна основываться на принципах открытости и доступности, использовать современные информационные технологии, которые обеспечивают постоянную актуализацию и доступность данных, формироваться на базе имеющихся, развивающихся и разрабатываемых информационных систем, к которым относятся:

- информационные системы органов государственной власти на всех уровнях управления;
- информационная система сведений о количественных и качественных характеристиках населения;
- информационные базы данных коммерческих предприятий.

Ключевым для предлагаемой технологии использования сведений, полученных в процессе проведения ВПН, является понятие *открытого государственного статистического ресурса*. Это определение предполагает создание единой информационной системы федерального, регионального, местного и корпоративного уровней, которая должна представлять собой совокупность сформированных на единых методических, технологических, организационных принципах информационных баз данных. Последние представляют собой систему статистических показателей, отображающих численность населения, уровень жизни граждан, их социально-экономическое положение, уровень дохода, востребованные ими товары и услуги, а также объем потребляемых услуг.

Почти во всех сферах жизнедеятельности ключевым условием формирования актуальных управленческих решений можно назвать объективный и достоверный учет социально-демографической ситуации, которая складывается в регионах и обусловлена территориальными и экономическими особенностями развития [6]. Особую актуальность изучение демографических процессов и явлений приобретает именно сейчас, когда основным условием перехода экономики на путь интенсивного развития является максимальное и эффективное использование человеческого фактора.

Демографическая информация необходима помимо прочего для оптимальной организации комплексного изучения потребительских рынков товаров и услуг. Необходимые в данном случае сведения характеризуют численность населения каждого территориального образования, его экономическую структуру, а также социальный состав. Подобную информацию можно назвать необходимым компонентом информационной структуры потребительских рынков товаров и услуг, обуславливающим тенденции развития рыночных отношений — производства и потребления, покупки и продажи.

Ключевая составляющая коренной перестройки статистических исследований — переход от ныне действующей к более современной организации сбора, учета, обработки и хранения информации о населении. Наряду с традиционными она должна обеспечивать решение комплекса новых задач, связанных с социально-экономическими и демографическими процессами, способствовать выявлению наиболее перспективных направлений развития национальной экономики, конкретных проблем, которые стоят перед федеральными, региональными и местными органами исполнительной власти.

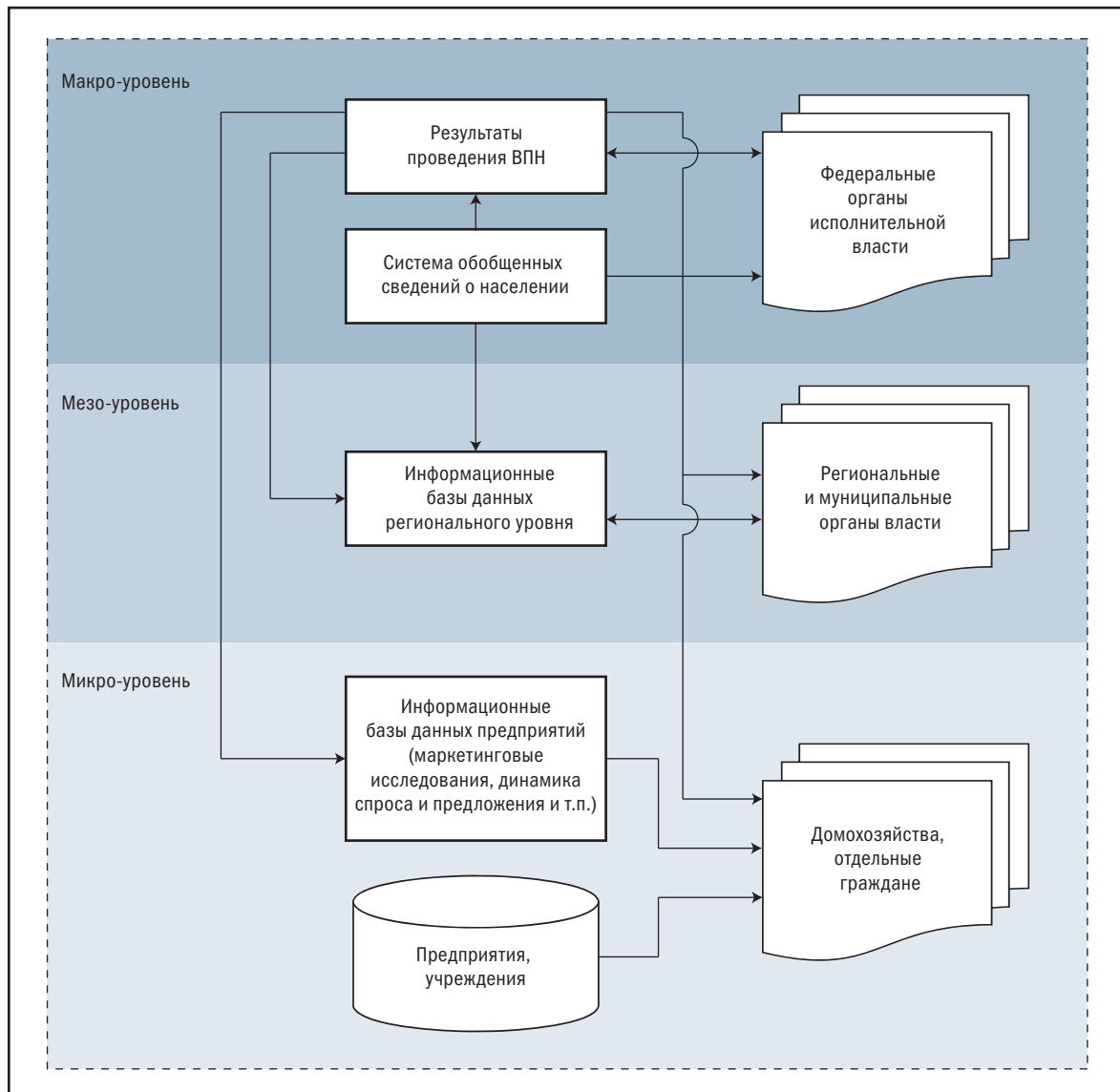

Рис. Структурная схема использования статистических сведений переписи населения

Таким образом, обеспечение в ходе всероссийских переписей населения принципов открытости и доступности предполагает учет концепции открытого правительства, в том числе:

- реализацию сформулированных предложений по формированию структуры и формата представления наборов открытых данных Всероссийской переписи населения;
- внедрение предложенной структурной схемы использования статистических сведений переписи населения на всех уровнях государственного управления;
- использование сформулированного понятия «открытый государственный статистический ресурс», которое определяет совокупность сформированных на единых методических, технологических, организационных принципах информационных баз данных, включая систему статистических показателей, отображающих численность населения, уровень жизни граждан, их социально-экономическое положение, уровень дохода, востребованные ими товары и услуги, а также объем потребляемых благ;
- создание *открытого государственного статистического ресурса*, который позволит стандартизировать, агрегировать, унифицировать и согласовывать все информационные потоки сведений о населении, модернизировать методы и способы переписи населения и первичного его учета, организацию сбора, анализа, обработки и хранения полученных данных в формате открытых данных.

ЛИТЕРАТУРА

1. ПЬЯНКОВА А. И. **Зарубежный опыт проведения переписей населения через Интернет** // Вопросы статистики. 2013. № 5. С. 46–52.
2. <http://www.gks.ru>.
3. **Методические рекомендации по публикации открытых данных государственными органами и органами местного самоуправления и технические требования к публикации открытых данных** (документы размещены на Портале административной реформы «Совершенствование государственного управления»). URL: http://ar.gov.ru/inform_otkritost_05_otkritii_dannie/index.html
4. **Концепция открытых данных 2012** (размещена на Портале административной реформы «Совершенствование государственного управления»). URL: http://ar.gov.ru/inform_otkritost_05_otkritii_dannie/index.html
5. **Индекс готовности регионов России к информационному обществу**. М.: Институт развития информационного общества, 2012.
6. ИВАНОВА Е. И. **Современный текущий статистический учет естественного движения населения и возможности его применения для социально-демографического анализа** // Вестник РГГУ. Серия «Социологические науки». 2012. № 2.

Современное общество как общество сетевых структур

Статья рекомендована И. Ю. Алексеевой 15.09.2014 г.

ЛЫСАК Ирина Витальевна
Доктор философских наук, профессор Южного федерального университета

Аннотация

В статье проанализированы базовые подходы к современному обществу как обществу сетевых структур. Сетевая структура рассматривается как децентрализованный комплекс взаимосвязанных узлов, способный расширяться путем включения новых звеньев, что придает сети гибкость и динамичность. В обществе таким «узлом» является социальный субъект, способный обрабатывать, накапливать и продуцировать новую информацию. Распространение сетевых структур и сетевой логики позволяет говорить о складывающейся в настоящее время сетевой культуре, которой присущи асинхронность, нелинейность, семантический и аксиологический плюрализм, доминирование публичности.

Ключевые слова:

сетевые структуры, социальная сеть, ризома, сетевое общество, сетевая культура.

КОСЕНЧУК Людмила Федоровна
Заведующая лабораторией кафедры философии Инженерно-технологической академии Южного федерального университета

Развитие информационно-коммуникационных технологий, выстроенных по сетевому принципу, привело к повсеместному распространению в современном обществе сетевых структур. Некогда упорядоченное и иерархичное социальное пространство превратилось на наших глазах в мир «тысячи плато» и ускользающей паутины возможностей, в котором нет проложенных дорог и точек опоры, так необходимых человеку. В научный оборот вошли понятия «сетевые структуры», «социальная сеть» и даже «сетевая культура», однако их содержание зачастую размыто, что затрудняет осмысление происходящих социальных трансформаций. В связи с этим перед исследователями стоит задача концептуализации указанных терминов, попытка решения которой предпринята в данной статье.

Необходимо подчеркнуть, что в самом общем виде понятия «сеть», «сетевые структуры» используются в современном научном знании для обозначения взаимодействующей совокупности объектов, связанных друг с другом линиями связи. С середины XX в. в социально-гуманитарном знании начинает применяться понятие «социальная сеть». Впервые оно встречается в статье 1954 г. британского антрополога и социолога Дж. Барнза, который использовал его для обозначения дружеских, родственных и классовых связей, сложившихся в норвежском островном приходе. В его работе сеть определялась как любая «совокупность людей или их групп, между которыми существуют те или иные контакты и взаимодействия» [1]. Спустя три года этот термин применила Э. Ботт, изучавшая семьи английских рабочих, которые, по ее мнению, жили не в группах, а в «сетях»,

т. е. в структурах, где семья могла быть связана с одними семьями и организациями и никак не связана с другими [2]. В конце 1950-х — 1960-е годы социальные сети начинает анализировать группа антропологов из Манчестерского университета (М. и Дж. Клайд Митчелл) [3, с. 302], а также этнограф С. Ф. Надель [4].

Начиная с 1980-х годов в социально-гуманитарной литературе получает распространение более узкая трактовка сетевых структур, в рамках которой сетью считается не всякая совокупность взаимодействующих людей, а лишь характеризующаяся рядом базовых принципов, к основным из которых относятся децентрализованность и связность [5, с. 113, 114]. Применительно к социальным сетям децентрализованность означает наличие в системе сразу многих центров активности — лидеров, а также приблизительное равенство статусов, социального веса, ранга составляющих систему индивидов и их групп. Под связностью большинство исследователей понимают взаимозависимость и тесную кооперацию составляющих элементов.

Одна из самых известных теорий сетевого общества была разработана в 1990-х годах американским социологом испанского происхождения М. Кастельсом и изложена им в книгах «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» [6] и «Галактика Интернет» [7]. М. Кастельс использует понятие «сетевое общество», чтобы, с одной стороны, показать определяющую роль компьютерных сетей в развитии современного социума, с другой стороны, чтобы обосновать, что развитие современных информационно-коммуникационных технологий ведет к изменению общественных отношений. Он полагает, что в современном мире сетевые принципы общественного устройства постепенно вытесняют иерархические, причем если раньше сетевая организация была отображением внутренней структуры общества, то в новых условиях она становится сознательно внедряемой внешней структурой, ее формой.

По мнению М. Кастельса, сетевая структура — это «комплекс взаимосвязанных узлов», причем «конкретное содержание каждого узла зависит от характера той конкретной сетевой структуры, о которой идет речь» [8, с. 470]. Сами же сети «представляют собой открытые структуры, которые могут неограниченно расширяться путем включения новых узлов, если те способны к коммуникации...» [8, с. 471]. Отличительным признаком общества сетевых структур М. Кастельс считает также доминирование социальной морфологии над социальным действием, поскольку принадлежность к той или иной сети выступает в качестве важного источника власти и перемен в обществе. Общество сетевых структур характеризуется качественным изменением коммуникативной среды, где информация играет определяющую роль, ведь по своей природе она является ресурсом, который легче других проникает через любые преграды и границы. Новейшие технологии выступают связующим звеном в сетевом обществе, объединяя его и создавая единое интерактивное пространство.

В образной форме сетевые принципы были охарактеризованы французскими постструктуралистами Ж. Делезом и Ф. Гваттари, с легкой руки которых в гуманитарное знание вошло понятие «ризомы» и принципы ее устройства. Термин «ризомы» (от греч. *rhiza* — корень) был заимствован ими

из биологии, где он обозначал определенное строение корневой системы растения, характеризующейся отсутствием центрального стержневого корня и состоящей из множества хаотически переплетающихся, периодически отмирающих и регенерирующих, непредсказуемых в своем развитии побегов. Это биологическое понятие было использовано Ж. Делезом и Ф. Гваттари для характеристики современного общества, в котором нет стержня, «ствола», где отсутствует централизация, упорядоченность и симметрия. Противоположна ризоме как множеству беспорядочно переплетенных побегов, растущих во всех направлениях, структура «дерева», где есть центр — ствол и периферия — отходящие от ствола боковые ветви, где все упорядочено и иерархично выстроено. «Дерево» — это модель традиционного общества и традиционного мышления, «ризома» — модель общества постмодерна. Следует отметить также, что само слово «*rhizoma*» (корневище) созвучно французскому «*réseau*» (сеть), и это созвучие используется авторами для обоснования сетевого или «ризоморфного» подхода к тексту, а через него — к пониманию социального бытия.

Ж. Делез и Ф. Гваттари выделяют несколько принципов организации ризомы-корневища, соотносимых с принципами, присущими современному социуму. Первые два принципа, лежащие в основе устройства ризомы, — это «принципы соединения и неоднородности» [9, с. 12]. Любая точка ризомы может (и должна) быть присоединена к любой другой ее точке. Ризома не имеет исходного пункта развития, она децентрирована и антииерархична по своей природе, ни одна из ее точек не имеет преимущества перед другой. Третий принцип, который Ж. Делез и Ф. Гваттари кладут в устройство ризомы, — это «принцип множественности» [9, с. 14]. Его авторы характеризуют на примере кукловода, управляющего марионеткой. Они показывают, что движениями куклы на самом деле руководит вовсе не желание кукловода, а «множественность нервных волокон». Кукловод в конечном счете сам оказывается марионеткой этой множественности. «У множества нет ни субъекта, ни объекта, есть только определения, величины, измерения, способные расти лишь тогда, когда множество меняет свою природу. <...> Множество определяется внешним — абстрактной линией, линией ускользания или детерриторизации, следуя которой, они меняют природу, соединяясь с другими множествами» [9, с. 14, 15].

Четвертый принцип, присущий ризоме, — это принцип «а-означающего разрыва», согласно которому, ризома может быть разбита, разрушена в любом месте, но несмотря на это она возобновит свой рост, свое развитие либо в старом направлении, либо выберет новое. «Любая ризома включает в себя линии сегментарности, согласно которым она стратифицирована, территоризована, организована, означена, атрибутирована и т. д.; но также и линии детерриторизации, по которым она непрестанно ускользает» [9, с. 16].

Наконец, последними принципами, заложенными в основу построения ризомы, являются картография и декалькомания¹. В соответствии с ними Ж. Делез и Ф. Гваттари заявляют, что ризома — это не механизм копирования, а карта с множеством входов [9, с. 20]. Противопоставляя кальку и карту,

¹ Декалькомания (фр. *decalcomania*) — технология создания и использования переводных картинок.

французские постструктуралисты подчеркивают, что последняя по своей природе открыта, «способна к соединению во всех своих измерениях, демонтируема, обратима, способна постоянно модифицироваться» [9, с. 22]. Калька же, напротив, не подвержена модификации, она не создает ничего нового, а лишь копирует имеющиеся линии и очертания. Рисунок на карте никогда не может считаться окончательным — он постоянно меняется, как меняется сама действительность. В то же время карты могут существовать независимо от того, существует ли что-либо вне карты, тогда как кальки существуют только как представления, слепки референта. То есть карта, в противоположность кальке, не репродуцирует реальность, а экспериментирует, вступает с ней «в схватку».

Фактически ризома и есть модель сети, где нет центра, где есть множество расходящихся в разных направлениях линий, обеспечивающих свободу перемещения. Ризома дает безграничную свободу творчества, полет мыслей, но она же — и модель сорняка, растущего везде, сорняка, с которым сложно бороться, и который забивает все щели, трещины, не давая прорасти «культурным», но менее приспособленным растениям.

Итак, современное социокультурное пространство оказывается выстроенным по сетевому принципу, а в обществе доминируют сетевые структуры, распространение которых обусловлено развитием информационно-коммуникационных технологий, однако не может быть сведено к ним.

Рассмотрим специфику сетевых структур. Под структурой как таковой понимается совокупность устойчивых связей между элементами системы, применительно к данной теме — социокультурной системы. Традиционно сетевые структуры противопоставляются иерархическим. Так, Л. А. Коробейникова и Ю. А. Гиль отмечают, что иерархической структуре присущи устойчивость, способность оказывать индуктивное воздействие на все системы, с которыми она взаимодействует, возможность легко восстанавливаться, четкие принципы коммуникации, дисциплины, субординации, нормирование обязательств. К ее недостаткам относят медленное, неадекватное реагирование на ситуацию, рост иерархических ступеней, затрудняющих движение информационных потоков и принятие решений. Сетевой структуре присущи горизонтальная организация, отсутствие единого центра, равноправие участников, относительная открытость входа-выхода, адаптивность к изменениям внутренней и внешней среды, способность к самоорганизации и саморегуляции [10, с. 107].

Свой вариант классификации структур предлагает Д. А. Новиков, считающий, что структура является характеристикой системы, системы же можно подразделить на статические и динамические [11, с. 5, 6]. В статическом состоянии можно выделить три типа структур: вырожденную, в которой отсутствуют какие-либо связи между участниками; линейную или древовидную, в которой подчиненность одних элементов системы другим имеет вид дерева, т. е. каждый элемент или участник подчинен одному участнику следующего, более высокого уровня; матричную, некоторые участники которой могут быть подчинены одновременно нескольким участникам, находящимся либо на одном и том же, либо на различных уровнях иерархии. Понятие «сетевые структуры» Д. А. Новиков предлагает использовать для описания

изменений системы. В сетевых структурах потенциально существуют связи между всеми участниками, некоторые из которых актуализируются, порождая линейные или матричные структуры, а затем, после решения стоящих перед системой задачи, разрушаются. В вырожденных структурах иерархичность отсутствует, линейные структуры полностью иерархичны, в матричных структурах имеет место как иерархия, так и распределенность. Особенностью сетевых структур является то, что каждый из ее участников потенциально может выступать как в роли центра, так и в роли управляемого объекта.

Итак, сетевая структура — это децентрализованный комплекс взаимосвязанных узлов, способный расширяться путем включения новых звеньев, что придает сети гибкость и динамичность. В обществе таким коммуникационным узлом является социальный субъект, способный обрабатывать, накапливать и продуцировать новую информацию, а также быть субъектом свободного волеизъявления и действия. Ключевыми характеристиками сетевых структур являются открытость и спонтанность [12]. Открытость может рассматриваться в двух значениях: с одной стороны, как открытость элементов сети по отношению друг к другу, отсутствие внутренних перегородок между ее частями, с другой — как открытость границ по отношению к внешней среде. Под спонтанностью понимается свободное формирование, текучесть, изменчивость. В сети не существует постоянных связей между элементами, они образуются только на время решения актуальных задач. Сетевые структуры полицентричны, что не препятствует их целостности. Целостность обеспечивается быстрым эффективным внутрисетевым каналом коммуникации, который позволяет синхронизировать процессы, происходящие в различных частях сети.

В последнее время в науку входит понятие «сетевая культура» (network culture), не имеющее общепринятой дефиниции. Украинский исследователь Е. А. Бердник предлагает понимать под сетевой культурой «информационно-коммуникативную систему, связывающую воедино все элементы сети посредством разделяемых всеми нематериальных (символических) форм культуры (ценностей, норм, правил, установок, идей, языка и др.) и обеспечивающую тем самым целостность и самовоспроизводимость сети» [13, с. 53].

Как правило, понятие «сетевая культура» используется в научной литературе в двух значениях: для характеристики коммуникативной среды интернета и для обозначения культуры, базирующейся на сетевой логике. Представляется, что понятие «сетевая культура» не тождественно интернет-культуре или кибер-культуре, т. е. формам культуры, возникшим в интернете. Оно применимо в целом к современному обществу, повседневная культура которого все в большей степени представлена в виде сетевых структур. Подобная трансформация обусловлена технологическими инновациями в сфере информационно-коммуникационных технологий, но вместе с тем выходит далеко за их рамки [14, с. 86].

Итальянский исследователь Т. Терранова трактует сетевую культуру как современную глобальную культуру, сформированную коммуникационными сетями и строящуюся на основе сетевых принципов [15]. Отличительной особенностью сетевой культуры является то, что сетевые принципы и сетевая логика, присущие компьютерным сетям и во многом ими порожденные,

начинают использоваться и в тех сферах, где не применяются компьютеры. Современный мир оказывается во многом выстроенным информационно-коммуникационными сетями. Сетевую культуру рассматривают как новый, формирующийся в условиях распространения глобальных сетей, культурный тип, приходящий на смену культуре постмодерна [16]. Для сетевой культуры характерны «сжатие» пространства (Д. Харвей) и «ускорение времени» (Э. Гидденс), нелинейность, семантический и аксиологический плюрализм. Свообразным символом сетевой культуры становится гипертекст, который, как отмечает М. Кастельс, комбинирует, артикулирует и выражает смыслы в виде аудиовизуальной мозаики, способной к расширению или сжатию, обобщению или спецификации в зависимости от аудитории [7]. В такой культуре уменьшается значение индивидуальности, так важной для культуры модерна, и усиливается значение принадлежности к некой общности, наличие связи с другими субъектами. Элементом, «атомом» сетевой культуры становится не индивид, а «сообщения», из которых складывается жизнь индивидов. Человек становится генератором сообщений. Чтобы быть включенным в жизнь сетевого общества, он должен находиться на пересечении потоков сообщений и выстраивать сложные коммуникативно-деятельностные конфигурации [17]. В сетевой культуре приватность утрачивает свою ценность, практически все аспекты жизни, даже самые интимные, становятся публичными и выставляются напоказ.

Итак, в современном обществе доминируют сетевые структуры, что обусловлено развитием информационно-коммуникационных технологий. Сетевые структуры полицентричны, причем потенциально центром их формирования может стать каждый индивид, целостность таких структур обеспечивается наличием эффективных каналов коммуникации. Распространение сетевых структур и сетевой логики позволяет говорить о складывающейся в настоящее время сетевой культуре, формируемой информационно-коммуникационными сетями и строящейся на основе сетевых принципов. Такой культуре присущи темпоральная изменчивость, асинхронность, нелинейность, семантический и аксиологический плюрализм, доминирование публичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. BARNES J. **Class and Committees in a Norwegian Island Parish** // Human Relations. 1954. № 7. P. 39–58.
2. BOTT E. **Family and Social Network: Roles, Norms and External Relationships in Ordinary Urban Families**. L.: Tavistock Publications, 1957.
3. ТРУФАНОВА Е. О., ЯКОВЛЕВА А. Ф. **Социальная технология сетевого взаимодействия** // Общество. Техника. Наука: На пути к теории социальных технологий. М.: Альфа-М, 2012. С. 301–317.
4. NADEL S. F. **The Theory of Social Structure**. L.: Cohen and West, 1957.
5. ОЛЕСКИН А. В. **Сетевые структуры в биосистемах** // Журнал общей биологии. 2013. Т. 74. № 2. С. 112–138.
6. КАСТЕЛЬС М. **Информационная эпоха: экономика, общество и культура** / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
7. КАСТЕЛЬС М. **Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе** / Пер. с англ. А. Матвеева, под ред. В. Харитонова. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.
8. КАСТЕЛЬС М. **Становление общества сетевых структур** // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 494–505.
9. ДЕЛЕЗ Ж., ГВАТТАРИ Ф. **Тысяча плато: Капитализм и шизофрения** / Пер. с франц. и послесл. Я. И. Свирского; науч. ред. В. Ю. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.
10. КОРОБЕЙНИКОВА Л. А., ГИЛЬ А. Ю. **Сетевые структуры в условиях глобализации** // Известия Томского политехнического университета. 2010. Т. 316. № 6. С. 105–109.
11. НОВИКОВ Д. А. **Сетевые структуры и организационные системы**. М.: ИПУ РАН, 2003.

12. ЧУЧКЕВИЧ М. М. **Основы управления сетевыми организациями**. М.: Институт социологии РАН, 1999.
13. БЕРДНИК Е. А. **Сетевая культура как объект социологического анализа** // SOCIOПРОСТР: Междисциплинарный сборник научных работ по социологии и социальной работе. 2011. № 1. С. 51–55.
14. РОММ М. В., ЛУЧИХИНА Л. Ф. **Зарубежные традиции исследования социальных сетей** // Идеи и идеалы. 2011. № 2. С. 77–90.
15. TERRANOVA T. **Network Culture: Politics for the Information Age**. L.: Pluto Press, 2004.
16. VARNELIS K. **The meaning of network culture** // Eurozine: Europe's leading cultural magazines at your fingertips. 2010. URL: <http://www.eurozine.com/articles/2010-01-14-varnelis-en.html> (дата обращения: 11.07.2014).
17. НАЗАРЧУК А. В. **Сетевое общество и его философское осмысление** // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 61–75.

Минкомсвязь России публикует рейтинг грамотности ведущих российских СМИ

Москва, 2 июня 2015 года. — Министерство связи и массовых коммуникаций Российской Федерации публикует рейтинг наиболее популярных средств массовой информации с точки зрения корректного использования русского языка. Исследование проведено по заказу Минкомсвязи России Государственным институтом русского языка им. А. С. Пушкина и компанией АBBYU, которая занимается интеллектуальной обработкой информации.

В ходе исследования проанализированы тексты СМИ, которые составляют около 85% федерального лингвистического поля, в общей сложности — около 350 тыс. предложений из печатных текстов и 120 часов теле- и радиопрограмм. Это первое исследование такого масштаба и глубины, касающееся грамотности отечественных СМИ.

Как свидетельствуют результаты, подавляющее большинство ведущих федеральных изданий демонстрируют неплохое знание русского языка. «Многие эксперты полагали, что результаты будут куда хуже, но это не повод для самоуспокоения. Сотрудники медиа должны знать родной язык не на «хорошо», а на «отлично»», — утверждает замглавы Минкомсвязи России Алексей Волин, который курировал работу по подготовке рейтинга. В исследовании выявлен ряд наиболее часто встречающихся типичных ошибок, на которые следует обратить внимание.

Источник: <http://minsvyaz.ru/ru/events/33369/>

Письмо и чтение на бумаге и на экране

Статья рекомендована Е. З. Мирской 24.11.2014 г.

**ВЕРШИНСКАЯ Ольга
Николаевна**

*Доктор экономических наук,
заведующая лабораторией
социальных проблем
развития информационного
общества, Институт
социально-экономических
проблем народонаселения
РАН*

Аннотация

В статье представлены предварительные результаты исследования среди студентов, касающегося их предпочтений относительно чтения и письма на бумажных или электронных носителях. Делается вывод, что молодежь в своем большинстве четко разделяет сферы использования традиционных и новых носителей информации.

Ключевые слова:

межличностная коммуникация, носители информации, виртуальная среда, социальные трансформации, интернет.

В последние годы ИКТ становятся основным пространством групповой и межличностной коммуникации для все большего числа людей. Появляются невиданные ранее возможности и одновременно нарушаются традиционные механизмы трансляции поведенческих моделей и нравственных ценностей от поколения к поколению. Далеко идущие последствия этих процессов до конца не осмыслены, они требуют глубокого междисциплинарного исследования.

Отсутствие концептуального понимания особенностей виртуального мира приводит к прямому переносу в виртуальную среду моделей организации и управления, сложившихся в доцифровую эпоху, вызывая разнообразные проблемы. Возникает множество различных социокультурных трансформаций, отражающих этические, правовые, социальные аспекты цифровой коммуникации, вызванных использованием ИКТ и интернета.

Изучению одной из таких трансформаций – изменений в сфере письма и чтения – посвящен европейский международный проект «Письмо и чтение на бумаге и на экране». Россия принимает участие в этом проекте, здесь представлены результаты его первого этапа (2013). Цель статьи – показать влияние цифровых технологий на письмо и чтение в образовательной среде. Исследуются преимущества письма и чтения на бумаге и на экране. Анализ базируется на обследовании 25 студентов в возрасте 19–21 года, которых попросили написать эссе на эту тему. Методология исследования – качественный контент-анализ полученных текстов. Студенты – это социальная группа, жизнь которой вращается вокруг обучения, поэтому понятна роль в ней письма и чтения.

Исследование показывает, что использование цифровых технологий влияет на навыки письма и чтения, хотя традиционные и цифровые методы не являются взаимоисключающими. Студенты, и российские и европейские, видят достоинства традиционного письма и продолжают интенсивно его использовать. Жизненный цикл документа включает тесное переплетение бумажной и цифровой версии: цифровая – для поиска информации, бумажная – для

планирования, цифровая — для черновиков, бумажная — для редактирования, цифровая — для финального варианта, бумажная — для чтения (особенно длинных документов), цифровая — для архивирования.

Большие изменения происходят ежегодно и в типах распространенных цифровых устройств, и в местах, где они используются. Это хорошо видно на примере электронных ридеров. Уже высказывались опасения, что их распространение ухудшает способность студентов правильно писать, увеличивая количество орфографических, грамматических и синтаксических ошибок. Национальные стандарты в нашей стране в этой области отсутствуют.

В международном проекте респонденты должны были ответить на четыре вопроса.

1. Как студенты, как определенная категория “писателей”, воспринимают возможности электронного чтения\письма в сравнении с письмом/чтением на бумаге?
2. Стало ли электронное письмо и чтение для вас более богатым опытом, чем письмо и чтение на бумаге?
3. Какие жесты и позы вы принимаете, используя бумагу и экран.
4. Ваш личный опыт использования многомодальной коммуникации интернета (видео, тексты и звуки, музыка и др.).

На первом этапе проекта студентов попросили в свободной форме ответить на два вопроса:

- напишите, какую разницу вы находите в использовании ручки и компьютера, что вам нравится и не нравится в каждом случае;
- напишите, какую разницу вы находите в чтении с листа и с экрана; что вам нравится и не нравится в том и другом случае.

Результаты представлены с использованием слов студентов (выделены курсивом).

Письмо на бумаге. Как представляется, традиционное письмо и бумага обеспечивают более тонкую коммуникацию, чем клавиатура и экран компьютера. Анализ эссе показывает, что письмо на бумаге оставляет больше простора для креативности, творчества. Это персонализированное действие, в почерке проявляется личность человека. Данила Е. пишет:

«Почерк показывает индивидуальность автора. Он позволяет идентифицировать человека, написавшего текст».

Кроме того, письмо на бумаге приоткрывает эмоции автора. Тот же Данила Е. отмечает:

«Текст, написанный от руки, выглядит более человеческим, более живым».

Студентка Валерия К. замечает:

«Я обычно пишу на компьютере. На бумаге я пишу тексты исключительно для себя. Мне нравится, когда тексты написаны каллиграфическим почерком».

По мнению многих респондентов, письмо на бумаге предоставляет автору больше свободы. Вот, например, мнение Валерии Ф.:

«Я чувствую больше свободы, используя ручку, Есть возможность для творчества. Писать от руки стимулирует мое воображение, учит меня думать прежде, чем писать».

Больше свободы и в том, что можно сделать запись в любой момент и в любой ситуации. Можно назвать это большей мобильностью текстов, написанных от руки. Многие респонденты замечают, что от руки хорошо писать короткие тексты, а длинные легче писать на компьютере. Общее мнение состоит в том, что писать на бумаге хорошо, когда надо сделать какие-то заметки или когда готовится первый вариант текста.

Еще одна повторяющаяся, хотя и довольно неожиданная тема, отмеченная во многих студенческих эссе, заключается в том, что тексты, написанные от руки, лучше запоминаются. Екатерина П. пишет:

«Информация лучше запоминается, когда она записана от руки».

а Мария М. добавляет:

«Когда готовишься к экзаменам, печатание на компьютере неэффективно. Технология написания текста от руки помогает запоминанию написанного».

Еще одно часто встречающееся утверждение — формулы и схемы легче писать от руки. По мнению Виктории М.,

«записывать лекции на компьютере легко, но записывать формулы гораздо проще ручкой».

Лекциями, написанными от руки, легче обмениваться. Арина П. пишет:

«Лекции, записанные от руки, более привычны. Ими легче обмениваться. И тебе не надо искать ни принтер, ни зарядное устройство».

Помимо преимуществ, студенты видят и недостатки письма от руки. Самое распространенное замечание заключается в том, что письмо на бумаге не позволяет ни исправлять ошибки, ни редактировать текст. Кристина Е. отмечает:

«Писать от руки требует больше внимания, так как нужно сразу отредактировать текст, найти и исправить ошибки. Писать длинные тексты — трудоемкое занятие».

Ирина Б. добавляет:

«Вы же не можете стереть сделанные ошибки».

Если вы делаете поправки в тексте, написанном от руки, приходится его переписывать. Кроме того, современные студенты часто жалуются на усталость в руке, так как у них уже отсутствует привычка писать на бумаге. Так, Кристина Е. замечает:

«На компьютере скорость письма больше. Я ощущаю дискомфорт, когда пишу от руки, так как теперь это случается редко и скорость движения пальцев стала хуже».

Часто обсуждаемая в эссе тема — это почерк. Почерк ухудшается. Написанный от руки текст не всегда легко прочесть не только другому человеку, но даже автору текста. Про почерк российская студентка Арина П. пишет так:

«Читать тексты, написанные от руки, гораздо труднее; мало у кого хороший почерк».

Письмо с использованием клавиатуры компьютера. Единства в ответах на вопрос о том, как лучше записывать лекции — от руки или на компьютере, нет. Безусловное преимущество компьютерной записи — автоматическое исправление ошибок и легкий доступ к различным словарям. Данила Е. пишет:

«Текст выглядит более “цивильным”, нет проблем с чтением, не видно следов исправления ошибок. Я предпочитаю использовать клавиатуру для записи лекций».

«За последние два года я забыл, что такое писать ручкой. Планшеты теперь маленькие, размер и вес моей сумки, которую я ношу в универ, небольшой». (Павел П.)

Роман О. считает, что

«когда пишешь на компьютере, получаешь чистый текст, который легко носить с собой и которым легко обмениваться».

Еще одно наблюдение:

“Печатая на компьютере, меньше устаешь”. (Роман О.)

Цифровое письмо, безусловно, более быстрое. В то же время возникает опасение, что оно порождает фрагментацию мышления. Валерия Ф. говорит об этом так:

«Когда пишешь на компьютере, скорость письма выше и возможностей обработки текста больше. Но сам процесс написания становится механическим. Мне нравится писать ручкой, но это хорошо только для коротких текстов».

И снова про память: студенты отмечают, что электронные тексты запоминаются хуже, чем написанные от руки. Мария М. сообщает:

«Когда готовишься к экзамену, никакой информации не остается в голове, если ты используешь компьютер. Письмо ручкой позволяет тебе запоминать то, что ты пишешь».

Есть и другие недостатки цифрового письма. Прежде всего на компьютере неудобно писать формулы. Компьютер надо регулярно подзаряжать. Не всегда удобно целый день носить его с собой. Однако основной недостаток использования компьютера, который студенты называют особенно часто, — это усталость глаз. Виктория А. замечает:

«Проще и быстрее писать на компьютере, но используя технологию я сильно ухудшила свое зрение».

Общий вывод: тело страдает, и когда пишешь ручкой, и когда используешь клавиатуру.

Студенты считают, что нужны оба навыка — и традиционного и цифрового письма. Как отмечает Иван К., традиционное письмо нужно сегодня во многих случаях: на экзаменах, при заполнении различных документов, в случаях, когда нет с собой компьютера и др.

Чтение с листа. Некоторые студенты считают, что нет разницы между чтением с листа и чтением с экрана, особенно если текст короткий (Михаил Т., Григорий Г.). То есть вновь преимущества и недостатки ставятся

в зависимость от длины текста. Однако многие студенты подчеркивают, что разница определяется ситуацией, а также тем, какой текст вы читаете (Арина П., Анна В., Виктория В.). На этот счет существует два мнения.

Некоторые студенты предпочитают читать с бумажных носителей. Виктория В. говорит так:

«Мне нравится читать с бумаги, так как я люблю запах бумаги и запах чернил. Мне нравится смотреть, сколько страниц я уже прочла и сколько еще осталось».

Валерия К. замечает:

«У электронных книг нет атмосферы. Читать обычные книги намного приятнее, это эстетическое удовольствие. У старых книг есть история, и ты ее чувствуешь».

Многие студенты любят читать книги. Им нравится, что можно вставлять в книги закладки (Арина П.). Они подчеркивают, что, читая текст на бумаге, ты можешь концентрировать на нем все свое внимание. Однако есть студенты, предпочитающие читать с экрана.

Чтение с экрана.

«Мне нравится читать электронные тексты, потому что можно производить разные операции во время чтения».
(Данила Е.)

«При чтении с экрана проще найти какое-то дополнительное пояснение, проще найти нужный кусок текста».
(Кристина Е.)

«С компа проще читать в транспорте». (Иван К.)

«Можно хранить много книг в одном месте».
(Григорий Д.)

«Текст, набранный на компьютере, гораздо легче читать, чем текст, написанный от руки». (Дмитрий М.)

Напрашивается вывод, что сегодня сохраняют свою значимость обе формы: чтение как традиционных, так и электронных книг. Юлия Д. замечает:

«Электронные книги становятся все более доступными, они иногда необходимы. Можно найти цифровую версию редкой или очень старой книги. Я использую обе формы».

Студенты указывают на негативные аспекты чтения с экрана. Безусловным неудобством является зависимость от электричества и аккумулятора. Однако чаще всего отмечают проблему с глазами — они быстро устают при использовании компьютера. Однако студенты отмечают и негативные стороны чтения с листа. Прежде всего гораздо труднее найти нужный кусок текста. Кроме того, книги часто бывают тяжелыми. Еще один недостаток: чтобы читать книгу, нужно хорошее освещение. Как отмечает Федор Т.,

«разница в чтении на бумаге и в чтении с экрана заключается в том, что при чтении с бумаги вам нужно хорошее освещение, в то время как экран обеспечивает его автоматически».

Можно говорить о некоторой размытости сущности предмета исследования. Необходимо уточнить, что мы обсуждаем разницу между чтением напечатанного и от руки написанного текста или разницу между чтением книги и чтением с экрана. Текст будет напечатанным и в книге, и на экране.

Межстрановые сравнения пока еще не проводились. Однако уже на этом этапе обращает на себя внимание множество совпадений в мнениях студентов разных стран. Часто мнения российских, итальянских и китайских студентов оказываются схожими. В то же время мнения финских студентов отличаются от всех других: у них нет сомнений в том, что писать от руки и читать традиционные книги — занятия устарелые. Объяснений тут может быть два: или финны раньше перешли на цифровые технологии, или объяснение кроется в финской культуре.

Российские студенты, как уже было сказано, видят необходимость в обеих формах представления текстов — традиционной и цифровой. Традиционное письмо требуется все еще часто: на экзаменах, при заполнении различных документов, в случаях, когда нет с собой компьютера, и др. Это же относится и к чтению.

Исследование показало, что письмо/чтение на бумаге является более сильным эмоциональным опытом, чем письмо/чтение на экране. Последнее нередко называют «механическим». В традиционном письме/чтении студенты видят больше эстетики и атмосферы. Многим российским студентам нравится писать от руки и читать книги.

Нет сомнений в том, что при использовании компьютера увеличивается скорость письма. Но является ли скорость самым важным параметром? Автоматическое исправление ошибок, с одной стороны, помогает, но, с другой, наносит большой вред. Современные студенты часто оказываются неграмотными, их правописание зачастую зависит от компьютера.

При сравнении традиционной и цифровой формы важным параметром оказывается размер текста, как при письме, так и при чтении. Общее мнение сводится к тому, что короткие тексты лучше писать от руки, а длинные и писать, и читать лучше на компьютере. Однако в случае чтения у человека есть альтернатива: многие студенты предпочитают читать традиционные книги. В целом исследование показывает, что процесс чтения меньше подвержен влиянию электроники, чем процесс письма.

Скорость происходящих перемен очень велика. Гаджеты становятся все меньше и все легче, что облегчает вес сумки, которую студентам приходится носить. Важный параметр — возраст. Студенты, которым еще нет 20 лет, более привязаны к гаджетам. Гипотеза, требующая статистической проверки, заключается в том, что чем моложе студент, тем менее он привык к ручному письму и к чтению книг. Один 19-летний студент прямо так и говорит:

«Использовать ручку устарело. Я научился печатать на клавиатуре быстрее, чем писать».

А другой 19-летний студент замечает:

«Если у тебя есть необходимые навыки, практичнее и удобнее использовать компьютеры для образования».

По некоторым наблюдениям, многие российские школьники отказываются читать традиционные книги и писать от руки. Эта проблема, проблема возраста требует дальнейшего углубленного исследования, как и одна проблема, связанная с ухудшением зрения при использовании компьютера. По-видимому, гигиенические нормы в этой области еще не определены.

Требует эмпирической проверки и утверждение студентов, что «тексты, написанные от руки, легче запоминаются».

Сегодня государственная политика направлена на поддержку инклюзивного социального развития. Программы, содействующие расширению возможностей и повышению компетентности граждан в области эффективного, безопасного и ответственного использовании ИКТ и интернета, уже реализуются. Однако нельзя забывать о том, что письмо и чтение с экрана имеет не только преимущества, но и серьезнейшие недостатки, в том числе резкое снижение уровня грамотности молодежи, фрагментация мышления и ряд других. Проблема письма и чтения на бумаге и на экране требует проведения серии обследований на основе адекватных тестов.

Информационное общество и феномен скользящего консьюмеризма

Статья рекомендована Е. З. Мирской 24.11.2014 г.

ИЛЬИН Алексей Николаевич

Кандидат философских наук, доцент кафедры практической психологии Омского государственного педагогического университета

Аннотация

Современный мир называют информационным, но с таким же успехом его можно обозначить как псевдоинформационный, поскольку он порождает как возрастающий поток не только информации, но и дезинформации. Информационная избыточность снижает уровень рефлексии, так как человек не способен перерабатывать огромные массивы информации. В результате актуализируется феномен информационного потребления (скользящего консьюмеризма) — безрефлексивного, поверхностного, утратившего критерии различения истины и мифа.

Ключевые слова:

гиперинформатизация, псевдоинформационность, информационное потребление (консьюмеризм).

Ученые, называющие нашу эпоху информационной, в некотором роде кривят душой. Ведь она не только информационная, но также псевдоинформационная, поскольку для нее характерна как информационная, так и дезинформационная (мифологическая) избыточность. Поэтому информатизация и дезинформатизация — явления сопряженные, образующие неделимую связь и напоминающие две стороны одной медали. Поступающая отовсюду информация формирует внутренне противоречивое явление «многообразия истин», которое по существу выступает многообразием мифов, выдающих себя за истины.

Человеку трудно справляться с огромным массивом сведений, поскольку антропные способности по фильтрации, обработке и анализу информации ограничены. В результате человек оказывается в сетях информационной многоголосицы, его внутренний мир теряет глубину, взгляд скользит по поверхности, не проникая в суть получаемых сведений и не подвергая глубокому осмыслению их содержание.

В предыдущих статьях [5, 6] мы рассмотрели влияние собственного современной реальности информационного профицита на усиление потребительских тенденций в культуре. В данной статье будет предпринята попытка развить эту тему, обратившись к существенным особенностям информационной реальности, взаимосвязи гиперинформатизации и консьюмеризма.

Накопление информации, фиксация ее на разных носителях, передача в пространстве и времени, информационный обмен, кодирование и раскодирование сведений наблюдались в разные исторические эпохи. Услуги не заменили товары, равно как так

* Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России (государственное задание).

называемый креативный капитализм не заместил промышленный капитализм, а надстроился над ним. Мир труда не ограничился «креативной» работой в офисах с компьютерами, виртуальным или информационным пространством, как может показаться на первый взгляд тому, кто понимает термин «информационное общество» слишком буквально. Когда-то индустриальный способ производства заменил физический труд. Теперь происходит своего рода индустриализация умственного труда. Но это не привело к деиндустриализации, к аннигиляции физического труда. Поэтому нет оснований для жесткого противопоставления, которое подразумевается, когда современное общество называют информационным и, соответственно, предшествующие ему типы общества признают «неинформационными» (или «недоинформационными»). Как отмечает С. Жижек, хотя в последние десятилетия модно говорить о господствующей роли интеллектуального труда в постиндустриальном обществе, материальность как бы в отместку утверждается заново — будь то разворачивающаяся борьба за дефицитные ресурсы (еда, вода, энергия, полезные ископаемые) или загрязнение окружающей среды [4]. Материальность остается материальностью даже в информационном постиндустриальном мире. Она неискоренима, и потому невозможно создать «чисто» информационную, «чисто» постиндустриальную нематериальную реальность.

Вместе с тем сегодня знания стали играть ключевую роль в различных сферах жизни человека и общества. Знания проникли не только в производственную сферу, основанную на соображениях экономической эффективности, но и в быденную жизнь людей. Поэтому, используя термин «информационное общество», мы имеем в виду, что именно в современную эпоху роль знаний неизмеримо возросла, но возросло и давление на общество и психику отдельного человека массива псевдознаний, информационного спама. Именно сейчас мир пришел к тотальной неразличимости истины и лжи, знания и псевдознания, информации и дезинформации. Критериальность для дифференциации этих явлений приняла крайне зыбкий, почти улетающий характер.

Трудно согласиться с тезисом В. С. Меськова и А. А. Мамченко, будто с построением информационного социума происходит переход от материальных вещей и ценностей потребительского общества к жизни в культуре виртуальных смыслов когнитивного общества [10]. Во-первых, человек как существо прежде всего биологическое (а значит, материальное) не может оторваться от физических условий бытия и полностью трансцендироваться в виртуальную среду, равно как и общественное производство в своем базисе даже в условиях информационного общества имеет материальный (индустриальный) субстрат. Тотального, безвозвратного перехода от материальности к виртуальности не наблюдается и наблюдаться не может в силу самой природы человека и общества.

Во-вторых, формирование информационного общества вовсе не отменяет консьюмеризма, так как консьюмеризм и информационность не являются взаимоисключающими понятиями. Когнитивность в широком смысле, как стремление к интеллектуальному развитию, не составляет базовую ценностную ориентацию общества потребления, аксиосфера которого, напротив, сводится в основном к вещизму, который предполагает подчеркивание

собственного статуса посредством обладания дорогими и брендовыми вещами. Консюмеризм в принципе антикогнитивен. И поэтому неясно, как построение информационного общества внезапно создаст устойчивый базис для усиления познавательной активности. Тем более что по мере информатизации и виртуализации социальных условий потребительские тенденции продолжают нарастать. Реклама заполонила интернет, возникают новые — информационно-технологические — возможности презентации товаров, связанных с ними статусов и идентичностей. И производители этим пользуются, стараясь превратить виртуальную гиперреальность в гиперреальность рекламную.

В-третьих, информатизация способствует упрочению феномена «информационного поверхностного потребления», или «скользящего консюмеризма». Чем с большим массивом сведений и псевдосведений сталкивается человек, чем больше информации и псевдоинформации он потребляет, тем труднее ему вникать в суть и содержательное богатство каждого отдельно взятого информационного элемента. Происходит поверхностный охват масштабного мегаконтента без когнитивного углубления в него (приоритет количества над качеством). Условиям информационного дефицита соответствует стремление к глубокому осознанию поступающих сведений. Напротив, в условиях информационного профицита наблюдается тенденция скольжения по поверхности, когда охватывая многое, человек ничего не осмысливает по-настоящему глубоко. Мир стал слишком сложным, а возможности человеческой психики по способности анализировать и осмысливать получаемые сведения остались прежними. Объем сведений довлеет над возможностью их адекватно обрабатывать, и это создает проблему: сложность мира не соответствует сложности психики отдельной личности. Возрастет необходимость делать выбор на основе разнообразной (в том числе недостоверной) информации, и этот выбор расширится благодаря расширению информационного поля. Казалось бы, что может быть лучше, чем широкий выбор? Но без четких критериев оценки возникает неуверенность и психологическая напряженность, особенно в ситуации, когда выбор сопряжен с серьезной ответственностью.

Даже в бытовых условиях, например при выборе стирального порошка, человек оказывается перед выбором, причем не всегда очевидным. На различных уровнях бытия, по отношению к разным продуктам (политики — тоже своеобразный продукт) мы выбираем, хотя не обладаем достаточным знанием о предлагаемом нашему вниманию ассортименте. Поэтому сделать квалифицированный выбор в (дез)информационном обществе очень трудно. И чем больше информации и дезинформации накапливается, тем ниже общий уровень нашей квалификации почти в любых ситуациях выбора. Даже голос ученого, который специализируется в определенной области, а потому является в ней экспертом, далеко не всегда в наше является истиной в последней инстанции. Легко вспомнить огромное количество примеров, когда ученые, занимающиеся одной и той же проблематикой (глобальное потепление, НБИКС-технологии, вступление России в ВТО — список можно продолжить), придерживаются принципиально разных, порой диаметрально противоположных позиций по той или иной проблеме. Если в науке наблюдается такая

поляризация мнений, то что говорить об обычных людях? Говоря словами В. Библера, человек «оказывается в промежутке различных встречных смысловых и ценностных кривых, а не точкой на единой траектории прогресса» [цит. по: 18, с. 40].

«Глобализация так же, как и любая другая внешняя сила, готова покорить человека и заменить *знание* о мире информацией» [19, с. 150] — эта фраза вполне согласуется с нашей мыслью о несовпадении информации и знания. Знание всегда подкреплено доказательной базой, в отличие от мнения, не имеющего под собой серьезной аргументации. Количество увеличивающейся информации не переходит в качество, мнения преобладают над знаниями. Научные данные подменяются псевдонаучной дезинформацией, причем становится все труднее отделить одно от другого. «Распространение новых информационных технологий, в частности, интернета, создает колоссальные возможности для манипулирования психикой. Исчезают непроходимые границы между моим и не-моим. Появляются новые ограничения человеческой свободы, возникает необходимость ее переосмысления. Обостряется старая философская проблема отношения реального и кажущегося, а также знания и мнения, ибо с помощью информационных технологий можно фабриковать знание о реальности, а тем самым до известной степени и саму реальность. Можно создавать виртуальное Я и в некотором смысле жить в виртуальном пространстве, в котором растворяются различия действительного мира и мира сновидения» [7, с. 33].

«Умножение разрозненных знаний без достаточных адекватных обобщений приводит к потере способности адекватно ориентироваться в этом множестве» [14, с. 149]. Как отмечает А. В. Шевякова, коллективный разум переживает информационную бомбардировку, которая дезориентирует общество, заставляя его выполнять лишь функцию самовоспроизводства, отказывая при этом в функции саморазвития [17]. Идея трансгуманизма по созданию постчеловека как усовершенствованного человека преподносится в качестве средства разрешения противоречия между сложностью мира и существующими психическими способностями. Пока она остается нереализованной, но появляется все больше сообщений о достижениях в геномной инженерии, чипизации и т. д., то есть трансгуманизм вырывается из сферы утопии, научной фантастики и футурологии. Некоторые авторы превозносят идеи трансгуманизма, другие же небезосновательно акцентируют внимание на его опасном потенциале.

В информационной реальности капиталистического общества происходит постоянное нарастание как потоков знаний, так и потоков вещей, их стремительное обновление. Эти два аспекта (информационный и материальный) тесно переплетены, так как появление новых поколений вещей влечет за собой появление новой информации — по их эксплуатации. Это усиливает межпоколенческий разрыв, причем настолько, что люди, разница в возрасте между которыми составляет всего несколько лет, чувствуют себя представителями разных поколений. Молодежь в силу своей психологической гибкости более адаптивна к постоянно меняющимся условиям «текучей современности», чем психологически инертное старшее поколение. Последнее вследствие этого быстро утрачивает право на воспитание и обучение

следующих поколений: нарастает различие между образом их жизни, нередко теперь молодые обучают старых, а не наоборот (именно молодежь лучше схватывает новые «гаджетотенденции» и учит своих старших родственников пользоваться телефоном, планшетом, ноутбуком, скайпом и т. п.). Человек исключается из межпоколенных отношений, культурная преемственность (трансляция обычаев, традиций и норм) преломляется, и это влечет за собой ослабление и ухудшение отношений между людьми разных возрастов, нарушение национально-культурной идентичности и разбалансировку почти всего культурного конструкта, накопленного трудом многих поколений. На его месте не возникает новой культуры, так как рушится сам ее фундамент в виде культурного прошлого.

Актуально только культурное настоящее, и сама культура становится перманентно изменяющейся, неуловимой, одноразовой, исчезающей и возникающей вновь в ином облике. В ней вместо закрепления и сохранения прежних форм происходит сиюминутное формирование новых. Старое списывается как хлам истории, но и новое очень быстро следует за ним, поскольку моментально устаревают само. По мере перманентного обновления культуры происходит перманентное списывание прежних, «отживших свое» форм. Вместо цепи «традиции — развитие» возникает поле постоянных разрывов, отрицания новым всего предшествующего, слом возможности найти устойчивый базис в прошлом для идентичности. Личный и коллективный опыт обесценивается, так как технический прогресс противоречит повторяемости форм и способов деятельности. В результате накопление личного или культурного опыта не позволяет нам развиваться, то есть переходить из состояния незащищенности в неизвестном мире в состояние защищенности в известном мире. Выстраивание будущего в обществе, которое также называется обществом риска, в минимальной степени определяется опытом. Прошлое, история и опыт теряют авторитет, референтность, статус учителей жизни и факторов проектирования настоящего и будущего. Мир, развиваясь, остается неизвестным. Он не хранит в себе неизвестность, он ее вырабатывает. Познавая его, мы встречаемся все с новыми и новыми неизведанными пластами реальности. К тому же далеко не всегда, когда мы думаем, что познаем, мы действительно познаем: распространяющийся инфо-мусор, мимикрирующий под проверенные и достоверные сведения, все в большей степени играет с современным человеком злую шутку. Виртуальная реальность оказывается первичной по сравнению с личным опытом. Человечество заставило мир изменяться, но сам человек оказался не способен изменяться с той же скоростью. Взросление мира отменяет взросление человека, и феномен скользящего консьюмеризма — тому наглядное свидетельство.

О. Марквард подчеркивает ускоренное устаревание опыта в условиях ускоренных процессов и называет меняющийся мир чуждым, а современную эпоху — эпохой чуждости мира. По его мнению, спад преемственности между прошлым и будущим ослабляет опытное знание и усиливает иллюзии. И действительно, чем в меньшей степени мы способны угнаться за переменами стремительного мира, тем в большей мере нам приходится смиряться с тем, что ускользание создает эффект чуждости. Все, что нам неизвестно, что нами не познано, переходит в ранг чуждости. Мы же становимся менее

опытными, менее взрослыми и более инфантильными. «Например, там, где 2000 лет назад был лес, 1000 лет назад — поле, 500 лет назад — дом, 150 лет назад стояла ткацкая фабрика, 75 лет назад — вокзал, 25 лет назад — аэродром, сегодня стоит центр управления космическими полетами, а что будет стоять через 10 лет — этого мы еще не знаем. Прогресс науки и техники, а также высокая производительность труда обусловили практически во всех областях все большую скорость появления все большего числа новшеств. Одновременно это означает, что все большее число явлений все быстрее устаревают. То же самое происходит и с нашим опытом, ведь в нашем жизненном мире все реже повторяются те ситуации, в которых и для которых мы этот опыт приобретаем. По этой причине — вместо того чтобы по мере постоянного роста опыта и познания мира становиться самостоятельными, т. е. взрослеть, мы постоянно и все быстрее вновь откатываемся к состоянию, для которого мир в большинстве своих проявлений неизвестен, нов, чужд и непонятен, а это и есть положение детей. Опыт — это единственное средство против чуждости миру, но теперь оно больше не действует. Поскольку сегодня знакомое и близкое устаревают все быстрее и мир будущий будет все радикальнее отличаться от известного нам по опыту мира прошлого, для нас — современных людей — мир становится чужим, а мы становимся чуждыми миру. Современные взрослые превращаются в детей. Даже когда мы сидим, мы остаемся желторотыми юнцами. Люди больше не взрослеют» [9]. Возникает «культура разрывов», которая несовместима с монолитными и долговременными формами идентичности. Баумановская текучая современность — это синтез текучей цивилизации (с ее быстрой сменой поколений гаджетов и различных изобретений) и текучей культуры (обязанной меняться, чтобы идти вровень с цивилизационными новинками и их освоением).

3. Бауман призывает проявлять гибкость и скорость реадaptации для приспособления к изменяющемуся миру, где намеренно нестабильные предметы служат сырым строительным материалом для идентичности людей [1]. Только практические возможности этой адаптации падают, вовлекая все большее количество людей в состояние неадаптивности. Возможно, именно вследствие падения адаптационных способностей и уничтожения идентичностей возникают явления ностальгии по «знакомому и стабильному» (неинформационному) обществу, по СССР. Возможно, именно компенсаторным эффектом объясняется массовое формирование фундаменталистских и традиционалистских движений.

Как отмечал Э. Тоффлер, из-за информационной перегрузки ослабляется способность «думать», делать правильные заключения, на которых основано рациональное поведение. Возникает стресс принятия решений. Увеличение амплитуды изменений и новизны окружающей среды ведет к росту информации, которую человеку нужно переработать для принятия эффективных рациональных решений. Информационная перегрузка может привести к психическим нарушениям [16]. Разрушающееся равновесие между (меняющимся) миром и человеком аннигилирует внутреннее равновесие человека. С утратой стабильности и понятности мира меняется самочувствие человека и его жизнедеятельность. Нарастает ощущение опасности, неустойчивости, хаотичности, бесконтрольности. Ускорение, исходящее извне, заставляет

внутреннюю сферу также ускоряться. Новизна делает жизнь интересной, но для баланса между миром и приспособленным к нему человеком необходима разумная мера новизны, сегодня же речь идет о новизне избыточной. Разумная мера есть срединная область между стагнацией и «хаосом инноваций».

Одно из первых клинических наблюдений негативного влияния скорости перемен на человека сделал психиатр С. Г. Жислин еще в начале прошлого века. Он увидел в избыточной скорости мелькания событий причину так называемого «железнодорожного параноида» — одного из видов параноидов внешней обстановки. Обстановка на переполненном вокзале характеризуется бесчисленным количеством проходящих мимо в разные стороны и толкающихся людей, обрывками разговоров, озабоченными лицами, криками, звонками и гудками, атмосферой спешки, тревоги и взвинченности. Скорость изменений, complication (запутанность, усложненность), обусловленные ситуацией быстрого изменения внешней обстановки, в которую попадали люди, до этого зачастую никогда не покидавшие своих деревень, вызывала у них ощущение неопределенности, неупорядоченности, страх отстать от поезда. К тому же в то время скорость поезда представлялась очень высокой, человек не мог ее контролировать, заставить поезд остановиться и переждать. С. Г. Жислин, можно сказать, предвосхитил идею тоффлеровского «футурошока» [3]. В наше время жизнь превратилась в подобие такого вокзала — только еще более усовершенствованного, многолюдного и «быстрого».

На фоне переизбытка свидетельств возникает недостаток понимания критериев оценки этих свидетельств. «Информационное общество не только обеспечивает свободный доступ к информации, но также облегчает распространение фальсифицированной или манипулируемой информации. В современном обществе знания специальная научная и техническая информация сложна для понимания, и далеко не всегда удается отличить важные данные от малозначительных, корректную информацию — от ложной. И это является еще одним серьезным вызовом, с которым человечеству придется иметь дело сейчас и в будущем» [2, с. 126]. Информационное общество характеризуется амбивалентностью — информации и спама, знаний и псевдознаний. Оно, с одной стороны, тотально информировано, а с другой — хронически недоинформированно.

Как заметил А. С. Табачков, термин «информация» сегодня стал одним из главных инструментов атаки на идеальное и на осмысленность как качество жизнепроживания [15]. Осмысленность сменилась скользким потреблением. «Общество знания» вопреки устоявшимся прогнозам так и не состоялось. Скорее, даже наоборот, современность может быть названа «обществом незнания», где на фоне ускорения социокультурной динамики происходит снижение уровня когнитивной сложности... Консюмеризм оказывается погоней за простотой, которая «упакована» в настоящее и существует в форме игровых событий. Идея потребления, будучи локализованной в сфере человеческих желаний, связана с потребностью заглушить состояние хронической тревоги, порожденной избытком информации. Сложные исторические события сжимаются в совокупность простых, коротких игровых моментов. Философские системы, которые оттачивались в результате перекрестной критики выдающихся мыслителей, сжимаются до вырванных

из контекста афоризмов. Изучение классической литературы сводится к прочтению краткого содержания. Целые эмоции и настроения оказываются упакованными в простые типографские знаки. Игра с языковыми формами приводит к тому, что грамматические, фонетические и другие особенности естественного языка игнорируются или подменяются. Наука также вынуждена «профанить» свое содержание до уровня «занимательного факта». Все, что выходит за границы «шоу», коллективной игры, оказывается чрезвычайно трудно воспринимаемым для обывателя. В конце концов, избегая сложности, каждый мнит себя специалистом в областях, от которых он оказывается достаточно далек. Даже сложное, неопределенное будущее в рамках общества потребления оказывается упакованным в простое, понятное настоящее. Это объясняет популярность разного рода астрологических прогнозов и нескончаемого ожидания «конца света» [12, с. 120–122]. Сакрализованные консьюмеризмом вещи придают человеку своеобразную опору в условиях гиперинформационности.

Наряду с когнитивной, сильно преломляется чувственно-эмоциональная сфера. СМИ постоянно вызывают сильные эмоции, когда говорят о происходящих трагедиях, выставляют напоказ скандальные эпизоды из жизни известных людей. Каждая новость, каждая телепрограмма, каждый новый рекламный ролик стимулируют определенную эмоцию или комплекс эмоций, которые сменяются благодаря быстрому переключению внимания с одного продукта масс-медиа на другой. В результате СМИ создают ситуацию, когда никого ничем уже не удивить, когда бурная эмоциональность переходит в свою противоположность — апатию. Как отметил Ж. Липовецки, поток обрушивающейся на человека информации и скорость, с которой события на экране сменяют друг друга, не позволяют испытывать какое-либо продолжительное чувство. Согласно французскому философу, общество потребления складывается на основе пропаганды гедонизма, с одной стороны, и информационной насыщенности — с другой [8].

Неудивительно, что в условиях информационной перегрузки, ускоренного ритма жизни и нервного напряжения у человека возникает потребность внеинтеллектуального отдыха — обращения к продуктам низкокачественной китч-культуры. Это своего рода психологический защитный механизм, потребность и даже необходимость скользить по потоку информации, причем главным образом — по его китчевой составляющей. Как справедливо заметил С. А. Шушарин, «избыток информации приводит лишь к поверхностному знакомству с ней, а поверхностное отношение люди переносят и на другие сферы своей жизни» [18, с. 63–64]. Поэтому общество потребления можно также назвать *обществом когнитивной простоты*, развивающейся на фоне (псевдо)информационного бума, а информационное общество — *обществом повышенного когнитивного диссонанса*.

В свое время Ф. Ницше писал: «Где истина? Там, где дано объяснение, которое вызывает в нас минимум напряжения духовных сил» [11, с. 174]. Наверное, афоризм Сократа «я точно знаю, что ничего не знаю» в условиях гиперинформатизации приобретает особую актуальность и обновленный смысл.

Е. Б. Рашковский со ссылкой на Л. Лоу пишет: «На новых уровнях общественного и технологического развития, параллельно с ростом

информации и познаний, нарастают процессы информационной и социокультурной обделенности и маргинализации огромных людских масс, процессы их переоформления в некое подобие вторично архаизированного «нового крестьянства» [13, с. 37]. То есть в век НТП происходят процессы духовной архаизации и дезориентации.

Так что же: формируется ли культура потребления благодаря научно-техническому прогрессу или же, напротив, НТП идет вперед благодаря доминирующей потребительской культуре? Во всяком случае процессы распространения «гаджетотехнологий», информатизации (как явления, усложняющие реальность и требующие постоянно заново адаптироваться к ней) и консьюмеризации идут рука об руку и вступают в отношения взаимовлияния и взаимоусиления. В данном контексте при употреблении термина «НТП» речь идет как об гаджето-технологическом прогрессе, так и о прогрессе в сфере коммуникационных технологий. Первый вовлекает общество в гаджетособлазн и, обеспечивая постоянное потребление новых моделей, упрочивает самое себя. Второй, являясь важным элементом цивилизационного развития, имеет своей оборотной стороной гиперинформатизацию.

Соответственно, на волнах прогресса рождается информационное потребление, а на волнах потребления — прогресс. Вопрос: насколько он необходим с точки зрения экологии, экономики, адаптивных возможностей личности и социальных отношений? Может быть, настало время не воспевать прогресс, не стремиться его ускорить, а наоборот, бросить все силы на поиск средств спасения от такого «прогресса» и от будущего, к которому он нас ведет.

ЛИТЕРАТУРА

1. БАУМАН З. **Текучая современность** / Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. — СПб.: Питер, 2008.
2. БЕХМАНН Г. **Общество знания — краткий обзор теоретических поисков** // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 113–126.
3. ЕМЕЛИН В. А., ТХОСТОВ А. Ш. **Деформация хронотопа в условиях социокультурного ускорения** // Вопросы философии. 2015. № 2. С. 15–24.
4. ЖИЖЕК С. **Размышления в красном цвете.** — М.: Европа, 2011.
5. ИЛЬИН А. Н. **От информационной дезориентации к поверхностному потреблению информации** // Информационное общество. 2014. № 5–6. С. 42–49.
6. ИЛЬИН А. Н. **Проблема информационного консьюмеризма** // Информационное общество. 2013. № 3. С. 22–28.
7. ЛЕКТОРСКИЙ В. А. ФИЛОСОФИЯ, ОБЩЕСТВО ЗНАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЧЕЛОВЕКА // ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ. 2010. № 8. С. 3–34.
8. ЛИПОВЕЦКИ Ж. ЭРА ПУСТОТЫ. — СПБ.: ВЛАДИМИР ДАЛЬ, 2001.
9. МАРКВАРД О. **Эпоха чуждости миру?** // Отечественные записки. 2003. № 6. http://magazines.russ.ru/oz/2003/6/2004_1_27-pr.html
10. МЕСЬКОВ В. С., МАМЧЕНКО А. А. **Цикл трансформации когнитивного субъекта. Субъект, среда, контент** // Вопросы философии. 2010. № 10. С. 67–80.
11. НИЦШЕ Ф. **Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей** / Пер. с нем. Е. Герцкы и др. — М.: Культурная революция, 2005.
12. ОПОЛЕВ П. В. **Потребление как идеология сложного общества** // Реальность. Человек. Культура: трансформация бытия человека в обществе потребления. VI Ореховские чтения: материалы Всерос. научн. конф. (Омск, 24 октября 2014 г.). — Омск: Изд-во ОмГПУ, 2014. С. 119–122.
13. РАШКОВСКИЙ Е. Б. **Многозначный феномен идентичности: архаика, модерн, постмодерн...** // Вопросы философии. 2011. № 6. С. 33–39.
14. РЯБОВА М. Э. **Полязгычье как преодоление усложнения мира** // Вопросы философии. 2010. № 7. С. 149–152.
15. ТАБАЧКОВ А. С. **Информационное общество в контексте истории** // Вопросы философии. 2014. № 10. С. 37–45.
16. ТОФЛЕР Э. **Футуришок.** — СПб, 1997.
17. ШЕВЯКОВА А. В. **Рец. на кн.: К. М. Долгов. В поисках Бога и Человека** // Вопросы философии. 2015. № 2. С. 209–211.
18. ШУШАРИН С. А. **Коммуникативная сущность бренда в современной культуре.** Дисс. канд. филос. наук. — Омск, 2014.
19. ЯРОШЕВЕЦ В. И. **Экзистенциально-антропологическое измерение историко-философского знания** // Вопросы философии. 2011. № 9. С. 149–152.

Оптимизация распределения полномочий в рамках региональной информатизации

Статья рекомендована Б. В. Кристалным 24.04.2015 г.

ЕФИМОВ Алексей Борисович

Кандидат физико-математических наук, доцент Российской правовой академии Минюста России

РАЙКОВ Александр Николаевич

Доктор технических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института проблем управления РАН

ШУБЕНКОВА Александра Юрьевна

Кандидат политических наук, младший научный сотрудник Научно-учебной лаборатории политических исследований НИУ ВШЭ

Аннотация

Инфраструктурные проекты являются важной частью муниципальной реформы, поскольку позволяют многократно повысить эффективность работы органов местного самоуправления. К таким проектам относятся системы информатизации на региональном и муниципальном уровнях. Комплексный анализ федеральной, региональной и муниципальной правовой базы, регламентирующей деятельность органов местного самоуправления в сфере информатизации, свидетельствует о необходимости достижения баланса в распределении полномочий в сфере информатизации на муниципальном уровне. В статье обосновывается возможность и целесообразность передачи ряда полномочий в этой сфере с муниципального уровня на уровень субъекта Российской Федерации.

Ключевые слова:

информатизация, орган государственной власти, орган местного самоуправления, полномочия, оптимизация, субъект Российской Федерации, экспертиза.

Урегулирование аспектов региональной информатизации является постоянным процессом. Во многом это связано с быстрой трансформацией социально-экономических условий и динамичностью процессов информатизации. Вслед за изменением стратегических установок меняются управленческие задачи, распределение полномочий между уровнями управления, разрабатываются новые нормативные правовые акты, совершенствуются методы и инструменты решения управленческих задач.

Тенденции региональной информатизации

Тенденции региональной информатизации задают прежде всего документы стратегического уровня. К ним относятся: Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ, «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации», утвержденная Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537, «Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014—2020 годы и на перспективу до 2025 года», утвержденная распоряжением Правительства РФ от 1 ноября 2013 г. № 2036-р.

Совокупность документов стратегического планирования позволяет обеспечить комплексный подход к повышению качества жизни населения, развитию территорий, реформированию базовых отраслей и преобразованию пространственного каркаса с учетом ресурсной базы, интеллектуального потенциала и уровня научно-технического развития. Наличие большого пакета программно-стратегических документов на разных уровнях власти обуславливает необходимость увязки этих документов друг с другом. Следует иметь в виду, что документы стратегического и территориального планирования, созданные на разных уровнях управления, как правило, включают не количественные индикаторы контроля, которые отражают новаторские, концептуальные аспекты стратегирования. Часть показателей может не отражаться в государственной статистике. Качественных показателей в документе стратегического планирования может быть порядка трети. Оценивать их исполнение можно только экспертными методами, посредством автоматизированного анализа материалов СМИ или проведения социологических исследований.

В стратегическом развитии регионов связующую, инфраструктурную и мультиплицирующую роль играют, как известно, информационно-коммуникационные технологии (далее—ИКТ). Для уровня субъектов Российской Федерации основные цели и направления деятельности по внедрению ИКТ (далее—региональная информатизация) на период до 2018 г. задаются Концепцией региональной информатизации (далее—Концепция), утвержденной распоряжением Правительства РФ от 29 декабря 2014 г. № 2769-р. Основными целями региональной информатизации согласно Концепции объявлены:

- повышение качества жизни граждан за счет использования информационных и телекоммуникационных технологий;
- выравнивание уровня развития информационного общества в субъектах Российской Федерации;
- формирование эффективной системы государственного управления на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий.

Концепция соответствует основным направлениям государственной политики в области информатизации, сформулированным в государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011—2020 годы)», утвержденной постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313.

По данным Росстата, в 2013 г. 74,6% органов местного самоуправления использовали системы электронного документооборота, но только 49,2% общего объема документооборота органов государственной власти и органов местного самоуправления осуществлялось в электронной форме. Ведомственные системы электронного документооборота часто не обеспечивают значимый обмен документами, обеспеченность государственных и муниципальных служащих сертификатами ключей проверки электронных подписей остается на низком уровне.

По состоянию на начало 2014 г. более 40% региональных порталов государственных и муниципальных услуг используют системы регистрации

и авторизации, не совместимые с федеральной государственной информационной системой «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме». По этой причине для получения государственных и муниципальных услуг на разных порталах гражданам требуется создавать новую учетную запись на каждом из них.

Одним из препятствий повышения эффективности ИКТ является несбалансированность распределения полномочий в этой сфере между государственным и муниципальным уровнями. Под полномочиями органов местного самоуправления понимается закрепленный федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации и муниципальными правовыми актами за органами и должностными лицами местного самоуправления комплекс прав и обязанностей, необходимых для решения вопросов местного значения на территории муниципального образования.

Требуемый баланс полномочий может быть найден путем их перераспределения между уровнями власти, что допускается законодательством. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. № 131 (далее—Закон о местном самоуправлении), вступивший в силу 1 января 2015 г., уточняет полномочия органов местного самоуправления, а также устанавливает право субъектов Российской Федерации перераспределять полномочия между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта. Перераспределение полномочий допускается на срок не менее срока действия полномочий законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации. Такие законы субъекта РФ вступают в силу с начала очередного финансового года.

В России отсутствует единая модель передачи полномочий органам местного самоуправления, и в разных муниципальных образованиях распределение полномочий может сильно различаться. Аналогично различаются модели регулирования полномочий, порядок их осуществления, финансирования, контроля и ответственности. Кроме того, в тех сферах, где органы местного самоуправления действуют совместно с органами государственной власти, объем муниципальных полномочий определяют федеральные отраслевые законы. В то же время разграничение полномочий отдельных органов местного самоуправления и их должностных лиц в основном закрепляется Уставом муниципального образования и иными муниципальными нормативными правовыми актами.

В соответствии со статьей 19 Закона о местном самоуправлении, наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями осуществляется в рамках федеральных законов и законов субъектов Федерации, а наделение отдельными государственными полномочиями субъектов РФ—законами этих субъектов. Наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями иными нормативными правовыми актами не допускается.

Практика не только Российской Федерации, но и зарубежных стран, показывает, что поиск оптимального разграничения полномочий между органами государственной власти и органами местного самоуправления требует постоянного внимания. В настоящей работе подводятся итоги изучения данной проблемы.

Методология исследования

В процессе исследования проанализированы около 300 нормативных правовых актов (НПА) федерального, регионального и муниципального уровней, регламентирующих деятельность органов местного самоуправления в сфере информатизации в 35 субъектах РФ, в частности, определялся перечень полномочий органов местного самоуправления. Отбор НПА для анализа существующей в настоящее время правовой базы осуществлялся по следующим критериям:

- актуальность правовой базы на уровне субъекта Российской Федерации и муниципальных образований в рамках проводимой реформы местного самоуправления;
- учет разнообразия видов муниципальных образований (городские округа, муниципальные районы, городские и сельские поселения) и их структуры;
- реализация в регионе и на уровне муниципального образования государственных программ в сфере информатизации;
- регламентация деятельности органов местного самоуправления в сфере информатизации;
- реализация муниципальных информационных систем в сфере жизнеобеспечения населения;
- определение в НПА основных понятий, принципов и технологических требований в сфере региональной информатизации;
- отражение вопросов согласованного внедрения современных ИКТ.

При проведении исследования анализировалось законодательство, регулирующее правоотношения в информационной сфере в процессе реализации органами местного самоуправления своих полномочий, способы защиты и доступа к информации, а также ответственность за правонарушения в сфере информационных отношений.

Исследование показало возможность и целесообразность в каждом субъекте Российской Федерации решения вопроса о передаче от органов местного самоуправления органам государственной власти следующих полномочий (задач, обязанностей):

- формирование и ведение реестра муниципальных услуг;

- разработка требований к муниципальным информационным системам, к форматам представления данных (стандарты обменных файлов для передачи данных между различными системами);
 - решение инфраструктурных задач субъекта Российской Федерации;
 - информационное обеспечение градостроительной деятельности в части территориального планирования.
- По каждому из перечисленных полномочий было опрошено 14 экспертов. Удалось установить:

- текущую практику использования полномочия;
- проблемы, возникающие в ходе использования полномочия;
- возможность реализации полномочия органами государственной власти;
- риски при передаче полномочия органам государственной власти.

При проведении исследования использовались технологии сетевой экспертизы.

ИКТ-полномочия муниципальных образований

В Законе о местном самоуправлении полномочия органов местного самоуправления в сфере информатизации четко не прописаны. На наш взгляд, к вопросам местного значения в сфере ИКТ могут быть отнесены:

- создание условий для обеспечения жителей поселений услугами связи;
- ведение информационных систем обеспечения градостроительной деятельности, осуществляемой на территории муниципального района и городских округов.

Права органов местного самоуправления по решению вопросов, не отнесенных к вопросам местного значения, могут быть определены исходя из следующих положений Закона о местном самоуправлении:

- законодательство не исключает предоставления органам местного самоуправления отдельных конкретных полномочий, например, в сфере ИКТ;
- органы местного самоуправления обладают полной свободой действий для осуществления собственных инициатив по любому вопросу собственной компетенции;
- предоставляемые органам местного самоуправления полномочия должны быть, как правило, полными и исключительными.

Орган местного самоуправления как обладатель информации (лицо, согласно законодательству Российской Федерации, самостоятельно создавшее информацию либо получившее на основании закона или договора право разрешать или ограничивать доступ к информации, определяемой по каким-либо признакам) вправе:

- использовать эту информацию, в том числе распространять и предоставлять ее, по своему усмотрению;
- защищать установленными законом способами свои права в случае незаконного получения информации или ее незаконного использования иными лицами;
- осуществлять иные действия с информацией или разрешать осуществление таких действий.

Участники правоотношений, как граждане, так и юридические лица, имеют право получать интересующую их информацию в органах местного самоуправления. Законом устанавливаются случаи, когда недопустимо ограничение доступа к информации, обладателем которой является муниципальный орган. Российское законодательство гарантирует право на получение информации о деятельности органов местного самоуправления. Выбор того или иного способа доступа к информации зависит от реальных технических возможностей муниципального образования, а также от существующих местных исторических, культурных и иных традиций. Для обеспечения доступа к информации органы местного самоуправления определяют соответствующие структурные подразделения или уполномоченных должностных лиц. На муниципальном уровне должны быть установлены права и обязанности указанных подразделений и должностных лиц (регламенты), порядок предоставления информации о деятельности органов местного самоуправления по запросу.

Органы местного самоуправления обладают как общими полномочиями (например, разработка и реализация целевых программ применения информационных технологий, создание информационных систем и др.), так и специальными полномочиями в области информации. Защита персональных данных лица осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных».

Органы местного самоуправления обладают специальными полномочиями в области документирования информации и архивного дела. Так, согласно Федеральному закону от 29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» органы местного самоуправления могут определять с учетом своих потребностей виды документов, входящих в состав обязательного экземпляра муниципального образования.

Органы местного самоуправления муниципального района и городского округа обязаны создавать архивы для хранения, комплектования, учета и использования образовавшихся в процессе их деятельности архивных документов. Согласно Федеральному закону от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» управление архивным

делом в муниципальных образованиях осуществляют органы местного самоуправления.

Специальные полномочия предусмотрены в области средств массовой информации. Органы местного самоуправления могут выступать учредителями печатных средств массовой информации. Печатное СМИ создается для опубликования муниципальных правовых актов, обсуждения проектов правовых актов по вопросам местного значения, доведения до сведения жителей официальной информации об экономическом и культурном развитии, об объектах общественной инфраструктуры.

В сфере жилищно-коммунального хозяйства полномочия органов местного самоуправления осуществляются с учетом положений Федерального закона «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства» и Указа Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 600 «О мерах по обеспечению граждан Российской Федерации доступным и комфортным жильем и повышению качества жилищно-коммунальных услуг».

Из перечисленных полномочий особого внимания заслуживают полномочия органов государственной власти и местного самоуправления в сфере градостроительной деятельности. В действующей редакции Градостроительного кодекса РФ от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ определены полномочия федерального, регионального и муниципального уровней. Органы местного самоуправления городских округов и муниципальных районов ведут информационные системы обеспечения градостроительной деятельности путем сбора, документирования, актуализации, обработки, систематизации, учета и хранения сведений, необходимых для осуществления градостроительной деятельности. Органы местного самоуправления участвуют в подготовке и утверждении документов территориального планирования муниципальных образований. Схема территориального планирования муниципального района (для городских поселений – генеральный план), а также внесение изменений в нее утверждается представительным органом местного самоуправления.

Подготовка документов территориального планирования осуществляется на основании стратегий и программ развития отраслей экономики, государственных программ, стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, планов и программ комплексного социально-экономического развития муниципальных образований с учетом программ, принятых в установленном порядке. Обязательства по этим документам реализуются за счет средств федерального бюджета, бюджетов субъектов Федерации, местных бюджетов с учетом решений органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных главных распорядителей средств соответствующих бюджетов. Документы могут предусматривать создание объектов федерального, регионального и местного значения, формирование инвестиционных программ субъектов естественных монополий, организаций коммунального комплекса.

Доступ органов государственной власти, органов местного самоуправления, физических и юридических лиц к необходимой для подготовки документов территориального планирования информации осуществляется

посредством Федеральной государственной информационной системы территориального планирования (ФГИС ТП).

Целесообразность перераспределения полномочий в сфере ИКТ

Существующая схема распределения полномочий органов местного самоуправления вызывает ряд проблем их применения на практике, например:

- в проекте создания электронного правительства муниципалитетам отведена незначительная роль по наполнению реестра государственных и муниципальных услуг;
- отсутствие разграничения ответственности по уровням власти не позволяет с уровня местного самоуправления предъявлять требования органам государственной власти;
- у муниципалитетов недостаточно полномочий для взаимодействия с поставщиками данных, не хватает прав для получения необходимой для работы информации от организаций всех форм собственности;
- нет полномочий в области информатизации муниципального образования;
- администрация муниципального района не имеет возможности влиять на поселения в рамках организации перехода к оказанию муниципальных услуг в электронной форме;
- муниципалитет не имеет полномочий по предоставлению своих услуг на региональном и едином портале государственных и муниципальных услуг.

Федеральным законом от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ количество вопросов местного значения сельских поселений сокращено до 13. Ранее Закон о местном самоуправлении относил к компетенции сельских поселений 39 полномочий. На районный уровень передаются полномочия в области гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, осуществление муниципального жилищного контроля, организация в границах поселения электро-, тепло- и водоснабжения. Возложение на районы полномочий, ранее закрепленных за поселениями, повлечет передачу муниципального имущества, что также требует дополнительного времени и ресурсов. С передачей полномочий расходные обязательства районов возрастут, а сельских поселений — уменьшатся.

Деятельность органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения реализуется через сферу информационных отношений и с применением ИКТ, которые являются одним из основных элементов системы жизнеобеспечения и инвестиционного развития. Так, в Концепции региональной информатизации рекомендуется обеспечить интеграцию региональных и муниципальных информационных систем в сфере ЖКХ с государственной информационной системой ЖКХ, а также

размещение в указанной информационной системе сведений о ЖКХ субъекта Российской Федерации. Поэтому эффективность муниципальной деятельности, рассматриваемой как показатель качества жизни населения муниципального образования, напрямую зависит от процессов информатизации и поэтому требует принятия соответствующих нормативно-правовых актов. При этом прикладные (отраслевые) муниципальные системы целесообразно делать инвариантными для муниципалитетов с учетом их специфики. То есть должна быть обеспечена возможность замены информационной системы одного разработчика на информационную систему другого без ущерба для решения других задач. Требуются соответствующие стандарты и единая терминология в сфере муниципальной информатизации. В данный момент почти в каждом нормативном документе, принятом на местном уровне, как показало исследование, используются свои термины.

С учетом изменений полномочий муниципальных органов, вступивших в силу в 2015 г., вся правовая база информатизации градостроительной деятельности федерального, регионального и муниципального уровней должна быть приведена в соответствие с новой редакцией Закона о местном самоуправлении. В этом контексте в каждом конкретном случае формирования отношений между субъектом Российской Федерации и органом местного самоуправления может быть также рассмотрен вопрос о целесообразности передачи от органов местного самоуправления органам государственной власти полномочий по формированию информационного обеспечения градостроительной деятельности. Такое перераспределение требует большой подготовительной работы: корректировки бюджетов поселений и муниципальных районов, внесения изменений в муниципальные нормативные правовые акты и программы, в структуру администраций.

Возможный порядок передачи полномочий

Порядок передачи полномочий органов местного самоуправления органам государственной власти субъектов Российской Федерации определен в действующем законодательстве. Согласно пункту 1.2. статьи 17 Закона о местном самоуправлении, законами субъекта Российской Федерации может осуществляться перераспределение полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта РФ.

В соответствии с положениями Закона о местном самоуправлении существуют два способа передачи полномочий местной администрации поселения, в том числе городского, администрации муниципального района. Согласно части 4 статьи 15 Закона о местном самоуправлении органы местного самоуправления отдельных поселений, входящих в состав муниципального района, вправе заключать соглашения с органами местного самоуправления муниципального района о передаче им части своих полномочий по решению вопросов местного значения за счет межбюджетных трансфертов, предоставляемых из бюджетов этих поселений в бюджет муниципального района в соответствии с Бюджетным кодексом РФ. На практике на уровень муниципальных районов обычно передаются следующие полномочия:

- формирование и исполнение бюджета поселения;
- организация в границах поселения тепло-, электро- и газоснабжения населения;
- организация и осуществление мероприятий по гражданской обороне, защите населения и территории поселения от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера;
- создание, содержание и организация деятельности аварийно-спасательных служб и (или) аварийно-спасательных формирований на территории поселения;
- обеспечение малоимущих граждан, проживающих в поселении и нуждающихся в улучшении жилищных условий, жилыми помещениями в соответствии с жилищным законодательством, организация строительства и содержания муниципального жилого фонда, создание условий для жилищного строительства;
- создание условий для организации досуга и обеспечения жителей поселения услугами организаций культуры;
- муниципальный жилищный контроль.

Согласно части 2 статьи 34 Закона о местном самоуправлении полномочия по решению вопросов местного значения местной администрации поселения, являющегося административным центром муниципального района, могут быть переданы местной администрации данного муниципального района еще одним способом (не путем заключения соглашений между указанными муниципальными образованиями) — посредством внесения изменений в уставы обоих муниципальных образований. Для этого уставами муниципального района и поселения, являющегося его административным центром, необходимо определить субъектов, наделенных полномочиями по инициированию процедуры перехода к исполнению администрацией муниципального района полномочий администрации поселения, являющегося его административным центром. Данным правом могут быть наделены представительные органы указанных муниципальных образований, а также их главы. При этом важно предусмотреть количество голосов, необходимых для поддержания данной инициативы. Представляется, что это может быть как простое большинство, так и большинство в две трети голосов от установленной численности депутатов представительного органа поселения и представительного органа муниципального района.

С учетом перечисленных нормативных правовых положений по всем полномочиям органов местного самоуправления в сфере информатизации, для которых сделан вывод о целесообразности их передачи органам государственной власти субъектов Российской Федерации, авторами настоящей работы предложены три модельных проекта НПА субъекта РФ. Каждый модельный проект ориентирован на один из видов муниципального образования: городское поселение, муниципальный район, городской округ.

Заключение

Информация—это уникальный ресурс жизнеобеспечения, объем которого возрастает при его использовании. Эффективность использования информационных ресурсов определяется созданием соответствующей стратегии инвестиционного развития правовой базы использования ИКТ на федеральном, региональном и местном уровнях.

Отсутствие четко определенных Законом о местном самоуправлении и иными нормативными правовыми актами системы полномочий муниципалитетов в сфере ИКТ не способствует решению проблемы цифрового неравенства. В Концепции региональной информатизации предусмотрены меры, направленные на преодоление цифрового неравенства субъектов Российской Федерации и повышение качества жизни граждан за счет использования ИКТ.

Совершенствование порядка формирования, актуализации и использования информационных ресурсов, которые ведутся органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и подведомственными органами и организациями (далее—региональные ресурсы), целесообразно осуществлять по направлениям:

- определение стратегических приоритетов дальнейшего перехода на формирование и использование региональных ресурсов в электронной форме;
- обеспечение достоверности, актуальности и полноты сведений региональных ресурсов, в том числе формирование правовых, технических и организационных механизмов исправления ошибочных сведений региональных ресурсов;
- обеспечение идентификации сведений о субъектах и об объектах, размещаемых в региональном ресурсе, в том числе для целей межведомственного взаимодействия;
- использование современных средств сетевой экспертизы для маркетинга потребностей в государственных, муниципальных и корпоративных электронных услугах.

В целях интеграции муниципальных и государственных информационных систем целесообразно выделить задачи и функции муниципального сегмента федеральных и региональных целевых, а также отраслевых программ информатизации, определив, как и за чей счет финансируются муниципальные информационные функции и услуги.

Учитывая, что основной целью региональной информатизации является повышение качества жизни граждан, следует обратить особое внимание на информатизацию крупных и средних городов России, поскольку в 530 городских муниципальных округах, Москве и Санкт-Петербурге в настоящее время проживает более 2/3 населения России.

Глобальные тенденции развития ИКТ свидетельствуют о необходимости перехода от административно-иерархических систем коммуникаций

к сетевой пространственно-территориальной системе, узлами которой являются крупные и средние города России, свободные экономические зоны, индустриальные кластеры.

Россия и Киргизия активизируют сотрудничество в области электронного правительства

Бишкек, 11 июня 2015 года. — Заместитель министра связи и массовых коммуникаций Российской Федерации Алексей Козырев провел рабочую встречу с заместителем руководителя Аппарата Правительства Киргизской Республики Жылдызбеком Исакуловым. В ходе переговоров Россия и Киргизия достигли договоренностей о сотрудничестве в сфере электронного правительства.

«Электронное правительство в России активно развивается последние несколько лет, — сказал Алексей Козырев в ходе встречи. — Доля граждан, получивших электронные услуги в 2014 году, превысила 35%. С начала 2015 года зафиксировано 28,8 млн посещений единого портала госуслуг, всего с момента запуска пользователи посетили его 205 млн раз. Среднесуточное количество посещений за указанный период — 191 тыс. За первые пять месяцев 2015 года пользователи заказали на портале 6,5 млн федеральных, 256 тыс. региональных и 278 тыс. муниципальных услуг. Самыми востребованными услугами на портале стали проверка штрафов ГИБДД, налоговой задолженности, информирование о состоянии лицевых счетов в системе пенсионного страхования, а также оформление загранпаспорта».

Киргизская сторона проявила интерес к использованию российского опыта создания электронного правительства, единого портала государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ), организации системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ) и других дистанционных социально значимых сервисов. В свою очередь российская сторона выразила готовность оказать Киргизии содействие во всех сферах, связанных с деятельностью электронного правительства.

Источник: <http://minsvyaz.ru/ru/events/33432/>

3D графическая реконструкция и визуализация памятника археологии

Рекомендовано А. М. Елизаровым 12.02.2015 г.

**ЧЕРНЕНКО Елена
Александровна**

Кандидат технических наук, доцент кафедры электроэнергетики (секция прикладной информатики) Хакасского технического института-филиала Сибирского федерального университета

Аннотация

Воссоздание и визуализация исторических объектов формирует новое информационное пространство. В статье рассматриваются современные методы представления графической исторической археологической информации. Результаты трехмерного моделирования позволяют получить представление о существовавшем некогда археологическом объекте, частично или полностью утраченном к настоящему времени. Рассмотрена методика воссоздания объекта, представлены результаты моделирования.

Ключевые слова:

графическая информация, культура информационного общества, компьютерная графика, 3D-модель, визуализация.

В настоящее время мультимедиа, компьютерная графика обеспечивают беспрепятственный обмен знаками, символами, идеями. Подбор и визуализация графической и мультимедийной информации должны отвечать требованиям качества и достоверности, соответствовать по содержанию, уровню наполненности изучаемой области знания.

Графическое представление информации позволяет упростить процессы ознакомления с мировыми достижениями культуры, знакомиться с традициями разных стран и народов, совершать интернет-путешествия. Интернет-технологии позволяют человеку существовать, быть в новом, виртуальном информационном пространстве.

В последнее время приобрели актуальность разработка и адаптация методов моделирования трехмерных объектов в археологии. Активно используется 3D-моделирование и создание виртуальных экспонатов, что позволяет наблюдать исторические события далекого прошлого. Использование методов геометрического и физического моделирования позволяет детально изучить объект, организовать его изучение и затем осуществить его виртуальную реконструкцию. Можно утверждать, что трехмерное моделирование является мощным, удобным и необходимым инструментом оформления и представления результатов археологических работ, а также ввода памятников культурного наследия в научный оборот.

Для демонстрации процесса и представления результатов археологических исследований удобно использовать 3D-анимацию. Возможны два основных ее варианта — экспозиционные ролики (виртуальные экскурсии) и интерактивные путешествия (виртуальная реальность). Одним из реализованных проектов с использованием 3D-технологий является проект «Виртуальный Укек» (*Singatulin*,

Rashitov, 2005) и его дальнейшее развитие в проекте «Средневековые города Поволжья: Укек–Булгар–Биляр» (*Huzin and ets., 2008*) [1].

В Хакасском техническом институте осуществляется проект по 3D реконструкции Салбыкского кургана — знаменитого «царского кургана», расположенного в Салбыкской степи Хакасии и исследованного членом-корреспондентом АН СССР С. В. Киселевым в 1954–1956 гг. Создается мультимедийная система, описывающая этот объект. В качестве исходных данных используются фотографии и описания археологов.

Актуальность проекта обусловлена тем, что, во-первых, до сих пор материалы раскопок не были опубликованы в научной литературе; во-вторых, несмотря на то, что уже существуют варианты реконструкции объекта, 3D-модель позволит лучше оценить объем восстановительных работ. Кроме того, трехмерная реконструкция даст возможность наглядно представить музеефицированный объект, а также использовать его элементы с целью сохранения и развития хакасского языка и культурного наследия.

Большой Салбыкский курган расположен в Салбыкской долине, прилегающей с юга к Коксинскому хребту Батеневского кряжа. Он является самым большим курганом скифского времени не только в Хакасии, но и во всей Сибири. Его земляная насыпь до исследований достигала 11,5 м в высоту, а ее объем составлял 23,5 тыс. м³. Обследовав курган в 1954–1956 гг., С. В. Киселев пришел к заключению, что насыпь при ее возведении имела пирамидальную форму и в высоту достигала 25–30 м. По его приблизительным расчетам, 100 человек должны были возводить такую насыпь в течение семи лет [2]. Под насыпью была расчищена каменная ограда площадью 70×70 м, ориентированная практически по сторонам света. Она сложена из массивных плит девонского песчаника, высота которых составляла до 2 м. Поверх этих плит находилась надстроенная кладка из аккуратно плашмя выложенных плит. Ограда с восточной стороны имела вход в виде каменного коридора длиной 14 м. На некоторых плитах имеются древние выбивки. В конце коридора по углам и в стенках ограды были вкопаны 23 стелы высотой до 6 м и весом до 50 тонн.

В центральной части внутри ограды со смещением к западу располагалась погребальная камера 5×5 м и глубиной 1,8 м, в которую с западной стороны имелся вход в виде дромоса, сооруженного из досок, покрытых берестой. В яме был установлен сруб в четыре венца, перекрытый шестью накатами бревен, обернутых несколькими слоями бересты. В склепе были найдены останки 70-летнего старика. Кроме того, немного в стороне были обнаружены кости еще шестерых человек: двух членов «царской» семьи, двух женщин-служанок, двух молодых воинов. С. В. Киселев датировал курган IV в. до н. э. По современным данным, полученным в результате радиоуглеродного и дендрохронологического анализа, курган относится к V веку до н. э.

Этот монументальный курган был сооружен для одного человека и членов его семьи. Значимость в обществе погребенного еще более подчеркивают человеческие жертвоприношения, совершенные в ходе погребального ритуала. Одни ученые считают, что здесь был захоронен вождь племени или даже союза племен, по мнению других — царь, которому была подвластна вся территория Хакасско-Минусинской котловины. С точки зрения

специалистов, Большой Салбыкский курган соизмерим с «царскими» усыпальницами саков Средней Азии и скифов Причерноморья.

Чтобы реализовать трехмерную модель кургана, нужно было получить данные о его размерах. С этой целью использовались различные источники информации из сети интернет: фотографии с места раскопок, любительские фотографии до и после раскопок кургана, информация о проведении раскопок и предположения археологов, исторические сведения о подобных сооружениях — все, что могло дать представление о Большом Салбыкском кургане, учитывалось для расчета данных, необходимых для создания трехмерной модели. В качестве программного средства применялось трехмерное моделирование 3ds Max, разработанное компанией Autodesk, включая следующие подходы к 3D-моделированию:

- создание виртуальной студии моделирования;
- моделирование на основе примитивов и сплайнов;
- использование модификаторов;
- правка редактируемых поверхностей: Editable Mesh (редактируемая поверхность), Editable Poly (редактируемая полигональная поверхность) и NURBS Surface (NURBS-поверхность);
- создание объектов при помощи булевых операций.

Модель Большого Салбыкского кургана состоит из довольно простых 3D-объектов, к которым применились модификаторы. Расположенная позади создаваемого объекта виртуальная студия является шаблоном, по которому происходит моделирование. Для этого в виртуальной студии могут использоваться фотографии, чертежи или рисунки. Именно с подготовки изображений и создания виртуальной студии началась работа по созданию 3D-модели Большого Салбыкского кургана.

По фотографиям кургана до раскопок и во время них были созданы чертежи. Затем для создания виртуальной студии в 3ds Max использовался Г-образный метод, основывающийся на расположении объектов Plane (плоскость), примыкающих друг к другу. На боковые поверхности были наложены чертежи, нижняя поверхность для создания виртуальной студии не использовалась.

Поверхность кургана воссоздавалась при помощи виртуальной студии в два этапа.

- При помощи сплайнов, используя вид по двум плоскостям, был создан контур кургана (сплайн совпадал по вершинам контуров чертежей). Затем посредством копирования выполнялось построение сплайнов до вершины контура. Для создания рельефа кургана использовано семь сплайнов.
- Для воссоздания рельефа выделяется нижний сплайн и через команду (Create/Compound/terrain) вызывается модификатор Terrain. Рельеф образуется путем добавления сплайнов командой PickOperand (выбрать объект использования) в этот модификатор. Далее,

используя модификатор MeshSmooth, полученный рельеф сглаживается с использованием метода NURBS и интенсивностью 2. Применение модификатора EditPoly позволяет исправлять несоответствие рельефа контурам. При текстурировании модели кургана применяется модификатор UVWMap с параметром Plane.

На основе ранее собранных сведений о Большом Салбыкском кургане были произведены расчеты его размеров. Непосредственную роль сыграли старые фотографии с места раскопок, по которым производилось большинство расчетов размеров кургана и его менгиров. В результате были получены следующие приблизительные размеры кургана, по которым и подгонялись размеры его 3D-модели:

- размеры основания кургана на момент его создания 80×80 м;
- высота кургана на момент создания около 25–30 м;
- размеры кургана на момент раскопок около 75×75 м (каменная ограда имеет размеры 70×70 м);
- высота кургана на момент раскопок 12 м (согласно археологическим записям).

Далее из простых объектов Vox, изменяемых посредством модификатора EditPoly, с использованием модификатора сглаживания MeshSmooth создавались менгиры кургана. Каменная кладка, менгиры, ворота и остальные элементы кургана располагаются согласно их месту на фотографиях до и во время раскопок.

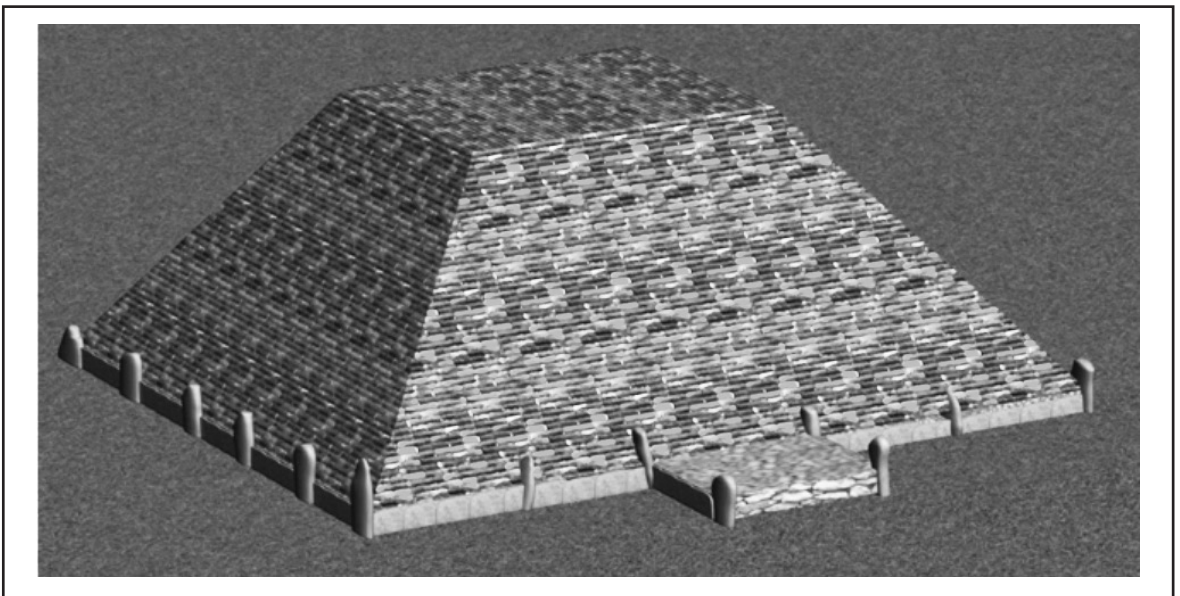

Рис. 1 Вид кургана на момент постройки, IV век до н. э.

В результате сложной работы в 3ds Max к настоящему времени созданы следующие модели Большого Салбыкского кургана (рис. 1, 2), демонстрирующие его изменение во времени и его изображение без земляного покрытия на момент сооружения.

Модель кургана формируется с учетом технологии подобных древних сооружений — курган внешне напоминает пирамиду. «Кирпичи», изображенные на рисунке 1, в реальности представляют собой прессованную землю и глину, которые образуют достаточно прочный материал, который довольно долго обеспечивал сохранность формы кургана. Благодаря глиняным и земляным «кирпичам» курган быстро покрылся травяной растительностью.

Под действием климата, разрушительных тектонических процессов, а также вмешательства человека (к моменту раскопок курган был разграблен) курган приобрел очертания, изображенные на рисунке 2. В настоящее время Большой Салбыкский курган, к сожалению, имеет вид, далекий от его первоначального состояния и даже от того, который он имел на момент раскопок.

Работа по созданию 3D-модели Большого Салбыкского кургана довольно объемная и требует немалых временных затрат. Сейчас подготовлены модели кургана, отражающие его изменения с момента постройки до начала раскопок в 1954 г. Планируется разработать модели внутреннего и внешнего окружения кургана и снять фильм, который позволит проследить историческое изменение Большого Салбыкского кургана на протяжении нескольких десятков веков.

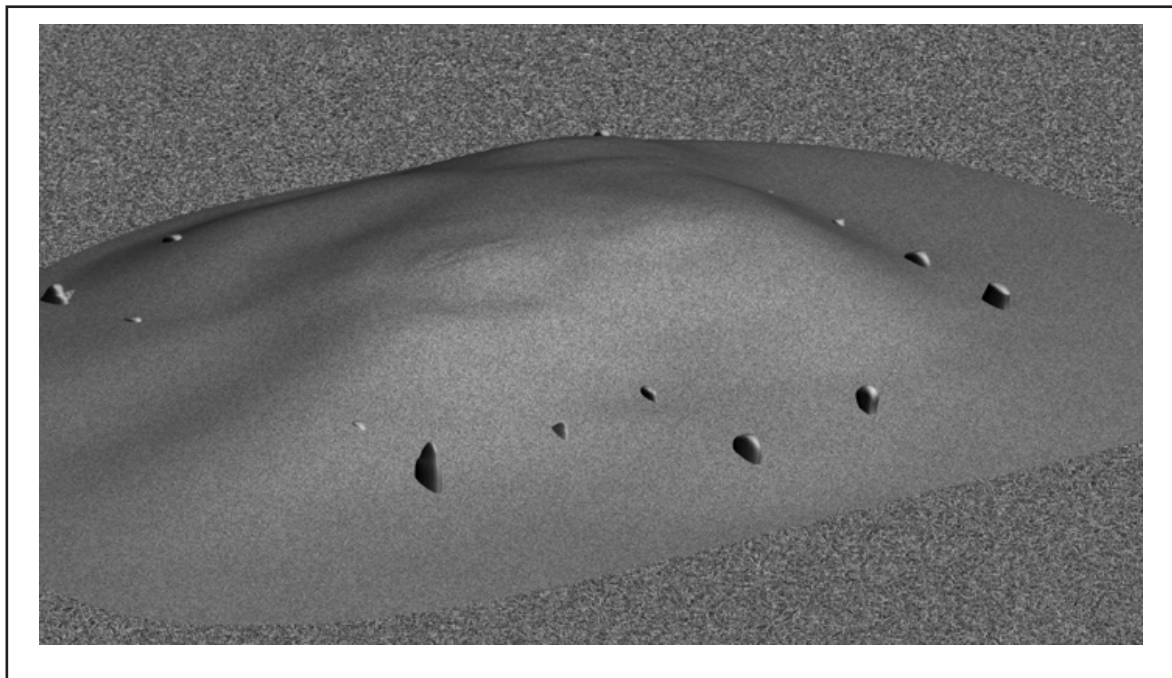

Рис. 2. Внешний вид кургана на момент начала раскопок в 1954 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. ЕВТЕЕВ А. А., КУБАНКИН Д. А. **Археологические раскопки северо-западного некрополя Увекского городища в 2005—2007 гг.** // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 9. Саратов, 2009. С. 129—151. <http://uvek.sgu.ru/archeology/kubankin.jsp>

2. КИСЕЛЕВ С. В. **Исследование Большого Салбыкского кургана в 1954 и 1955 гг.** // Тезисы докладов на сессии Отд. исторических наук и Пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических исследований 1955 г. М. — Л., 1956; Киселев С. В. Отчет о раскопках в 1954 г. // Архив ИА. Ф. 1. Д. 975; Киселев С. В. Краткий отчет о раскопках Большого Салбыкского кургана в 1955 г. // Архив ИА. Ф. 1. Д. 1165.

Интернет-реклама к 2020 году превзойдет телевизионную по затратам компаний

Согласно новому отчету международного агентства ZenithOptimedia, интернет остается самой быстрорастущей средой для рекламодателей, и к 2020 году затраты на онлайн-рекламу превзойдут расходы на телевизионную.

Отчет показывает, что онлайн-реклама уже доминирует в Австралии, Канаде, Дании, Норвегии, Нидерландах, Швеции и Великобритании с 2014 года, а к 2017 году это произойдет еще на пяти рынках — в Китае, Финляндии, Германии, Ирландии и Новой Зеландии. На все эти территории сейчас приходится 28% мировых затрат на рекламу.

Основным драйвером роста, по данным компании, является мобильная реклама. ZenithOptimedia прогнозирует ее рост вдвое — с 5,1% до 12,9%, что повысит совокупные затраты на интернет-рекламу до 70%.

В 2014 году затраты на телевизионную рекламу составляли 39%. К 2017 году этот показатель должен уменьшиться до 36,8%, поскольку, по данным компании, маркетологи направляют свои бюджеты на онлайн-видео. Расходы на него в 2014 году выросли на 33%, что сделало этот вид рекламы самым быстрорастущим в digital. Социальные медиа растут на 25% в год, а расходы на платный поиск должны увеличиться на 12% к 2017 году.

Компания также заявила, что ожидает в 2015 году увеличение расходов на рекламу на 4,2% по всему миру — до \$531 миллиардов.

Источник: <http://siliconrus.com/2015/06/internet-ads-spending/>

Развитие законодательства об официальном электронном опубликовании нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации

Статья рекомендована М. В. Якушевым 19.02.2015 г.

ЛУЦЕНКО Екатерина Сергеевна

Кандидат юридических наук, старший преподаватель Ростовского государственного университета путей сообщения

СКЛИФУС Станислав Витальевич

Кандидат юридических наук, доцент Ростовского государственного университета путей сообщения

Аннотация

В статье анализируются современные тенденции в использовании ИКТ для представления (опубликования) официальной правовой информации. Отмечается повышение доступности такой информации в новых условиях, а также необходимость унификации источников правовой информации, используемых разными субъектами РФ.

Ключевые слова:

нормативные правовые акты, официальное опубликование нормативных актов, способы распространения правовой информации, электронное опубликование.

Официальное опубликование нормативных правовых актов является завершающим этапом правотворческой процедуры, в рамках которого обеспечивается доведение содержания нормативных актов до всеобщего сведения, что является необходимым условием их применения. Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы

официально (ч. 3, ст. 15 Конституции РФ). С датой официального опубликования связывается момент вступления акта в законную силу, что обеспечивает определенность правоприменительной практики.

Развитие информационных технологий значительно повлияло на способы распространения правовой информации, в том числе на формы официального ее опубликования. Обеспечение полноты, достоверности, актуальности и доступности правовой информации в электронном виде — актуальная задача государства [1]. В рамках модернизации официального опубликования правовых актов в настоящее время широко внедряется новая форма — так называемое официальное электронное опубликование, или интернет-опубликование.

Под *официальным электронным опубликованием* понимается первое размещение акта в электронной форме на специализированном портале в сети интернет (в отличие от традиционного официального опубликования в печатном периодическом издании). Электронное опубликование обладает рядом преимуществ, в числе которых: высокая скорость передачи информации; относительная (по сравнению с бумагой) дешевизна; удобство хранения документов в электронном виде; простота и легкость доступа к информационным ресурсам; удобство поиска информации; возможность неограниченного копирования и тиражирования правовой информации [2].

Официальное электронное опубликование является сравнительно новым институтом российского законодательства, что обуславливает значительный интерес российских ученых к данному вопросу [3]. 2 апреля 2014 г. был издан Указ Президента РФ № 198 «О порядке опубликования законов и иных правовых актов субъектов Российской Федерации на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru)», которым введена процедура электронного опубликования регионального законодательства. Однако, несмотря на достаточно большое число работ, посвященных новеллам федерального законодательства в области электронного опубликования, опыт субъектов федерации по внедрению электронного опубликования изучен недостаточно.

Впервые официальное электронное опубликование было установлено Федеральным законом от 21 октября 2011 г. № 289-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального собрания» [4] и Указом Президента РФ от 17 ноября 2011 г. № 1505 «О внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» [5]. Согласно ст. 9.1 Федерального закона «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального собрания» интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) был признан источником официального электронного опубликования федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального собрания, актов Президента и Правительства РФ. В соответствии с частью 3 ст. 9.1 Федерального закона на официальном интернет-портале правовой информации могут быть размещены (опубликованы) законы и иные правовые акты субъектов Российской Федерации. Следует отметить, что отдельные субъекты РФ ввели официальное электронное опубликование законодательства еще до принятия указанного Федерального закона. В отсутствие общих рамочных норм субъекты федерации избирали различные модели официального электронного опубликования, в частности, вводились следующие источники официального электронного опубликования:

- Федеральный регистр нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации (Республика Саха (Якутия), Карачаево-Черкесская республика, Оренбургская, Пензенская, Липецкая области);
- интегрированный полнотекстовый банк правовой информации (эталонный банк данных правовой информации) «Законодательство России» (Забайкальский край, Брянская область);
- специализированный официальный интернет-портал субъекта Российской Федерации либо официальный сайт органа государственной власти субъекта РФ (Республики Адыгея, Башкортостан, Бурятия, Марий Эл, Краснодарский, Красноярский, Хабаровский края, Белгородская, Воронежская, Ивановская, Калужская, Московская, Мурманская, Новосибирская, Омская, Самарская, Тюменская области, Москва, Санкт-Петербург);

- официальный интернет-портал правовой информации (республики Алтай, Дагестан, Кабардино-Балкария, Камчатский край, Ленинградская область).

В ряде субъектов федерации было установлено несколько источников официального электронного опубликования, например в Вологодской области – это официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) и официальный интернет-портал правовой информации Вологодской области (www.pravo.gov35.ru). В Республике Коми – сетевое издание, учреждаемое Правительством Республики Коми для обнародования (официального опубликования) правовых актов, а также эталонный банк правовой информации «Законодательство России». В Республике Удмуртия – официальный интернет-портал правовой информации, а также официальный сайт Президента Удмуртской Республики и Правительства Удмуртской Республики. Таким образом, формы официального электронного опубликования, избираемые субъектами Российской Федерации, были достаточно разнообразны, что создавало определенные неудобства при работе с региональными нормативными актами, поиске и обобщении информации о региональном законодательстве.

В литературе высказывались предложения о необходимости унификации процедуры официального электронного опубликования в субъектах РФ путем формирования единой системы официального опубликования правовых актов в электронном виде [6]. Этапом в развитии единой системы официального электронного опубликования стал Указ Президента РФ от 2 апреля 2014 г. № 198 «О порядке опубликования законов и иных правовых актов субъектов Российской Федерации на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru)» [7], принятый в соответствии с частью четвертой статьи 9.1 Федерального закона от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания». Указом устанавливается порядок опубликования законов и иных правовых актов субъектов Российской Федерации на официальном интернет-портале правовой информации.

В соответствии с законами субъектов Российской Федерации их законы и иные правовые акты публикуются на официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru). Опубликование осуществляется в течение 10 дней со дня подписания правовых актов субъектов РФ. Официальное электронное опубликование законов и иных актов субъектов РФ на официальном интернет-портале началось с 1 сентября 2014 г. Размещение региональных актов было поручено Федеральной службе охраны РФ, на которую возложена обязанность по разработке технических требований к размещению (опубликованию) законов и иных правовых актов субъектов РФ на официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru), в том числе в части унификации форматов законов и иных правовых актов субъектов РФ, предоставляемых ими в электронном виде для опубликования. Контроль за правильностью и своевременностью опубликования законов и иных правовых актов субъектов РФ на официальном интернет-портале

правовой информации, а также за соблюдением технических требований осуществляют высшие должностные лица (руководители высших исполнительных органов государственной власти) субъектов РФ. В рамках реализации Указа № 198 были разработаны и утверждены технические требования к размещению (опубликованию) законов и иных правовых актов субъектов Российской Федерации на официальном интернет-портале правовой информации. Для реализации Указа субъектам РФ потребовалось внести изменения в региональное законодательство о порядке опубликования и вступления в силу нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации. В настоящее время 75 субъектов федерации определили портал в качестве источника официального опубликования законов и иных правовых актов, внося соответствующие изменения в региональное законодательство [8]. На сегодняшний день на портале осуществляется официальное опубликование законодательства 69 субъектов РФ (из них 21 — в тестовом режиме) [9].

Таким образом, Указом № 198 на федеральном уровне был установлен единый источник электронного опубликования законов и иных правовых актов субъектов Российской Федерации — официальный интернет-портал правовой информации, что явилось важным шагом в развитии института электронного опубликования и государственной системы правовой информации.

Вместе с тем анализ региональных законов о нормативных правовых актах и об официальном опубликовании показывает, что в субъектах федерации сохраняется множественность источников официального опубликования [10]. Как правило, это одно либо несколько печатных изданий, официальный интернет-портал правовой информации, а также официальный сайт органа государственной власти субъекта федерации (либо официальный портал субъекта федерации) в сети интернет. Например, в Республике Алтай установлены три источника печатного опубликования правовых актов — газеты «Звезда Алтая» и «Алтайдын Чолмоны», Сборник законодательства Республики Алтай и два источника электронного опубликования — официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) и официальный портал Республики Алтай в сети интернет (www.altai-republic.ru). В Орловской области наряду с печатным установлены три источника официального электронного опубликования — государственная специализированная информационная система «Портал Орловской области — публичный информационный центр», федеральный регистр нормативных правовых актов субъектов РФ и официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). Подобная множественность источников официального опубликования без законодательного определения основного (ведущего) источника ведет к правовой неопределенности при установлении даты введения в действие нормативного акта (либо его новой редакции). Кроме того, сохранение печатного источника официального опубликования (тем более нескольких) в современных условиях является нерациональным и затратным. Эти проблемы требуют разрешения.

В целом внедрение официального электронного опубликования регионального законодательства на официальном интернет-портале правовой информации является важным шагом на пути к обеспечению максимальной

доступности правовой информации. Сосредоточение региональных нормативных правовых актов в едином источнике создает базу для дальнейшей работы по совершенствованию и систематизации законодательства, формированию единого правового пространства. Политика государства, направленная на формирование единого источника правовой информации в сети интернет, способствует наиболее полной реализации принципа открытости и доступности правовой информации, в том числе и законодательства субъектов Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 октября 2010 г. N 1815-р «О государственной программе Российской Федерации „Информационное общество (2011—2020 годы)“»** // СЗ РФ. 2010. № 46. Ст. 6026.
2. **Официальное электронное опубликование: история, подходы, перспективы** / Под ред. проф. В. Б. Исакова. М., 2012. С. 16.
3. БОШНО С. В. **Опубликование нормативных правовых актов Российской Федерации на официальном портале сети Интернет: альтернатива и перспективы** // Право и современные государства. 2013. № 2. С. 5—16; ЧЕРВЯКОВСКИЙ А. В. **О новом порядке официального опубликования федеральных законов** // Современное право. 2012. № 2. С. 15—18; БУДАКОВ А. С. **Вопросы официального опубликования правовых актов в электронном виде** // Получение, хранение и использование информации в электронной среде: публично-правовое и частно-правовое регулирование: сб. матер. междунар. науч. — практ. конф. / Науч. ред. Н. А. Шевелёва. СПб, 2013. С. 25—30.
4. **Российская газета**. № 238. 24.10.2011; СЗ РФ. 2011. № 43. Ст. 5977.
5. **Официальный интернет-портал правовой информации** <http://www.pravo.gov.ru>, 17.11.2011; СЗ РФ. 2011. № 47. Ст. 6621.
6. ВОЛКОВ А. А., КОВАЛЬЧУК Э. В. **Вопросы опубликования правовых актов на Официальном интернет-портале правовой информации www.pravo.gov.ru** // Серия «Электронное законодательство». — 2011. Вып. 2: Право на доступ к информации: возможности и ограничения в электронной среде: сб. матер. междунар. науч. — практ. конф. / Науч. ред. Н. А. Шевелёва. СПб., 2012. С. 97.
7. **Официальный интернет-портал правовой информации** <http://www.pravo.gov.ru>, 02.04.2014; Российская газета. № 77. 04.04.2014.
8. URL: [HTTP://PRAVO.GOV.RU/NEWS/2015.01/NEWS_0693.HTML](http://PRAVO.GOV.RU/NEWS/2015.01/NEWS_0693.HTML) (ДАТА ОБРАЩЕНИЯ: 27.01.2015).
9. По данным Официального интернет-портала правовой информации на 22.01.2015 года.
10. ч. 2. ст. 35 Закона Республики Алтай от 15 февраля 2008 г. «О нормативных правовых актах Республики Алтай» (в редакции Закона Республики Алтай от 25.11.2014 г. N 73-РЗ); ч. 1 ст. 56 Закона Орловской области от 15 апреля 2003 г. № 319-03 «О правотворчестве и нормативных правовых актах Орловской области» (в редакции Закона Орловской области от 03.07.2014 г. N 1647-03); ст. 46 Закона Краснодарского края от 6 июня 1995 г. № 7-КЗ «О правотворчестве и нормативных правовых актах Краснодарского края» (в редакции Закона Краснодарского края от 23.07.2014 г. N 3004-КЗ); ч. 1 ст. 4 Закона Ростовской области от 29 декабря 2003 г. № 85-ЗС «О порядке опубликования и вступления в силу Устава Ростовской области, областных законов, постановлений Законодательного Собрания Ростовской области, правовых актов Главы Администрации (Губернатора) Ростовской области и органов исполнительной власти Ростовской области» (в редакции Закона Ростовской области от 25.07.2014 г. N 208-ЗС); ч. 1 ст. 5 Закона Мурманской области от 31 мая 1995 г. N 6—01-ЗМО «О порядке опубликования и вступления в силу нормативных правовых актов, принятых органами государственной власти Мурманской области» (в редакции Закона Мурманской области от 14.11.2014 г. N 1794—01-ЗМО) // Источник официального опубликования перечисленных законов в действующей редакции: «Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru)» (дата обращения: 27.01.2014).

К вопросу о фрагментации современного медиаландшафта: теория и эмпирические результаты

Статья рекомендована С. Ф. Гребениченко 28.04.2015 г.

НАЗАРОВ Михаил Михайлович
Заведующий кафедрой «Маркетинговые коммуникации», профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Аннотация

В фокусе авторского анализа — явление фрагментации медиaprостранства. Обсуждаются его технологические и социально-экономические предпосылки, рассматриваются следствия фрагментации с точки зрения перспектив формирования новой культурно-информационной среды. На основе анализа эмпирических данных предлагается интерпретация современных трендов фрагментации медиа в России. Обосновывается, что теоретические представления о формировании в результате фрагментации небольших замкнутых групп аудитории, скорее всего, является преувеличением. Наиболее реалистичной в кратко- и среднесрочной перспективе является идея взаимного дополнения массовых и нишевых медиа.

Ключевые слова:

фрагментация медиа, аудитория, цифровизация, трансформация медиаландшафта, телевидение, интернет.

Медиаландшафт современного информационного общества характеризуется высоким уровнем разнообразия. Особенно ярким это проявилось в течение последних 10–15 лет, с развитием процессов цифровизации и обеспечением широкого доступа к интернету. Примечательно, что в этой связи достаточно активно стали говорить о закате эпохи массовой коммуникации, формировании кардинально новой культурно-информационной среды. Предмет анализа в данной работе — концепт фрагментации, лежащий в основе представлений о трансформации современного медиаландшафта. Наряду с этим, фрагментация рассматривается на эмпирическом уровне. В фокусе внимания находятся аудиторные тренды российского телевидения и интернета — двух наиболее массовых как по проникновению, так и по влиянию информационных средств.

О феномене медиафрагментации

Изначально понятие фрагментации использовалось для обозначения изменений в структуре массовых медиа, прежде всего телевидения, которые начались в конце 80-х годов прошлого века [1]. Фрагментация представляет собой процесс, при котором массовая аудитория дробится и распределяется по возрастающему числу мелких медиаканалов. Фрагментация аудитории затрагивает прессу, телевидение, радио, интернет, то есть во всех случаях массовой коммуникации, где участвуют множество производителей и потребителей контента. Результат фрагментации иногда обозначают как

демассификацию [2]. Фрагментации способствует как увеличение числа программ и каналов, направленных на узкие тематические и демографические группы, так и распространение новых платформ дистрибуции контента в современной медиасреде.

По мнению Э. Каца, одного из ведущих современных специалистов в области социологии массовой коммуникации, именно фрагментация предопределила дискуссии о закате эры телевидения. «Действительно ли ТВ умирает? Если понимать под этим телевидение 1960-х и 1970-х годов, то да. Телевидение единства („sharedness“) — с нацией, с семьей — больше нет. На смену ему пришло телевидение с сотнями каналов, с «нишевым» контентом, мобильное, входящее в одну систему с интернетом и другими новыми медиа. В каком-то смысле телевидение повторяет историю радио, которое, с модуляцией и миниатюризацией, превратилось в личного компаньона каждого — утрируя, трудно найти двух людей, слушающих одну и ту же программу в одно и то же время» [3].

При обсуждении проблематики фрагментации, наряду с особенностями аудитории, следует учитывать инновации, которые происходят в области коммуникационных средств и медиаконтента. Показательными в этой связи являются инновации в области телевидения и интернет. На телевидении фрагментация каналов вызвана расцветом цифровых технологий. Это касается кабельного, спутникового, цифрового эфирного телевидения. Благодаря технологической «встрече» ТВ и интернета, появились возможности потребления ТВ и видеоконтента с помощью компьютеров, планшетов, смартфонов. Многие тысячи информационных источников и разнообразных сервисов оказываются реализованными в интернет-среде. Серьезными возможностями и с точки зрения охвата аудитории, и инновационности предлагаемых сервисов обладают социальные сети. Таким образом, мы сталкиваемся с фрагментацией как некоторым двуединым процессом: фрагментация аудитории обусловлена в значительной мере фрагментацией медиа.

Показательно, что инновации в сфере доставки контента привели к усложнению самого понятия медиафрагментации. Так, для описания роста разнообразия содержания внутри отдельных медиа предлагается использовать понятие интра- или внутримедийной (inramedia) фрагментации. Вместе с тем новые технологии коммуникаций способствуют развитию доступа потребителя к одному и тому же контенту посредством различных носителей. Например, в интернете оказываются доступными цифровые версии подавляющего большинства традиционных медиа — газет, журналов, радиостанций. В этом случае говорят о кроссмедийной (intermedia) фрагментации [4].

Фрагментация оказывается сопряженной с новыми качествами, присущими аудитории. В этой связи используется понятие нелинейного медиапотребления, в частности нелинейного телесмотрения. Последнее отражает ситуацию, когда потребители получают возможность обращения к отдельным медиапродуктам (программам), а не пакетным предложениям, при этом время и место потребления определяет пользователь, минуя жесткую привязку к сетке программ.

В цифровой среде, прежде всего в интернете, аудитория приобретает возможность интерактивного взаимодействия с контентом. В интернете

существуют разнообразные сервисы настройки «под себя» интересующей пользователя информации (т. н. кастомизация). По мнению отдельных исследователей, наличие в информационном пространстве таких ресурсов, как YouTube, Facebook, Twitter, дает все больше оснований считать, что сейчас индивидуальный пользователь является почти равноправным по отношению к традиционным медиа [5]. Не случайно, выделяют новые потребности, удовлетворяемые с помощью интернет-медиа, такие, например, как потребность участвовать, делиться, самовыражаться.

Фрагментированная культурная среда

Заметим, что процессы фрагментации медиа являются производными от глобальных тенденций развития – формирования социально-экономического и политического уклада постмодернистского типа. Постмодерн зачастую связывают с трансформациями экономического характера, экономический либерализм становится важным фактором структурных изменений в области производства. При этом качественно иного уровня (как по масштабам, так и по содержанию) достигает потребление, для которого становится свойственной множественность потребительских стилей и идентичностей. Фактически культура постмодерна является параллельной, соседствующей с постиндустриальной, постфордистской экономикой. Производство, обмен, потребление всего того, что связано с рекламой, интернетом, телевидением, медиа в целом, являются сегодня одной из важнейших сфер экономической активности.

Неслучайно в последние годы достаточно активно стало использоваться понятие «экономика внимания» или «экономика впечатлений». Суть здесь состоит в том, что в современных условиях подавляющее большинство медиа являются экономическими субъектами и работают на т. н. рынке «дуальных или двусоставных» продуктов. Несколько упрощая, можно говорить о том, что медиа генерируют два типа продуктов. Первым является контент, вторым – внимание аудитории, для которой предлагаемый медиаконтент оказался интересным [6]. Медиакампании могут продавать контент напрямую или косвенно. Одной из наиболее распространенных является т. н. рекламная модель, когда доступ к аудитории продают рекламодателям (компаниям – производителям товаров и услуг). На практике товаром, который производится, продается и покупается, является аудитория с соответствующими количественными показателями, например, рейтингами. Таким образом, рекламодатели получают аудиторный продукт (в форме контакта с рекламным сообщением), который произвели медиа.

Показательно, что небывалый рост числа информационных источников, равно как и способов их использования в современной цифровой среде породил ожидания серьезных трансформаций медиаландшафта и формирования новой культурно-информационной среды. Одним из канонических для этой проблематики текстов является работа К. Андерсона, посвященная феномену так называемого «длинного хвоста» [7]. С развитием цифровых медиа экономически выгодным становится продавать не только массовые,

но и нишевые продукты. Потребление смещается в сторону «длинного хвоста»: все больше потребителей обращается не к крупнейшим, а к небольшим источникам. Соответственно, рентабельными оказываются не только массовые продукты — во многих медиакомпаниях наблюдается значительная диверсификация предложения.

Важно, что в своих построениях автор исходит из факта фундаментальной, по его мнению, перестройки моделей поведения людей, характерных для современной культуры в целом. Он говорит о переходе от массовой к «высокопараллельной» культуре. По его мнению, коммуникационные технологии приводят к росту разнообразия и объема предлагаемого контента, но не к формированию новой «массы». Образуется многообразие взаимодействующих между собой микрокультур, где каждый оказывается носителем супернишевой культуры. Применительно к потреблению медиа это означает, что уходит в прошлое эпоха, когда люди слушали, смотрели, читали в общем и целом одно и то же. «В результате все больше индивидов, ранее пользовавшихся (общими) массовыми медиа стали обращаться к тематическим изданиям, телеканалам и сайтам. Все больше и больше людей все реже пользуются массовыми медиа. И скоро они составят большинство» [7].

Обратим внимание, что данное явление имеет различные следствия, в том числе социально-политического характера. Так, если одни исследователи приветствуют фрагментацию аудитории и специализацию контента, акцентируя их демократический потенциал, то другие усматривают здесь определенные проблемы. Специализация контента и индивидуальное потребление медиа могут привести к тому, что пользователь будет знакомиться только с одной точкой зрения, не получая представления об альтернативных взглядах. Это, наряду с акцентом в медиапотреблении на развлекательном контенте, может стать препятствием для подлинной информированности и участия граждан в политической жизни, для выполнения средствами массовой информации функции инструмента формирования национальной идентичности [8].

Российский контекст фрагментации аудитории

Обсуждая проблематику фрагментации аудитории, обратимся к эмпирическим данным о структуре российского медиаландшафта. Посмотрим, каким был в 2014 г. охват среднемесячной аудитории по всем измеряемым источникам — телеканалам и сайтам. Напомним, что «охват» является одним из базовых показателей коммуникативного поведения и отражает количество индивидов в потенциальной аудитории, которые хотя бы раз проконтактировали с данным медиаресурсом за указанный период.

Сначала обратимся к данным о телевидении (рис. 1). Вертикальная ось графика — это шкала месячных охватов в процентах. На горизонтальной оси зафиксированы 213 измеряемых телеканалов. Эмпирические данные говорят о том, что телеканалы существенно различаются по охвату аудитории. Так, более 50% охвата приходится на 19 телеканалов. Очевидно, что лидерами здесь являются хорошо известные общенациональные телеканалы — Первый,

Россия-1, НТВ. Среднемесячный охват от 50 до 20% имеют 15 каналов, 20–10% – 50 каналов, 10–5% – 88 каналов, менее 5% – 41 канал. Таким образом, перед нами «длинный хвост» распределения аудитории российского телевидения. Левая часть хвоста представлена наиболее популярными каналами с массовой аудиторией, тогда правая часть – длинным перечнем нишевых каналов со значительно меньшим (или весьма малым) охватом аудитории.

Данные о среднемесячном охвате аудитории российскими интернет-ресурсами представлены на рисунке 2. Согласно имеющимся распределениям, «длинный хвост» российского интернета еще более поляризован, чем телевизионная аудитория. Во главе хвоста (слева) – достаточно ограниченный круг интернет-площадок с широкой аудиторией. Среди них хорошо известные лидеры: Yandex, Mail.ru, Вконтакте, Google, Youtube. Показательно, что более 50% аудитории интернета приходится на 8 площадок, тогда как

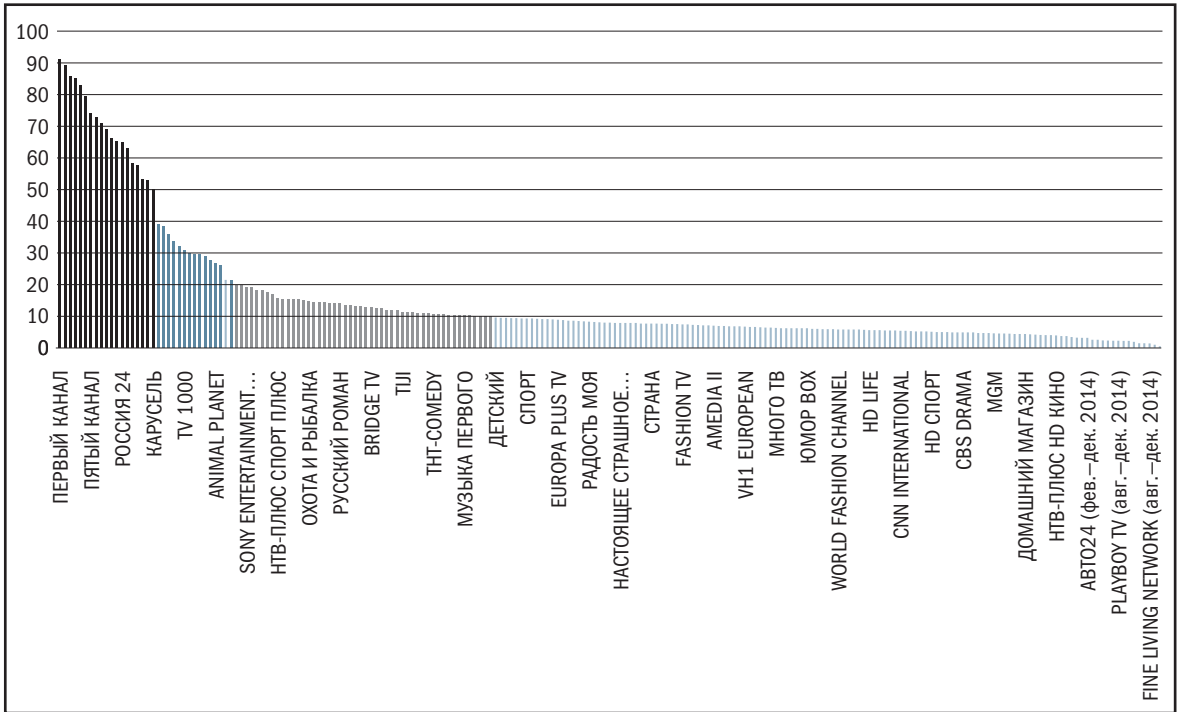

Рис. 1 Телеканалы: среднемесячный охват аудитории, %

Ист.: TNS TV Index & TV Index Plus, 2014. Аудитория: городское население в возрасте «12–64» года.

Среднемесячный охват аудитории	Количество каналов
Более 50%	19 каналов
20–50%	15 каналов
10–20%	50 каналов
5–10%	88 каналов
0,5–5%	41 канал

телевидения – на 19 телеканалов. Для интернета, по сравнению с телевидением, характерно присутствие большого числа ресурсов с относительно небольшим охватом аудитории. Это тем более верно, если учитывать, что приведенные перечни телеканалов и интернет-площадок не отражают всего существующего их многообразия в силу ограниченности измерений. Другими словами, хвост информационных источников с небольшой аудиторией в интернете оказывается существенно длиннее, нежели на телевидении.

Таким образом, для фрагментированного российского медиаландшафта характерны следующие черты. Феномен «длинного хвоста» отражает современные особенности медиапотребления, включая как телевидение, так и интернет. При всем многообразии источников явно выделяются две тенденции. С одной стороны, это наличие относительно ограниченной группы

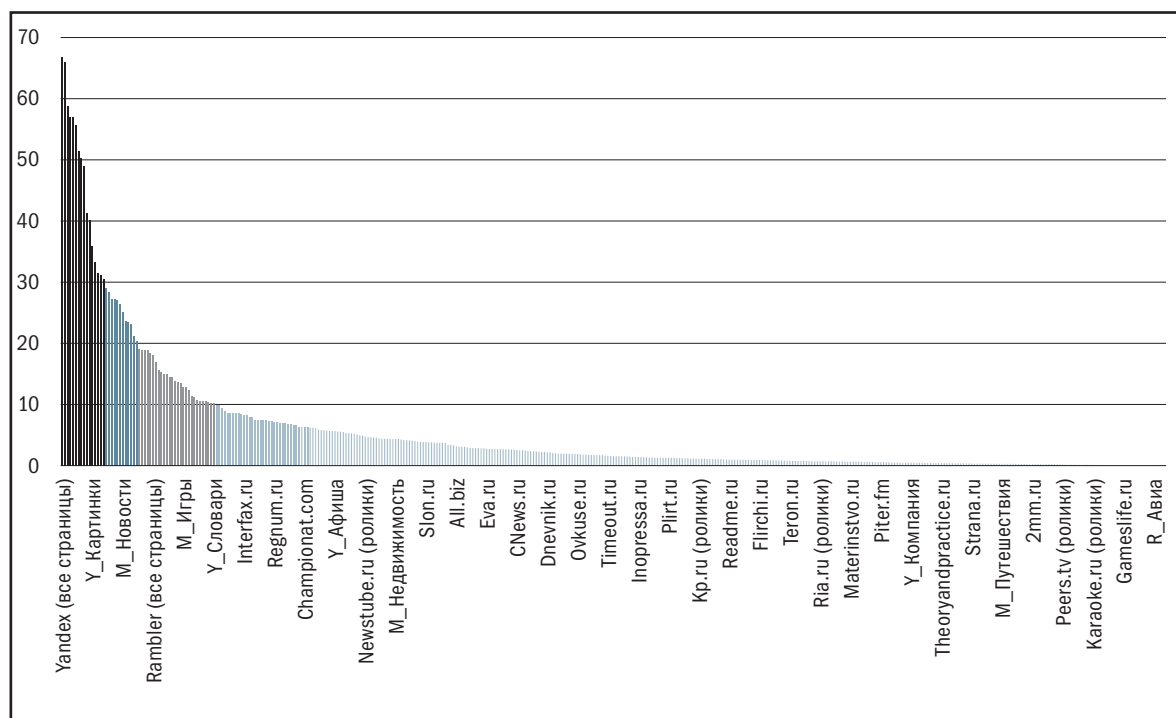

Рис. 2 Интернет ресурсы: среднемесячный охват аудитории, %

Ист.: TNS Web Index, 2014. Аудитория: городское население в возрасте «12–64» года.

Среднемесячный охват аудитории	Количество ресурсов
Более 50%	8 ресурсов
20–50%	12 ресурсов
10–20%	28 ресурсов
5–10%	52 ресурса
1–5%	133 ресурса
до 1%	192 ресурса

медиа с высоким среднемесячным охватом аудитории; с другой стороны, это наличие длинного перечня медиа, которые располагают малыми или крайне малыми аудиториями.

В какой мере аудитории, относящиеся к разным типам медиа (лидерам, с одной стороны, и источникам с небольшим охватом — с другой), оказываются замкнутыми по отношению к друг другу? Мы попытались ответить на этот вопрос на примере анализируемого перечня телеканалов. Для этого было получено так называемое пересечение аудитории каналов. Зафиксировано, что при всем различии аудиторий «больших» и «малых» каналов нет оснований говорить о том, что их образуют представители замкнутых, не пересекающихся друг с другом групп индивидов. Другими словами, зрители малых тематических или нишевых каналов «длинного хвоста» в то же время смотрят и массовые каналы. Таким образом, происходит не разъединение, а, скорее, взаимное дополнение аудиторий.

Обратим внимание на еще одну характеристику современного фрагментированного медиаландшафта ТВ. Речь идет о репертуаре использования тех или иных каналов. Анализ данных позволяет говорить о том, что большинство зрителей обращаются к не слишком широкому их набору: в среднем регулярно смотрят порядка 12—15 каналов, а число любимых каналов составляет не более 5—6.

Обсуждение результатов

Обращаясь к возможным интерпретациям эмпирических трендов, следует сказать, что одним из наиболее известных и влиятельных прикладных концептов в этой связи является теория полезности и удовлетворения потребностей. Согласно данной теории, коммуникативное поведение, включая выбор и использование медиа, — это целенаправленный, мотивированный процесс. Выделяют несколько основных групп мотивов использования медиа: информация, идентичность, развлечение, интеграция/социальное взаимодействие [9]. Применительно к российскому телевидению ведущими мотивами обращения являются следующие: «чтобы быть в курсе новостей и текущих событий» (65%); «чтобы развлечься, поднять настроение» (52%). Показательно, что два эти мотива оказываются весьма устойчивыми, т. е. характерны как для современного многоканального ТВ, так и для ТВ прошлых десятилетий, когда выбор каналов был невелик [10]. Можно сказать, что ожидания людей в отношении телевидения в целом довольно стабильны, другой вопрос, что выбор контента в настоящее время чрезвычайно расширился.

Выше отмечалось, что с точки зрения телевизионной индустрии интерес аудитории обретает денежный эквивалент посредством рейтингов популярности тех или иных программ. Современные медиахолдинги дифференцируют свою продукцию: в эфире присутствует как массовый качественный продукт, так и нишевый, ориентированный на более узкие сегменты зрительской аудитории. В этом смысле наличие относительно небольшой группы каналов с широким охватом отражает среди прочего то обстоятельство, что именно здесь сосредоточены материалы, которые оказываются максимально

востребованными зрителями. С другой стороны, наличие «длинного хвоста» каналов вполне естественно, поскольку таким образом удовлетворяются узкотематические интересы, не предполагающие массовость.

В данном случае, как представляется, находит свое проявление известный принцип Парето, описывающий неравномерность усилий и благ, осуществляемых и получаемых в любой деятельности, где есть свободный выбор из многих возможностей. Этот принцип определяется, кроме того, как «принцип 20/80», когда 20% предпочитаемого — предпочитается многими, а 80% — предпочитается мало кем. Это вполне адекватно отражает экономический механизм работы современных медиа, который применительно к сегменту информационно-развлекательного контента справедливо, на наш взгляд, иногда определяют как экономику «звезд» [11].

В рамках теории полезности и удовлетворения потребностей отмечается, что ожидания индивидов лежат в основе активного выбора телеканалов или интернет-ресурсов. Здесь стоит обратить внимание на активность аудитории. В исследованиях массовой коммуникации к активной аудитории обычно относят индивидов, для которых характерны целенаправленный поиск и высокая включенность в потребление медиаконтента [12]. Вероятно, это так, однако не для всей аудитории. В противном случае можно было бы предположить, что в идеале в условиях сильно фрагментированной среды фокус активного выбора должен был бы рассредоточиться по большому перечню нишевых источников. При этом аудитория лидирующих ныне каналов и сайтов должна была бы заметно сократиться. Однако на практике этого пока не происходит.

Обратимся к научно-прикладному аспекту, который целесообразно иметь в виду при обсуждении заявленной темы. Речь идет о том, что, акцентируя активный выбор медиа, теория полезности и удовлетворения потребностей оставляет в стороне феномен так называемых медийных привычек. В то же время, по мнению ряда исследователей, собственно медийная и социальная структуры общества образуют некоторые контекстные ориентиры, запускающие реализацию медийных привычек [13].

Взаимосвязь привычек с ожиданиями людей отражает современные научные представления о том, что активное обдумывание поведенческих реакций уступает место автоматическим мыслительным процессам. Именно об этом свидетельствуют данные современных нейробиологических и социально-психологических исследований. Оказывается, что медийное поведение определяется, скорее, привычкой, чем контролируемым рассуждением об удовлетворении той или иной потребности. Потребление медийных продуктов основано на ассоциациях с культурным и личным опытом. Фактически привычки формируются благодаря повторяющемуся коммуникативному поведению в стабильных условиях, причем возможны сложные сценарии медиапотребления, предполагающие как привычную, так и намеренную активность индивидов. Косвенные подтверждения этой гипотезы получены в исследованиях, где показано влияние факторов, связанных с привычками, на проведение свободного времени [13].

Вполне логично, что люди предпочитают комбинировать, используя как массовые источники, так и нишевые, узкоадресные каналы и сайты.

Причем для рутинного медиапотребления характерен достаточно ограниченный набор потребляемых источников. Приведенные эмпирические данные о фрагментированном медиаландшафте отражают именно это обстоятельство. Эмпирические данные фиксируют, что в структуре аудитории нишевых каналов достаточно высока доля зрителей, ориентированных одновременно и на массовые популярные каналы. Другими словами, мы являемся свидетелями не столько формирования отдельных, замкнутых в своих интересах кластеров зрителей, сколько взаимного пересечения разных групп аудиторий вокруг некоторых общезначимых, популярных тем.

С этой точки зрения продуктивным, как представляется, может оказаться социоструктурное объяснение данного явления. Суть его состоит в том, что медиа — в нашем случае массовые популярные каналы — способны поддерживать состояние некоторой общей сопричастности, т. е. выполнять в обществе роль одного из связующих центров. Напомним, что в научный оборот была введена идея о так называемой связи с центром — представление, согласно которому медиа обеспечивают нам доступ прямо к центру, «сердцу» общества. Другими словами, средства массовой коммуникации представляют собой именно ту точку в социальном пространстве, откуда видно, «что в мире делается». Данное положение исходит из посылки о социальном порядке, представлении, что у общества, у государства есть не просто физический или административный центр, а жизненный центр, наличие которого позволяет получить представление о функционировании социального мира и источниках его ценностей [14].

Ситуацию, при которой достаточно ограниченное число информационных источников (из многочисленного перечня телеканалов или интернет-площадок «длинного хвоста») устойчиво находится в сфере внимания аудитории, можно прокомментировать, опираясь на психологические основы человеческого поведения. При этом расширившийся набор медиасредств правомерно рассматривать как увеличившуюся совокупность выбора услуг, предлагаемых потенциальному пользователю. Обратимся в этой связи к работам в области психологии, посвященным исследованию особенностей выбора из растущего числа альтернатив.

Суть этого подхода состоит в том, что при отсутствии выбора преобладают отрицательные эмоции. Когда у человека появляется выбор, возникают положительные эмоции. Важно, что сначала, по мере расширения числа альтернатив положительные эмоции усиливаются, однако постепенно достигается стадия насыщения. Таким образом, результирующая эмоция (положительная минус отрицательная) оказывается положительной при возможности выбора лишь до некоторого количества альтернатив. По всей видимости, наличие такого порога обусловлено трансформацией положительных эмоций в отрицательные, если выбор становится слишком широким. Этот вывод находит эмпирическое подтверждение, в частности, в исследованиях потребительского поведения [15]. Зафиксированный нами в ходе эмпирического анализа феномен ограниченного по числу набора телеканалов, составляющих репертуар просмотра, а также телеканалов, образующих некоторое ядро постоянного просмотра, имеет, по-видимому, социально-психологические основания.

* * *

Итак, в работе показано, что фрагментация является одной из важных тенденций изменения современного медиаландшафта. Эта тенденция обусловлена двумя взаимообусловленными процессами: бурным прогрессом медиатехнологий, с одной стороны, и трансформацией образа жизни их потребителей, в том числе в области использования медиа, — с другой. Фрагментация характерна для современного российского медиаландшафта, здесь наблюдаются тренды, сходные с другими мировыми рынками, проявляется феномен «длинного хвоста». Эмпирические данные свидетельствуют, что теоретические представления о формировании в результате фрагментации замкнутых групп аудиторий, скорее всего, является преувеличением. Наиболее реалистичной, если говорить о кратко- и среднесрочной перспективе, является тенденция взаимного дополнения массовых и нишевых медиа. Наряду с наличием многочисленных каналов и сайтов с небольшой и малой аудиторией, устойчивой популярностью по-прежнему пользуется ограниченное число массовых каналов. Показательно, что российская ситуация вполне соответствует ведущим мировым трендам [16].

ЛИТЕРАТУРА

1. CHANDLER, R., MUNDAY, R. **Dictionary of Media and Communication**. Oxford University Press, 2011. P. 24.
2. PICARD, R. **The Economics and Financing of Media Companies**. N.Y.: Fordham University Press, 2011. P. 127.
3. KATZ, E. **The End of Television?** // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. A special edition: The End of Television. Its Impact on the World / eds. E. Katz, P. Scannel. 2009. V. 625. № 1. P. 3–24.
4. NAPOLI, PH. **Audience Economics. Media Institutions and the Audience Marketplace**. N.Y.: Columbia University Press, 2003. P. 136–137.
5. MABILLOT, D. **User Generated Content: Web 2.0 Taking the Video Sector by Storm, Communications and Strategies**. 2007. P. 39–49.
6. DOYLE, J. **Understanding Media Economics**. London: Sage, 2003. P. 60–61.
7. ANDERSON, C. **The Longer Long Tail**. N.Y., 2006. P. 100–105.
8. PARADISE, A. **Decline of Mass Media**. *Encyclopedia of Communication Theory*. N.Y., 2012. P. 876–878.
9. KATZ, E., BLUMLER, J. G., & GUREVITCH, M. (1974). **Utilization of mass communication by the individual** // J. G. Blumler & E. Katz (Eds.). The uses of mass communications: Current perspectives on gratifications research. Beverly Hills, CA: Sage, 1974. P. 19–32.
10. **Телевидение глазами телезрителей**. М., 2012. С. 312.
11. ЧЕРНЫХ А. И. **Медиа и ритуалы**. М., 2013. С. 194–195.
12. НАЗАРОВ М. М. **Измерение аудитории ТВ в современной мультиэкранной среде**. М., 2015. С. 200.
13. LAROSE, R. **The Problem of Media Habits**. *Communication Theory* 20. 2010. P. 194–222.
14. COULDRY, N. **Media, Society, World. Social Theory and Digital Media Practice**. Cambridge: Polity. P. 95–97.
15. SCHWARTZ. **The Paradox of Choice: Why More Is Less**. Harper Collins Publishers, 2004. P. 74.
16. WEBSTER, J., KSIĄZEK, B. **The Dynamics of Audience Fragmentation: Public Attention in an Age of Digital Media** // *Journal of Communication*. 2012. № 62. P. 39–56.

PR-технологии как инструмент эффективного продвижения государственных программ для молодежи

Статья рекомендована Т. В. Ершовой 24 .11.2014 г.

РОСТОВСКАЯ Тамара Керимовна

Доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и организации работы с молодежью Московского государственного университета им. М. А. Шолохова

КИПШАРА Татьяна Андреевна

Магистр Московского государственного университета им. М. А. Шолохова

Аннотация

В статье рассматривается влияние различных средств массовой коммуникации на формирование молодежи и молодых семей. Выделяются основные функции СМИ в контексте их влияния на молодежь, формулируются рекомендации по формированию позитивно ориентированной, патристической, способствующей укреплению института семьи, основанной на российских национально-культурных традициях и нравственно-духовных ценностях молодежной среды.

Ключевые слова:

PR-технологии, государственные программы для молодежи, СМИ, институт семьи, нравственно-духовные ценности.

В настоящее время эффективность государственного менеджмента все в большей мере зависит от качества информационной политики, применяемой стратегии взаимодействия с молодежью — самым массовым потребителем информационных услуг. Важнейшим инструментом, обеспечиваю-

щим эффективность государственных программ для молодежи, выступают PR-технологии, рассматриваемые как форма организации коммуникации. В словарях термин public relations (далее — PR) появился в 1948 г. [1, с. 37].

Несмотря на многообразие определений, характеризующих сложную сущность PR, мы придерживаемся следующего определения, выработанного в рамках петербургской школы PR: «Паблик рилейшнз — это управленческая коммуникативная деятельность (совокупность социальных практик), направленная на оптимизацию взаимодействий социального субъекта со значимыми сегментами социальной среды — с его общественностью» [2, с. 13]. На наш взгляд, PR как управленческая деятельность направлена на формирование благоприятных отношений между организацией и общественностью и включает в себя формирование стратегии деятельности организации, прогнозирование возможных тенденций и рисков, а также оценку результатов.

Первый вид PR-технологий ориентирован на работу со средствами массовой информации: это так называемый «информационный PR», или медиарилейшнз (управляемые социальные практики, направленные на оптимизацию взаимодействия социального субъекта со средствами массовой информации — важнейшим сегментом его социальной среды). Ко второй группе технологий PR-поддержки относится организация и проведение специальных мероприятий — семинаров, конференций, круглых столов, конгрессов, публичных

дебатов, презентаций и т. п., что является высокоэффективным инструментом PR, грамотное использование которого приводит к ощутимым изменениям и измеримым результатам.

Государственный PR и социальная реклама являются неотъемлемым условием продвижения и реализации принимаемых программ, способствуя разъяснению органами власти своих действий как целенаправленных, способствующих достижению интересов граждан. Кроме того, информационное сопровождение реализации государственных программ нацелено на повышение заинтересованности самих государственных служащих, осознание ими целей и задач реализуемых проектов.

Покажем, что представляет собой PR на примере реализации подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей», осуществляемой в рамках федеральной целевой программы «Жилище» на 2011–2015 годы. Цель подпрограммы – оказание государственной поддержки в улучшении жилищных условий членам молодых семей путем предоставления социальных выплат для приобретения (строительства) жилья [3].

При развертывании PR-кампании в рамках указанной подпрограммы прежде всего необходимо определить ее миссию. В данном случае это развитие системы оказания государственной поддержки определенным категориям граждан, членам молодой семьи в приобретении жилья или строительстве индивидуального жилого дома. Далее следует сформулировать основную цель – государственная поддержка в решении жилищной проблемы молодых семей, признанных в установленном порядке нуждающимися в улучшении жилищных условий.

Достижение цели программы предполагает решение следующих задач:

- предоставление молодым семьям социальных выплат на приобретение жилья экономкласса или строительство индивидуального жилого дома экономкласса;
- создание условий для привлечения молодыми семьями собственных средств, дополнительных финансовых средств кредитных и других организаций, в том числе ипотечных жилищных кредитов для приобретения жилья или строительства индивидуального жилья.

Целевой аудиторией являются молодые семьи, отвечающие требованиям программы.

После проведения исследования, правильной постановки целей, определения целевых аудиторий необходимо структурировать полученный материал в единую концепцию, которая является стратегически важным документом. Грамотно составленная концепция – это залог успеха организации. Стратегическое планирование позволяет наиболее точно и корректно ответить на следующие вопросы:

- Какие результаты должна обеспечить реализация программы через несколько лет?
- Каков оптимальный путь достижения поставленной цели?

- На что следует сделать упор в развитии?
- Каковы объем и источники финансирования?

Перечислим ожидаемые результаты реализации подпрограммы:

- обеспечение жильем 159,16 тыс. молодых семей; создание условий для повышения уровня обеспеченности жильем молодых семей;
- привлечение в жилищную сферу дополнительных финансовых средств кредитных и других организаций, предоставляющих жилищные кредиты и займы, в том числе ипотечные, а также собственных средств граждан;
- укрепление семейных отношений и снижение социальной напряженности в обществе;
- улучшение демографической ситуации в стране;
- развитие системы ипотечного жилищного кредитования.

Определяя роль PR в реализации обсуждаемой подпрограммы, необходимо отметить тенденцию к привлечению частных PR-компаний для проведения государственной информационной политики. Несомненно, роль PR в реализации федеральных целевых программ существенна. Это равноправный участник разработки, принятия и реализации управленческих решений. Являясь институтом политического управления, «паблик рилейшнз» выполняют роль механизма по завоеванию и удержанию власти и политического влияния. Именно PR является своеобразным двигателем программы. Благодаря деятельности в области связей с общественностью удалось достичь взаимопонимания между обществом и государственной властью в вопросе доступности жилья для молодых семей.

PR-деятельность в рамках подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей» началась задолго до ее принятия. Была определена социальная проблема, и государство предложило способ ее решения: это метод, называемый «проблема–реакция–решение». Он часто используется средствами массовой информации. Суть его в следующем: формулируется проблемная ситуация, которая может вызвать отклик среди населения; эта ситуация должна потребовать принятия мер, в которых заинтересованы правящие круги. Что касается обсуждаемой подпрограммы, то до ее разработки проводились опросы населения, семинары и тренинги, в результате которых сложился общественный консенсус по вопросу о необходимости обеспечить поддержку молодой семьи. Многие телеканалы проводили ток-шоу, в ходе которых обсуждались проблемы доступности жилья для молодежи.

Для осуществления PR-деятельности важны прежде всего СМИ, а также локальная общественность, представители бизнес-среды, неправительственные организации, сотрудники государственных учреждений. Основная деятельность по продвижению подпрограммы в массы началась с момента принятия постановления Правительства РФ от 28.08.2002 № 638 «О подпрограмме «Обеспечение жильем молодых семей», входящей в состав федеральной целевой программы «Жилище» на 2002–2010 годы».

Основной упор был сделан на рекламу, СМИ, в частности телевидение. Как на федеральных, так и на региональных телеканалах прошли программы, посвященные данной теме. Примером может служить ток-шоу «Доступное жилье и ипотека», снятое для «большого правительства.рф» в 2011 г. [4]. В главном органе, информирующем граждан о государственных решениях, «Российской газете» был опубликован полный текст программы, она же стала основным средством освещения хода реализации программы [5]. Как показала практика, именно PR-деятельность печатных изданий оказалась самой эффективной в случае с данной программой. Те или иные касающиеся ее вопросы периодически обсуждались, например, в «Комсомольской правде». Вот только некоторые из выпусков: «Подходим ли мы под программу «Молодая семья», если наша семья не стоит в очереди на жилье?» (2012 г.), «Можно ли одновременно использовать сертификаты «Молодая семья» и «Материнский капитал» для покупки квартиры?» (2011 г.), что говорит о заинтересованности общества [6].

Благодаря печатным изданиям общество не просто познакомилось с подпрограммой — оно стало ее активным участником, особенно молодежь. Все это было бы невозможно без PR-технологий.

Для того чтобы не вызвать недовольства журналистов или населения, важно отдавать себе отчет как о положительных, так и отрицательных аспектах программы. Предвзятости и предубеждению аудитории может противостоять объективная, основанная на фактах аргументация, что и было сделано. Кроме этого в интернет-пространстве был организован сайт программы, благодаря которому можно получить исчерпывающую информацию. Важно отметить, что PR-деятельность предполагает налаживание обратной связи, с этой целью на сайте имеется рубрика «Вопрос-ответ».

Благодаря PR-деятельности удалось решить три ключевые задачи.

1. *Информирование населения.* Общественность была оповещена о решении государственной власти предпринять усилия по обеспечению жильем молодых семей, о том, какие шаги предполагается предпринять. Результатом информационной кампании стало повышение осведомленности граждан о проблеме и возможных путях ее решения.
2. *Пропагандистская* — изменение восприятия населением существующей проблемы, агитация на действия.
3. *Просветительская* — ознакомление молодых семей с возможностями, которые предоставляет подпрограмма «Обеспечение жильем молодых семей».

Для определения информированности членов молодых семей о подпрограмме «Обеспечение жильем молодых семей» и ее эффективности в 2013—2014 гг. под руководством профессора Т. К. Ростовской было проведено исследование среди студентов очного отделения, выборка составила 100 человек, из них 60 девушек и 40 юношей в возрасте от 18 до 22 лет. 17% опрошенных знают о программе, 78% ответили, что знают, но ею невозможно воспользоваться.

Рисунок позволяет сделать вывод о том, что услугами данной программы пользовались всего 15% респондентов.

Можно сделать вывод, что возможностями, предоставляемыми данной программой, воспользовались всего 15% респондентов. Таким образом, существует проблема недостаточной информированности населения о реализуемой программе. Зачастую молодые семьи даже не подозревают о том, что имеют возможность получить государственную поддержку.

На наш взгляд, необходимо показать населению, насколько данная подпрограмма полезна. Основная часть респондентов узнала о существовании такой программы через знакомых, а не через официальные источники информации. Важно обратить внимание на СМИ, социальные сети (так как большинство молодых семей пользуются интернетом), курсы или тренинги для молодежи, рассказывающие о программе. С другой стороны, многие молодые семьи испытывают трудности, когда хотят стать участниками программы, поскольку находятся в затруднительном финансовом положении.

Для привлечения большего внимания к подпрограмме, на наш взгляд, действенным механизмом является проведение телепередач, в которых получили бы освещение положительные стороны программы. Важно с особой тщательностью подойти к выбору телеканалов (степень охвата аудитории по выбранной теме, направленность на целевую аудиторию, престижность, стоимость размещения материалов). Также необходимо размещать статьи в региональных и муниципальных периодических изданиях, которые отвечали бы тем же требованиям. Не следует забывать и об обучающих и информационных видео-аудио-роликах для распространения в интернете.

Следует, кроме того, подготовить обучающие буклеты, в которых содержались бы следующие сведения:

- общая информация о программе;
- кто может ей воспользоваться;
- эффективность программы;

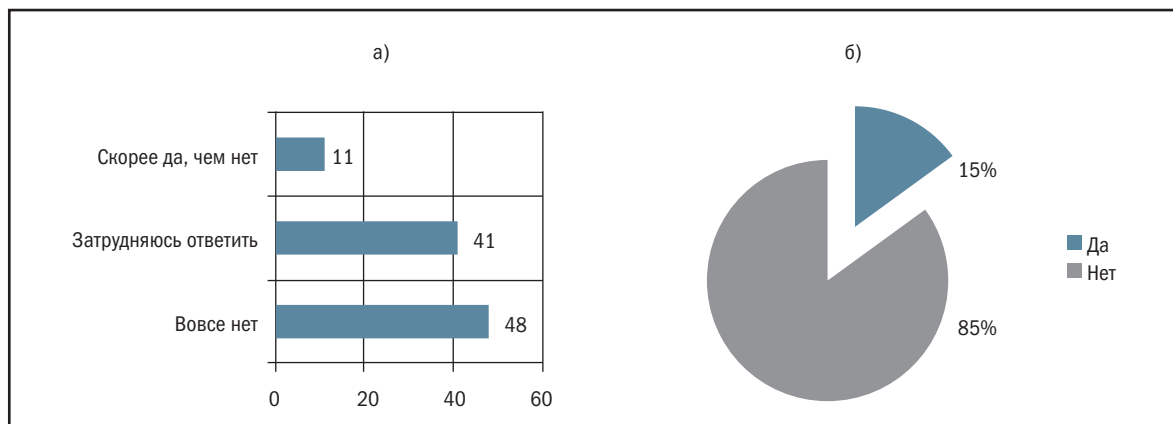

Рис. Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы эту программу действенной?» (а) и «Пользовались ли Вы услугами этой программы?» (б)

- необходимые документы и т. д.

Важно иметь в виду, что PR-технологии позволяют изучать общественное мнение, и это нужно делать своевременно. Иначе федеральная целевая программа может не дать ожидаемого эффекта.

Среди стандартных средств обеспечения взаимосвязи между программой и общественностью, которые обязательно должны быть использованы, следует назвать:

- пресс-релизы,
- пресс-киты,
- интернет-PR,
- тематические материалы в СМИ,
- брошюры, буклеты, информационные бюллетени,
- аудио-, видеоматериалы.

Нужно помнить, что PR — это прежде всего деятельность по внедрению тех или иных инноваций, соответственно необходим набор определенных PR-инструментов и методов для привлечения внимания общественности: использование новых средств массовой информации и новых форм сообщений (сообщений-историй), активная работа в интернете. PR-кампания должна быть масштабной, высококачественной, гибкой и многолинейной. Особое внимание необходимо уделять приемам подачи информации. Чтобы компенсировать негативные новостные факторы, необходимо делать акцент на полезности и преимуществах реализуемой программы, говорить о ее как положительных, так и отрицательных аспектах. Но следует помнить, что информационная перегруженность или чрезмерная детализация сообщений могут препятствовать усвоению информации. Важно не просто реализовывать программу — важно делать это эффективно.

В настоящее время PR-деятельность — неотъемлемая часть функционирования любой организации, она становится своего рода связующим звеном работы в целом. Ключевой схемой для построения PR-технологий продолжает оставаться коммуникационная формула, предложенная Лассуэллом в 1942 г. Суть модели социальной коммуникации Лассуэлла заключается в последовательном ответе на вопросы:

- кто сообщает;
- что сообщает;
- кому сообщает;
- по каким каналам;
- с каким эффектом.

Эффективное планирование в значительной степени обусловливается способностью руководства стратегически мыслить, то есть предвидеть и формулировать параметры желаемого состояния дел в будущем,

определять, какие силы и факторы будут способствовать или препятствовать продвижению вперед, избирать стратегию приближения к поставленной цели.

В нашем случае необходимо наладить качественное информирование молодых семей о механизмах реализации подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей» через проведение различных тематических мероприятий. Открытые пленумы, семинары и круглые столы позволят не просто обсудить важные проблемы, но и выдвинуть полезные предложения по решению существующих проблем, что, безусловно, повлияет на улучшение демографической ситуации в стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. ИВАНЧЕНКО Г. В. **Реальность паблик рилейшнз**. М.: Смысл, 1999.
2. КРИВОНОСОВ А. Д., ФИЛАТОВА О. Г., ШИШКИНА М. А. **Основы теории связей с общественностью**. СПб.: Питер, 2011.
3. **Постановление Правительства РФ от 17.12.2010 № 1050 «О федеральной целевой программе «Жилище» на 2011—2015 годы»** // Собрание законодательства РФ. 31.01.2011, № 5. Ст. 739.
4. **Электронный ресурс**
<http://www.youtube.com/watch?v=5IU3ieBGBkI>
5. **Российская газета. 01.02.2011**. Электронный ресурс: <http://www.rg.ru/2011/02/01/jilische-site-dok.html>
6. **Газета «Комсомольская правда»** // <http://www.kp.ru/daily/25809.4/2788742/>

Информационный анализ видовых изображений объектов городской застройки

Статья рекомендована Б. В. Кристалным 19.11.2014 г.

**НЕМТИНОВ Владимир
Алексеевич**

*Доктор технических наук,
профессор, заведующий
кафедрой «Компьютерно-
интегрированные системы
в машиностроении»
Тамбовского
государственного
технического университета*

**ГОРЕЛОВ Иван
Александрович**

*Аспирант кафедры
«Компьютерно-
интегрированные системы
в машиностроении»
Тамбовского
государственного
технического университета*

**ВОРОБЬЕВА Мария
Олеговна**

*Студентка Тамбовского
государственного
технического университета*

Аннотация

Авторы рассматривают основные виды изображений, применявшиеся на разных исторических этапах при выполнении чертежей больших участков городских застроек. Приводятся аргументы в пользу использования изображений участков больших и малых городов в виде аксонометрических проекций, предпочтение отдается «зенитной изометрии». Большое внимание уделяется первоначальным видовым источникам, подчеркивается их значение с точки зрения информативности, необходимой для последующего перехода к выполнению компьютерных чертежей городских участков. Предлагаемый подход к выполнению видовых изображений иллюстрируется примером поэтапного выполнения изображения центральной части города Тамбова.

Ключевые слова:

**информационный анализ,
видовое изображение,
городская застройка,
строительный план.**

Исторические аспекты развития видового изображения территории городской застройки

В процессе принятия решений о размещении объектов на территории муниципального образования большое значение имеет предварительный анализ ситуации по видовому изображению. В качестве

последнего чаще всего применяют карты, на которых представлен план рассматриваемого участка. Такой подход при принятии решения об изменениях в застройке того или иного участка насчитывает в градостроительной практике сотни и даже тысячи лет, позволяя выявлять все особенности участка застройки и принимать решения о его последующем изменении.

С незапамятных времен человек научился сначала чертить план местности, на которой предполагал произвести застройку, а потом видовое плановое изображение самого объекта застройки. Следующим шагом в этом направлении было совмещение полученных изображений. В результате древние зодчие, а позже те, кого стали называть градостроительщиками, создали видовой документ, который со временем приобрел значение строительного плана. Последующие его разработки и совершенствования привели к появлению генерального плана. Именно этот градостроительный документ,

изготовленный с применением точного масштабирования, играет важнейшую роль при решении вопросов об изменении городской застройки.

Однако в широкой практической деятельности плановые проекции и схемы застройки местности понятны далеко не всем. Чаще всего человек, который не был в достаточной мере обучен пониманию и грамотному чтению чертежей, не может в должной степени разобраться в них. Далеко не всегда помогают и консультации специалистов, поскольку большинство неподготовленных людей не обладают необходимым пространственным воображением, позволяющим перейти от видового планового изображения объекта к его реальному представлению в пространстве.

Значение этой проблемы в последние годы стало заметно возрастать. В постсоветский период в городах и селах Российской Федерации появилось много индивидуальных застройщиков. В основном это люди, которые в силу своей профессиональной деятельности и полученного образования не в состоянии разобраться без помощи специалистов в строительных документах видового характера. В результате архитекторы и строители нередко получают претензии индивидуальных заказчиков уже на стадии строительства. Такие ситуации чаще всего возникают из-за неправильного или неполного понимания заказчиками планировочных документов.

С другой стороны в условиях гласности различные вопросы, связанные с градостроительством, привлекают внимание все большего числа людей. Развитие отдельных микрорайонов, жилых и промышленных зон, городов в целом становится заботой многих горожан. В данном случае в целях информирования граждан ведущую роль играют изобразительные материалы. Среди них наиболее востребованными являются всевозможные макеты, изучение которых не требует навыков абстрагирования и специальных знаний. Однако макеты и модели менее доступны, чем плоскостные изображения, так как их демонстрация возможна только на специально оборудованных площадках. Большим спросом поэтому пользуются напечатанные массовыми тиражами видовые плановые изображения участков существующих городских застроек или проектов, предлагаемых к реализации. То есть мы вновь возвращаемся к проблеме понимания неспециалистами информационных материалов видового характера в виде планов, карт и схем.

Известны многочисленные попытки решить эту проблему. В отечественной практике еще в начале XVII века применялись чертежи с плановыми проекциями Москвы, которые больше напоминали рисунки, поскольку выполнялись без применения чертежных инструментов. На них древние зодчие стремились с помощью разнообразных изобразительных приемов обогатить план, придать ему большую наглядность. Примером может служить «годуновский» план Москвы, или «Петров чертеж» (рис. 1), который охватывает территорию Москвы в пределах нынешнего Садового кольца [1]. Эти чертежи больше напоминают не горизонтальные проекции, применяемые для построения планов, а некое подобие изометрических изображений. Город изображается как бы с высоты птичьего полета, используются приемы не только плановых проекций, кроме них на плане выполнены видовые изображения практически каждого элемента городской застройки. Каждый городской объект можно рассмотреть, поскольку дается его фасадное изображение. Такой

Рис. 1. Фрагмент «Петрова чертежа»

способ представления плана большого участка застройки позволял любому горожанину опознавать знакомые ему объекты и их местоположение на территории города.

Методика выполнения изображений городов и отдельных муниципальных образований внутри них, заложенная в приведенных примерах, к середине XVIII века привела к созданию первых видовых документов, которые стали использоваться в магистратах и мэриях европейских городов. На них представлялись не только планы и фасадно-видовые изображения всех объектов застройки рассматриваемого участка, но и наносились названия улиц, проездов, площадей. Во многих таких документах рядом с фасадным изображением здания приводилась фамилия владельца, лиц, проживающих вместе с ним, в некоторых случаях указывался налог, который владелец обязан был вносить в городскую казну. Подобные документы содержали значительную информацию об участке городской застройки и были востребованы не только в целях ориентации на местности. Можно предположить, что именно эти видовые документы послужили основой для создания в дальнейшем такого направления в градостроительной деятельности, как кадастровая служба.

На наш взгляд, наглядные изображения на основе плановых проекций больших участков застройки не утратили своей актуальности и в наши дни. Такой способ представления визуальной информации позволяет в значительной степени разрешить проблему непонимания и неумения многими людьми правильно читать чертежи планов участков городских территорий. Нельзя отрицать и тот факт, что наглядное изображение проекций городской застройки содержит информацию, полезную не только для широкого круга заинтересованных лиц, но и для специалистов. Ведь трехмерное изображение объектов, расположенных на планах кварталов и микрорайонов, а в некоторых случаях и всего города, дает возможность правильно оценить пространственную ситуацию, а следовательно, и найти верный подход к решению задач композиционного моделирования городской застройки.

Компьютерные технологии при создании видовых изображений городской застройки

Сегодня способы наглядного представления отдельных городских кварталов и районов, как правило, основаны на таких известных графических приемах, как построение чертежей в аксонометрическом и перспективном изображениях. Однако эти способы сложны и трудоемки в случаях их использования в традиционном «карандашном» варианте. Преодолеть это препятствие во многом позволяют современные компьютерные технологии. Широко известная в проектировании зданий и сооружений система «Archicad» ориентирована на использование аксонометрических изображений по предварительным плановым проекциям. Однако при всех достоинствах этой программы она не является оптимальной при подготовке чертежей больших участков застроек, поскольку предназначена главным образом для разработки индивидуальных строительных объектов.

Тем не менее современные компьютерные технологии предлагают способы исполнения видовых изображений больших участков городской застройки. Для этого используется такой класс программного обеспечения, как геоинформационные системы (ГИС). Эти системы обеспечивают хранение и отображение в графической форме объектов, расположенных на местности. Большинство современных ГИС снабжены аппаратом трехмерного моделирования. С их помощью можно выявить и детально рассмотреть все основные черты и особенности взаимодействия и взаимосвязей отдельных объектов города.

Однако для успешного использования ГИС, например введения необходимой видовой информации через ее цифровое кодирование, нужно, чтобы эта информация была представлена в виде первичного источника визуальных данных, т. е. необходим чертеж плановой проекции городской застройки. В случаях, когда речь идет об изменениях существующих участков застройки, можно воспользоваться базой данных, ранее внесенных в программу, но при проектировании новых участков застройки таких данных нет. Кроме традиционного «карандашного» способа выполнения первоначального видового источника иных вариантов в настоящее время нет. Первоначальный «карандашный» видовой источник требуется не только на этапе ввода информации в компьютерную программу, он будет в дальнейшем сопровождать все последующие операции, проводящиеся в автоматическом режиме, являясь для проектировщика своеобразной контрольной точкой сравнения, по которой он может поэтапно сверять полученные результаты.

Следовательно, любую работу по автоматизации выполнения видовых изображений в градостроительных разработках необходимо начинать с подготовки чертежа рассматриваемого участка, выполненного традиционным «карандашным» способом с применением чертежных инструментов. Конечно, этой работой должны заниматься специалисты-проектировщики. Здесь в очередной раз возникает вопрос о том, как в оптимальном варианте подготовить первоначальный видовой источник (чертеж) большой территории городской застройки. Однозначный ответ на него возможен только после определения конкретного назначения видового источника.

В том случае, когда речь идет о разработке или реконструкции большого участка городской застройки, мы предлагаем использовать первоначальный видовой источник, выполненный в горизонтальной косоугольной изометрической проекции. Теоретические обоснования такого подхода изложены в некоторых учебниках по курсу начертательной геометрии и архитектурно-строительного черчения [2]. В рамках предварительных исследований мы на основе теоретических положений сформулировали конкретные рекомендации по применению этого способа. В частности, такие работы были проведены для больших городских участков Тамбова.

С целью получения наилучшего варианта видового изображения необходимо подготовить чертеж плана выбранного участка застройки и повернуть его на такой угол, который в последующем при выполнении аксонометрии позволит наилучшим образом представить все объекты, расположенные на этом участке. Здесь возможны различные подходы в зависимости от того, что принимается в качестве основного параметра оптимизации изображения.

Мы считаем, что главное в данном случае — стремление показать на аксонометрическом изображении как можно большую площадь фасадов всевозможных объектов, расположенных на рассматриваемой территории. Несомненно, изображение фасадов градостроительных объектов на аксонометрическом источнике позволит любому человеку, изучающему чертеж, получить оптимальное видовое представление характера и особенностей разрабатываемого участка застройки.

Однако до настоящего времени такой подход не нашел должного применения в проектной деятельности. В частности, при решении градостроительных вопросов в городе Тамбове для проведения системного анализа и других видов проектных разработок применяют обычные чертежи плановых горизонтальных проекций. Такая постановка дела не позволяет привлекать широкую общественность к обсуждению проблем городского строительства и развития города. Это остается уделом исключительно специалистов-проектировщиков.

Несмотря на явный недостаток внимания к этому способу, использование горизонтальной косоугольной изометрической проекции (часто ее называют зенитной изометрией) нашло применение в печатных средствах массовой информации. Например, в Тамбове несколько лет назад были изданы справочники-путеводители по городу, в которых используется иллюстрационный чертежный материал, выполненный в зенитной изометрии [3]. В настоящее время подготовлена полная карта территории города в административных границах 2003 г., на которой все градостроительные объекты (жилые многоэтажные дома, производственные строения и пр., за исключением частного сектора) вычерчены в зенитной изометрии. На рисунке 2 представлен стандартный вариант (плановый чертеж) участка городской застройки в центральной части города Тамбова, а на рисунке 3 — тот же участок в зенитной изометрии. Оба чертежа взяты из разработок авторов вышеупомянутого справочника-путеводителя по Тамбову. Большая информативность второго варианта очевидна.

Используя современные программные средства, можно достичь уровня видового изображения участка городской застройки, максимально приближенного к реальности. В этом случае создается реалистичная виртуальная модель территории города.

Опираясь на результаты, приведенные в работах [4–12], мы предлагаем следующую технологию создания такой модели:

- первый этап — на основе «карандашного» чертежа (рис. 4) создается объемный каркас модели с учетом высоты зданий;
- второй этап — основные профили конструкций заполняются плоскостями, образуя отдельные блоки;
- третий этап — объекты «обтягиваются» текстурами в зависимости от их предназначения.

Использование такой модели территории городской застройки при размещении новых объектов различного назначения позволит решать все необходимые метрические и позиционные задачи, связанные с организацией

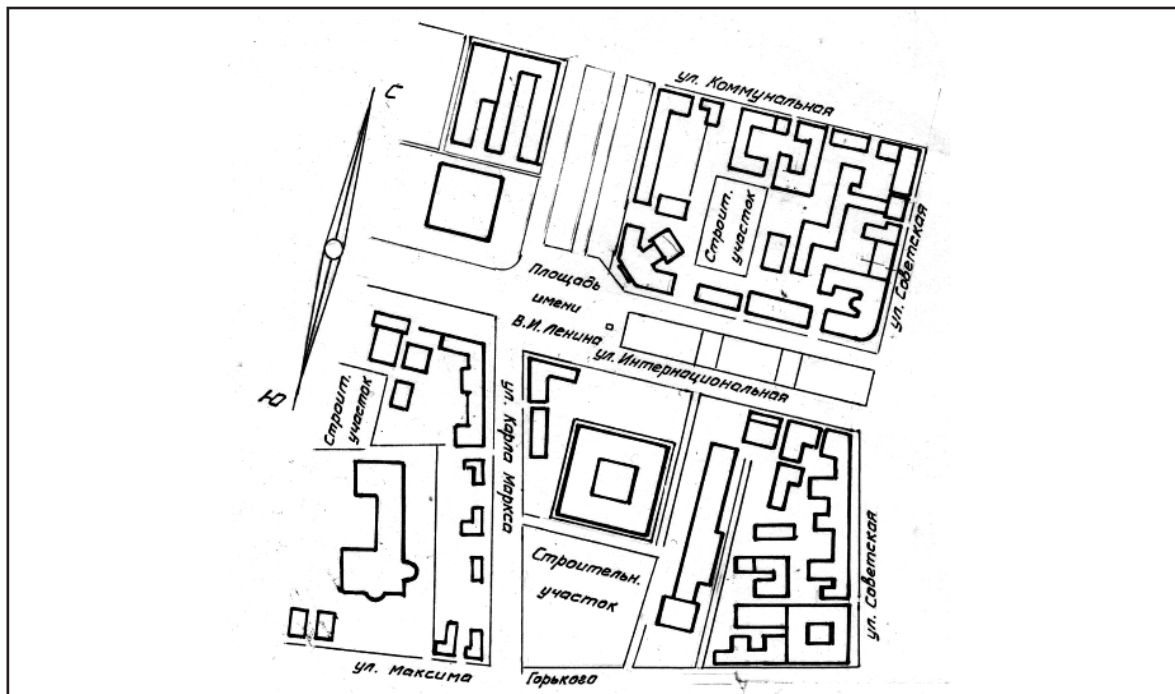

Рис. 2. Плановый чертеж участка

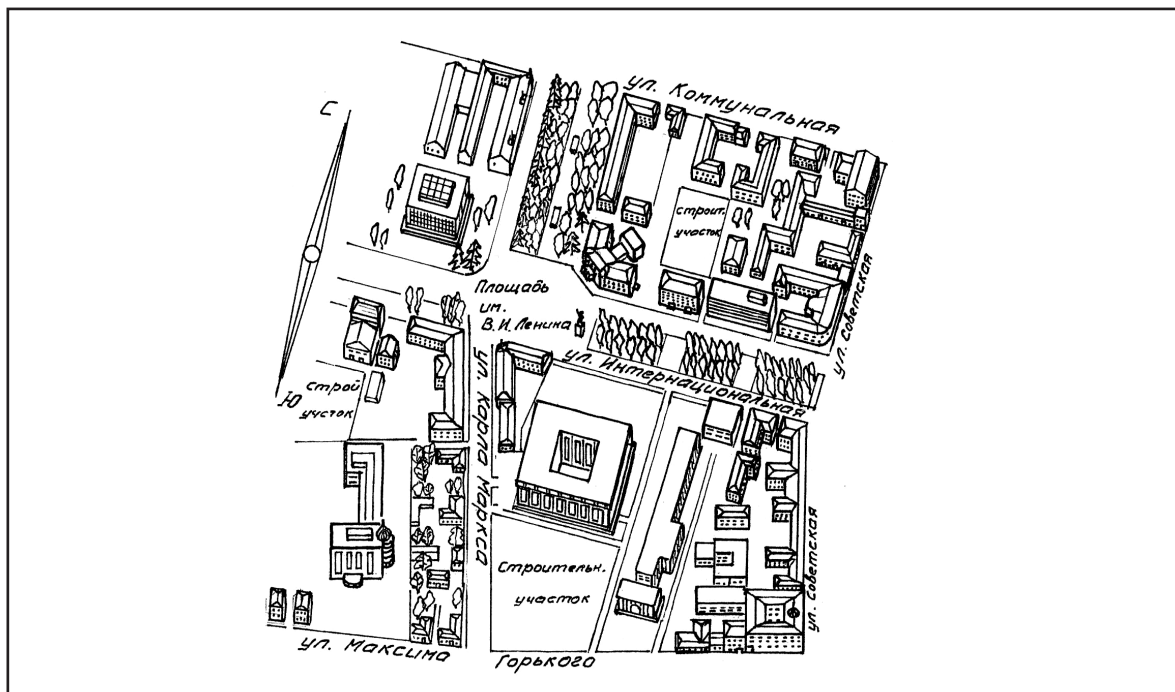

Рис. 3. Тот же участок городской застройки, выполненный в зенитной изометрии

городского пространства. Однако эти вопросы предпочтительнее рассматривать на предварительной стадии разработки «карандашного» варианта, поскольку окончательный вариант виртуальной модели в большей мере соответствует привычному для человека перспективному изображению. В то же время именно заключительный вариант создания виртуальной модели (см. рис. 4) позволяет находить правильные решения на завершающих этапах проектирования градостроительного объекта. К ним следует отнести детальную проработку антуража, элементы второго плана, общий характер светотени.

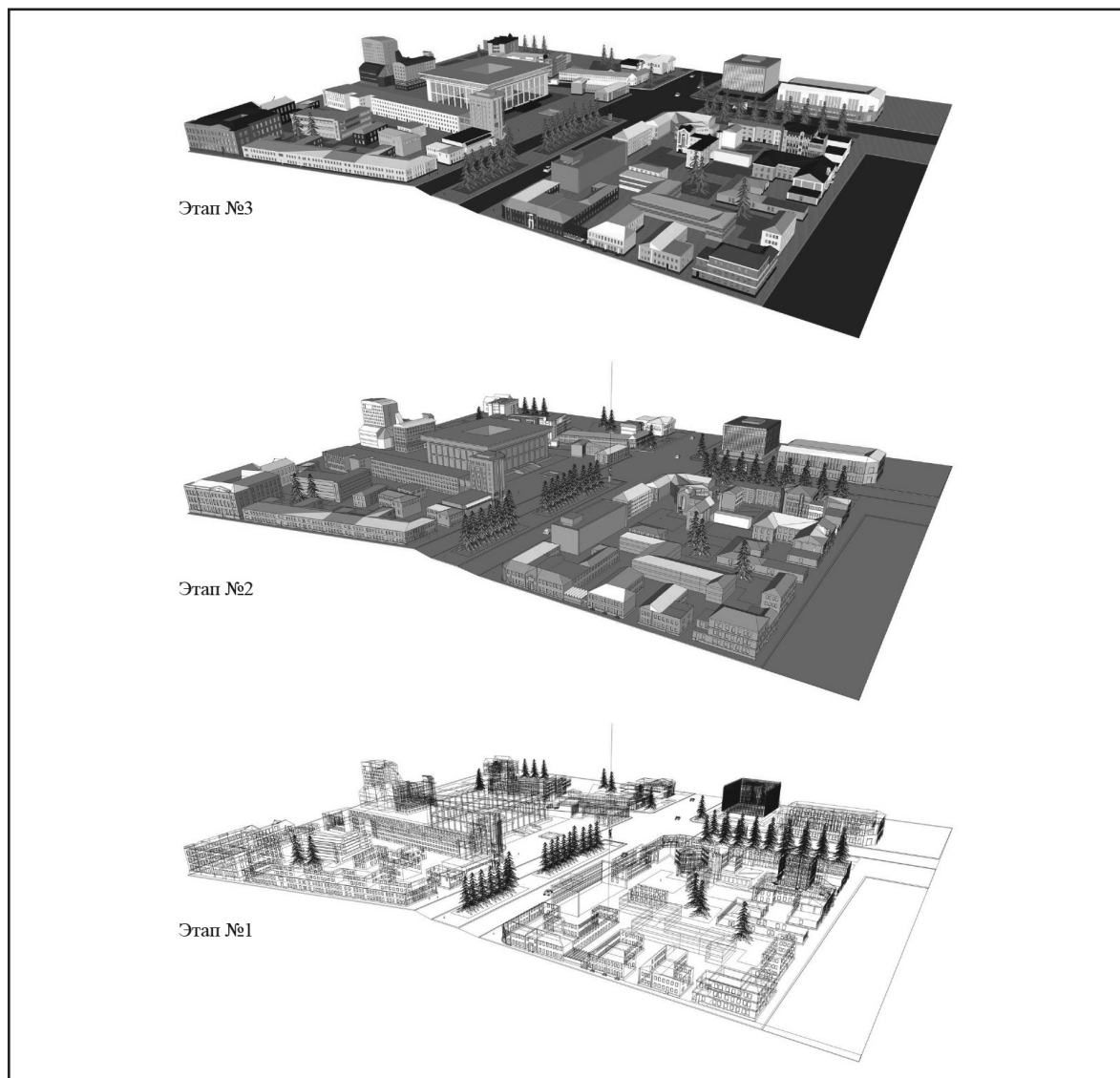

Рис. 4. Визуализация этапов технологии создания виртуальной модели территории городской застройки

Как показывает наш опыт, предложенный подход к выбору путей создания первоначального видового источника с применением свойств и возможностей косоугольной изометрической проекции предпочтителен по сравнению с другими методами. За счет применения зенитной изометрии видовой источник оказывается значительно более информативным, поэтому облегчается переход к автоматизированию видовой информации, необходимой для решения градостроительных задач. По сути дела, на всех стадиях разработки виртуальной модели последовательно отражаются стадии проектирования градостроительного объекта. При этом графические видовые изображения на отдельных стадиях создания виртуальной модели выступают в качестве основного аппарата решения соответствующих этим стадиям задач проектного характера. Очевидно, что предлагаемый подход должен опираться на применение всех современных средств компьютерных технологий.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФН в рамках проекта создания информационных систем «Виртуальный музей истории градостроительства центральной части города Тамбова», проект № 15-01-12012.

ЛИТЕРАТУРА

1. МОЛЕВА Н. М. **Москва — столица.** М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
2. КУЗНЕЦОВ Н. С. **Начертательная геометрия: Учебник для вузов.** М.: Высшая школа, 1981.
3. ГОРЕЛОВ А. А. **Тамбов. Справочник-путеводитель (западная часть).** Тамбов, 2011.
4. НЕМТИНОВ В. А., ГОРЕЛОВ А. А., ОСТРОЖКОВ П. А. **Информационные технологии при создании пространственно-временных моделей объектов культурно-исторического наследия.** Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013.
5. НЕМТИНОВ В. А., МАНАЕНКОВ А. М., МОРОЗОВ В. В., НЕМТИНОВ К. В. **Технология создания пространственных моделей территориально распределенных объектов с использованием геоинформационных систем** // Информационные технологии. 2008. № 8. С. 23—25.
6. НЕМТИНОВ В. А., ГОРЕЛОВ А. А., ОСТРОЖКОВ П. А. И ДР. **Пространственно-временная модель объекта культурно-исторического наследия** // Информационные технологии. 2010. № 7. С. 36—39.
7. НЕМТИНОВ В. А., ГОРЕЛОВ А. А. **Методологические основы ретроспективного анализа объектов исторического и культурного наследия с использованием информационных технологий** // Клио. 2008. № 1. С. 3—8.
8. НЕМТИНОВ В. А., ГОРЕЛОВ А. А. **Моделирование объектов культурно-исторического наследия — основа клиометрических исследований** // Клио. 2010. № 4. С. 3—7.
9. НЕМТИНОВ В. А., ГОРЕЛОВ А. А., НЕМТИНОВ К. В. И ДР. **Информационный анализ объектов культурного наследия с использованием ГИС-технологий** // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2005. Т. 11. № 4. С. 1001—1012.
10. НЕМТИНОВ В. А., МОРОЗОВ В. В., МАНАЕНКОВ А. М. **Виртуальное моделирование объектов культурно-исторического наследия с использованием ГИС-технологий** // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2011. Т. 17. № 3. С. 709—714.
11. НЕМТИНОВ В. А., ГОРЕЛОВ А. А., НЕМТИНОВА Ю. В., ОСТРОЖКОВ П. А. **Ретроспективный анализ городского участка исторической застройки с целью построения его пространственно-временной модели на примере соборной площади г. Тамбова** // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. 2011. № 4. С. 41—46.
12. ГОРЕЛОВ И. А., НЕМТИНОВ В. А. **Компьютерные технологии при решении вопросов развития территорий городских муниципальных образований** // Информационное общество. 2014. № 1. С. 49—54.

В Самаре прошел XX Всероссийский библиотечный конгресс РБА

В рамках юбилейного конгресса Российской библиотечной ассоциации, который проходил в Самаре с 18 по 21 мая 2015 г., ведущие библиотеки и компании, предлагающие решения для библиотек, обсудили вопросы сохранности библиотечных фондов и организации качественной работы с читателем посредством использования современных радиочастотных технологий.

Сегодня библиотечные учреждения стараются идти в ногу со временем и максимально использовать в своей работе современные технологии. Это касается как автоматизации библиотечных процессов и управления документацией при помощи специализированного оборудования и программного обеспечения, так и выработки новых подходов к пожарной безопасности книжного фонда.

В рамках секции конгресса по автоматизации, форматам и каталогизации компания «3М Россия» выступила отраслевым экспертом в области стандартизации библиотечного дела и записи данных при создании каталога для оптимизации библиотечных процессов, в том числе на основе радиочастотной (RFID) технологии. Знание и соблюдение библиотечных стандартов позволяет повышать скорость выдачи литературы, регистрации и обработки новых поступлений и повышать эффективность обслуживания читателей.

В этом году на конгрессе особое внимание было уделено проблеме аварийных ситуаций. В рамках секции по формированию и сохранности библиотечных фондов состоялись специальные заседания и семинары, посвященные теме «Аварийные ситуации в библиотеках, готовность к ним, ликвидация последствий». Ярославская областная библиотека им. Н. А. Некрасова поделилась с участниками секции собственным опытом установки в учреждении новейшей автоматической системы пожаротушения на основе агента нового поколения Новек® 1230. Директор библиотеки особенно отметила аккуратность проведения установки системы и ее компактность, что является очень важным критерием для библиотек, которые зачастую являются памятниками истории и находятся под охраной государства или международных организаций.

21 мая состоялась церемония подведения итогов II Всероссийского конкурса «Оптимизация деятельности библиотеки на основе новых технологий», организованного Российской библиотечной ассоциацией и компанией «3М Россия» в марте 2015 г.

Номинанты представили на суд жюри конкурсные работы, в которых подробно описали внедренные или планируемые к внедрению новшества в сфере оптимизации деятельности библиотеки

и улучшения качества обслуживания читателей за счет применения передовых методов радиочастотной (RFID) идентификации.

Отбор победителей проводился в двух номинациях: «Свершения» и «Мечты».

Победителем номинации «Мечты» стала Мурманская государственная областная универсальная научная библиотека с проектом «Открытый абонемент – абонемент мечты». Призом за победу стал сертификат от «ЗМ Россия» на RFID-оборудование компании – рабочую станцию библиотекаря и 12 000 библиотечных меток, а от партнера компании «Дит-М» – сертификат на модуль АБИС ОПАС RFID Bridge (1 рабочее место).

Лучшей в номинации «Свершения» была признана Архангельская областная научная библиотека ордена «Знак Почета» им. Н. А. Добролюбова с проектом «Внедрение технологии радиочастотной идентификации в деятельность библиотеки: этапы верного пути». В качестве приза библиотека получила сертификат от «ЗМ Россия» на RFID-оборудование компании – рабочую станцию библиотекаря, мобильный терминал сбора данных, 12 000 библиотечных меток, а также модуль АБИС ИРБИС АРМ RFID «Конверсия» (1 рабочее место) от партнера компании.

Помимо основных наград, партнеры компании «ЗМ Россия» – ООО «Т-Гардарика» и ООО «Ардокс» вручили поощрительные сертификаты библиотекам: Муниципальной библиотечной системе г. Твери «Центральной городской библиотеке им. А. И. Герцена», Ульяновской областной библиотеке для детей и юношества им. С. Т. Аксакова, Дальневосточной государственной научной библиотеке, Пензенской областной библиотеке, Научной библиотеке Пермского государственного национального исследовательского университета.

Специальными призами за инициативу, волю к победе и социальную значимость проекта были награждены библиотеки: Централизованная библиотечная система Сормовского района г. Нижнего Новгорода, Муниципальное бюджетное учреждение культуры городского округа Тольятти «Библиотека Автограда», Государственное учреждение культуры Тульской области «Тульская областная специальная библиотека для слепых».

«Мы рады, что второй Всероссийский конкурс «Оптимизация деятельности библиотеки на основе новых технологий» интересен библиотекам от Калининграда до Владивостока. РБА и компания «ЗМ Россия» будут и в дальнейшем организовывать новые конкурсы, которые будут помогать библиотекам уверенно идти в ногу со временем, приносить ценнейший вклад в развитие и поддержание высокого культурного потенциала граждан Российской Федерации. Призываем библиотеки участвовать в нашем конкурсе и в следующем году», – сказал в заключение директор департамента решений для библиотек компании ЗМ Россия Андрей Иванов.

Abstracts

Luci ABRAHAMS

Director LINK Centre,
University of the Witwatersrand,
Johannesburg, South Africa

E-Transformation: Evolutionary Challenges to Render South Africa a Digital Society

The article on the background of the extensive statistical information shows the process of development of information society in South Africa. A marked differentiation of the population in terms of access to information and communication technology in general and the Internet in particular, due to sharp differences in income and the high cost of digital services. Attention is drawn to the lack of definition of public policies in this area.

KEY WORDS

Digital society, innovative economy, electronic communications, e-infrastructure, Internet services, mobile communications.

BAEVA Ludmila Vladimirovna

Doctor of Philosophy, Professor,
Dean of the Faculty of Social
Communications, Head of
the Philosophy Department,
Astrakhan State University

Research Megatrends in the Information Society and Socio-Cultural and Safety Issues

The article presents an analysis of megatrends (the most promising fronts) in research programs in areas such as health and the uniqueness of life, new educational technologies, quality of life, e-culture and cultural security. Based on the analysis of statistical data on the development of information society in Russia the most significant challenges of the man and the society in terms of development of high technologies are characterized and the perspectives of possible studies in these areas are defined. This review can be used as an analytical material for the further development of issues in the field of social and humanitarian aspects of the high technology development in order to form a topic for future research.

KEY WORDS

Megatrends, information society, social and cultural security, quality of life, e-culture.

Nagy HANNA

Strategic Advisor, Visiting
Professor at University of
the Witwatersrand (Wits
University), South Africa

Transforming to a Networked Society A Guide for Policy Makers

The article analyses goals, objectives and functions of government in the process of e-transformation and the formation of the networked society. The author pays attention to the painful process of implementing a new social paradigm; recommendations are formulated to overcome the barriers.

KEY WORDS

Electronic (digital) transformation, network structure, innovation, digital technology, government.

KOBLOVA Yuliya
Aleksandrovna

Candidate of Economic Sciences,
Deputy Head of the Department
of Institutional Economics,
Saratov Socio-Economic
Institute (subsidiary), Plekhanov
Russian University of Economics

Evolution of Mental Models in the Network Information Society

The article researches general vector of informal institution transformations in the Internet era. While integrating in different social practices, Internet communications are shown to be able to change the shaped mental models. The author identifies tendencies of informal institutions' evolution in the context of information society and economy.

KEY WORDS

Informal institutions, mental models, ICT, network information economy, the Internet.

MANZHULA Oleg
Vladimirovich

Deputy Head of Directorate of Organization of Censuses and Solid Statistical Surveys, Federal State Statistics Service

Developing Recommendations on Using the National Population Census Data Based on the Open Government Concept

The article considers key tasks of implementing principles of open and available data when conducting the National Population Census and distributing its results. The author has defined open state resource of statistics that is a set of shaped unified methodical, organizational principles and technology concepts of information databases.

KEY WORDS

National Population Census, technology, open data, monitoring, enhanced efficiency, information and communications technologies, open state resource of statistics.

LYSAK Irina Vitalyevna

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Southern Federal University, Member of the Russian Philosophical Society

Modern Society as a Networking Society

The article analyses basic approaches to modern society as a networking society. Networking structure is considered as a decentralized set of interrelated nodes that is able to extend through including new nodes, thus attaching flexibility and dynamic properties to the network. In society, such "node" is a social entity that is able to process, accumulate and produce new information. With distribution of networking structures and networking logic in place, we can talk of currently shaping networking culture that has asynchronous, non-linear features, semantic and axiological pluralism, domination of publicity.

KEY WORDS

Networking structures, social media, rhizome, networking society, networking culture.

KOSENCHUK Ludmila
Fedorovna

Head of Laboratory, Chair of Philosophy, Engineering Technology Academy, Southern Federal University

VERSHINSKAYA Olga
Nikolaevna

Doctor of Economics, Head of the Laboratory of Social Problems of Information Society Development, Institute of Social and Economic Studies of Population, Russian Academy of Sciences

Writing and Reading on Paper and on Screen

The article presents preliminary results of research studying students' preferences of reading and writing on paper or with digital media. The author concludes that for the most part young people clearly differentiate spheres of using traditional and new media.

KEY WORDS

Interpersonal communication, media, virtual environment, social transformations, the Internet.

EFIMOV Alexey Borisovich

Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor of the Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation

Regional Informatization: Powers Allocation Optimization

Infrastructure projects are an important part of municipal reform allowing increase manifold the efficiency of local governments. Such projects include the development of information systems on regional and municipal levels. Comprehensive analysis of the federal, regional and municipal legal framework regulating the activities of local authorities in the field of informatization indicates the need to achieve balance in the allocation of powers in the field of informatization on municipal level. The article proves the possibility and reasonability of the transfer of some powers in this area from the municipal level to the level of region of the Russian Federation.

KEY WORDS

Informatization, public authority, local authority, powers, optimization, the region of the Russian Federation, the examination.

RAIKOV Aleksander
Nikolaevich

Doctor of Technical Sciences, Professor, Leading Researcher of the Institute of Control Sciences of Russian Academy of Sciences, Laureate of the Russian Government Award in the field of Science and Technology, Director General of "Agency of New Strategies" Ltd.

SHUBENKOVA Aleksandra
Yuryevna

Candidate of Political Sciences, Junior Researcher of the Laboratory of Political Studies of High School of Economy

ILYIN Aleksey Nikolaevich
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Chair of Applied Psychology, Omsk State Pedagogical University

Information Society and the Phenomenon of Sliding Consumerism

Today's world is often called information-focused, but it can be equally referred to as pseudo informational, since it gives rise to increasing flows of both information and disinformation. Information redundancy reduces the reflection level as a person is not able to process huge volumes of information. As a result, the phenomenon of information consumerism (sliding consumerism) comes to the forefront – non-reflexive, superficial, with no criteria of differentiating between truth and myth.

KEY WORDS
Hyper informatization, pseudo information, information consumption (consumerism).

CHERNENKO Elena Aleksandrovna
Candidate of Technical Sciences, Assistant Professor, Chair of the Electric Power Engineering (Section of Applied Information Science), Khakass Technical Institute (subsidiary of the Siberian Federal University)

3D Graphic Reconstruction and Visualization of an Archeological Monument

The article considers importance of presenting graphic historical archeological information. Reconstruction and visualization of heritage sites shapes new information space. The results of 3D simulation allow to get an idea of archeological sites that existed earlier but now are fully or partially destroyed. The author considers site reconstruction methods, and presents the simulation results.

KEY WORDS
Graphical information, information society culture, computer graphics, 3D model, visualization.

LUTSENKO Ekaterina Sergeevna
Candidate of Jurisprudence, Senior Lecturer, Rostov State University of Railways

Developing the Legislation on Official E-Publication of Regulations of the Constituent Entities of the Russian Federation

The article analyzes modern trends in using ICT to publish official legal information. The authors note enhanced availability of such information in such environment, as well as the need to unify sources of legal information used by different constituent entities of the Russian Federation.

KEY WORDS
Regulations, official publications of the regulations, methods of distributing legal information, e-publishing.

SKLIFUS Stanislav Vitalievich
Candidate of Jurisprudence, Assistant Professor, Rostov State University of Railways

NAZAROV Mikhail Mikhailovich
Head of Department of Marketing Communications, Professor of the National Research University, Higher School of Economics

On the Issue of Fragmenting the Modern Media Landscape: Theory and Empirical Results

The author focuses on the phenomenon of media space fragmentation. Technology-related and social / economic pre-conditions are discussed, fragmentation consequences are considered in terms of perspectives of shaping new cultural / information environment. Interpretation of modern trends of media fragmentation in Russia based on empirical data analysis is offered. The author substantiates his opinion that theoretical ideas of fragmentation resulting in small closed audience groups are likely to be exaggerated. The idea of mass and niche media mutually complementing each other is the most realistic in short and mid-term.

KEY WORDS
Media fragmentation, audience, going digital, media landscape transformation, television, the Internet.

**ROSTOVSKAYA Tamara
Kerimovna**

*Professor, Doctor of Sociological
Sciences, Professor of the
Department of Sociology and
Organization of Work with
Youth, Sholokhov Moscow State
University for the Humanities*

KIPSHARA Tatiana Andreevna

*Master's Degree Student,
Sholokhov Moscow State
University for the Humanities*

**NEMTINOV Vladimir
Alekseevich**

*Doctor of Technical Sciences,
Professor Head of Chair of
Computer-Integrated Systems
in Mechanical Engineering,
Tambov State Technical
University*

GORELOV Ivan Aleksandrovich

*Graduate Student, Chair of
Computer-Integrated Systems
in Mechanical Engineering,
Tambov State Technical
University*

VOROBYOVA Maria Olegovna

*Student, Tambov State
Technical University*

PR Technologies as a Tool of Efficiently Promoting Youth State Programmes

*The article considers different kinds of mass
communications and their impact on shaping young adults
and young families.*

*The authors also single out main functions of mass
media in the context of their impact on young people and
provide recommendations for shaping positively oriented,
patriotic young-adult environment that would assist to
strengthening the family as social institute based on Russian
cultural traditions and moral and spiritual values.*

KEY WORDS

State programmes for young
adults, family institution,
cultural traditions, moral
and spiritual values.

Information Analysis of View Images of Urban Development

*Authors consider main kinds of images used in
different historical stages of drawing large plots of urban
developments. They provide arguments in favour of images
of cities and towns' areas in the form of axonometric
projections, with "zenith isometry" preferred. A lot of
attention is paid to primary view sources, and their
importance is emphasized in terms of information content
required to later come over to CAD drawings of urban areas.
The suggested approach to view images is illustrated with the
example of stepwise drawing of Tambov's central part.*

KEY WORDS

Information analysis, view
image, urban planning,
construction programme.

Наши авторы

Люси АБРАХАМС
(Luci AVRAHAMMS)

Директор Центра LINK университета Витватерсранд (Йоханнесбург, ЮАР)

luciennessa@gmail.com

Имеет широкий спектр научных интересов, включая исследование того, как общество и его институты, а также сектора экономики меняются посредством внедрения ИКТ и новых средств массовой информации. Она пишет и публикуется на тему электронного развития, электронного правительства, политики в области ИКТ, инновационных систем. Центр LINK проводит исследования в области политики ИКТ и регулирования, экономики знаний, электронного развития и новых средств массовой информации. Центр регулярно проводит исследования для политиков (на региональном и местном уровне), государственных регулирующих органов и других заинтересованных сторон в Южной Африке.

БАЕВА Людмила Владимировна

Доктор философских наук, профессор, декан факультета социальных коммуникаций, заведующая кафедрой философии Астраханского государственного университета

baevaludmila@mail.ru

Специалист в области аксиологии, философской антропологии, изучения проблем информационного общества. Ученый секретарь Астраханского отделения Философского общества РФ, член редколлегии международного журнала «Sociologica lucas: Journal of social anthropology, social demography & social psychology» (Черногория), член редколлегии журнала «Каспийский регион: экономика, политика, культура», член редколлегии журнала «Вестник Северного (Арктического) федерального университета». Докторская диссертация «Экзистенциальная природа ценностей» была защищена в 2004 году. Автор 200 публикаций, в том числе 6 монографий, учебных пособий по философии, в том числе по проблемам философии информационного общества, философии и методологии науки, философии ценностей. Эксперт РИНКЦЭ, Аналитического центра при Правительстве РФ по социогуманитарным проблемам. Участник Всемирных философских конгрессов в Стамбуле и Сеуле, Афинах, четырех Российских философских конгрессов. В качестве приглашённого профессора Л. В. Баева читала лекции по «Философии науки», «Истории философии», «Философии ценностей» в МГТУ им. Баумана, Хайнаньском университете (Китай), Южно-Казахстанском государственном университете им. М. Ауэзова (г. Шымкент, Казахстан).

ВЕРШИНСКАЯ
Ольга Николаевна

Доктор экономических наук, заведующая лабораторией социальных проблем развития информационного общества Института социально-экономических проблем народонаселения РАН

olga.vershinskaya@iis.ru

Окончила отделение структурной лингвистики филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Основные места работы: ЦЭМИ РАН и ИСЭПН РАН. В 1995 г. защитила докторскую диссертацию на тему «Социальные предпосылки и последствия информатизации». Автор 150 научных публикаций.

ВОРОБЬЕВА
Мария Олеговна

Студентка 4 курса Института архитектуры, строительства и транспорта Тамбовского государственного технического университета
Победитель Всероссийского конкурса «Педагогический дебют-2015» в номинации «Молодые учителя».

- ГОРЕЛОВ Иван Александрович** *Аспирант кафедры «Автоматизированное проектирование технологического оборудования» Тамбовского государственного технического университета* gorelovivan@mail.ru
В 2013 г. окончил с отличием магистратуру Тамбовского государственного технического университета. За достижения в учебе присуждена стипендия Правительства РФ. Сфера научных интересов: математическое моделирование, программирование, автоматизированные компьютерные системы.
- ЕФИМОВ Алексей Борисович** *Кандидат физико-математических наук, доцент Российской правовой академии Минюста России* efimov_raj@mail.ru
Окончил Физический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Специалист по вопросам нормативного правового обеспечения управления недвижимостью, созданию экспертно-аналитических систем.
- КИПШАРА Татьяна Андреевна** *Магистр Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова* t.kipshara@gmail.com
Окончила магистратуру Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова в 2014 году. Область научных интересов: социология семьи, молодежная политика, PR технологии.
- КОБЛОВА Юлия Александровна** *Кандидат экономических наук, заместитель заведующего кафедрой институциональной экономики Саратовского социально-экономического института (филиал)* sovcova_yulia@rambler.ru
В 2000 г. с отличием окончила Саратовский государственный социально-экономический университет по специальности «Экономическая теория». В 2003 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Институт интеллектуальной собственности в условиях рынка». В настоящее время докторант кафедры институциональной экономики Саратовского социально-экономического института РЭУ им. Г. В. Плеханова по учебной работе. Автор более 60 научных публикаций, в том числе 2 индивидуальных и 7 коллективных монографий. Награждена дипломом конкурса «Лучший автор издательства РЭУ им. Г. В. Плеханова 2012/2013 учебного года» в номинации «Перспективный молодой ученый».
- ЛУЦЕНКО Екатерина Сергеевна** *Кандидат юридических наук, доцент кафедры «Теория государства и права» Ростовского государственного университета путей сообщения* ekaluts@gmail.com
В 2002 г. окончила юридический факультет Ростовского государственного университета. В 2013 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Систематизация нормативных правовых актов субъектов РФ». Научные интересы: источники права, систематизация законодательства, правовая информатизация.
- МАНЖУЛА Олег Владимирович** *Заместитель начальника Управления информационных ресурсов и технологий Росстата* Manzhula@gks.ru
В 1989 г. окончил факультет систем управления летательных аппаратов Серпуховского высшего военного командно-инженерного училища Ракетных войск им. Ленинского комсомола. В 2000 г. прошел переподготовку в Военной академии РВСН им. Петра Великого по программе «Применение ИВМ-совместимых ПЭВМ и их программное обеспечение, обеспечение безопасности информации вычислительных систем». Область научных интересов: информационные технологии, автоматизированные информационные системы, экономические проблемы информационного общества, стратегическое управление.

НАЗАРОВ Михаил Михайлович

Доктор политических наук, заведующий кафедрой «Маркетинговые коммуникации», профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН
Специалист в области социологии массовых коммуникаций, маркетинговых коммуникаций, политической социологии. Автор более 100 научных публикаций, в том числе монографий: «Массовая коммуникация и общество: введение в теорию и исследования» (2004); «Визуальные образы в социальной и маркетинговой коммуникации» (2009); «Измерения аудитории ТВ в современной мультискринной среде» (2015).

MNazarov@vi.ru

НЕМИНОВ Владимир Алексеевич

Доктор технических наук, заведующий кафедрой «Автоматизированное проектирование технологического оборудования» Тамбовского государственного технического университета
В 1978 г. окончил с отличием Тамбовский институт химического машиностроения по специальности «Автоматизация и комплексная механизация химико-технологических процессов». Ученая степень кандидата технических наук присуждена в 1989 г., степень доктора технических наук – в 2006 г. Автор более 240 научных публикаций, в том числе 7 монографий и 17 учебно-методических изданий (из них 6 учебных пособий с грифом УМО), 14 свидетельств о государственной регистрации программных продуктов. В 2008 г. избран академиком Международной академии наук об экологии, безопасности человека и природы, в 2009 г. – членом-корреспондентом Российской академии естественных наук, в 2011 г. – членом Ассоциации инженерного образования России. Член трех специализированных диссертационных советов, член экспертного совета по информационным системам и научным телекоммуникациям Российского гуманитарного научного фонда. Награжден знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации». Основные направления научной деятельности – разработка теории и методов информационной поддержки принятия решений при проектировании технических и социальных систем.

nemtinov@mail.gaps.tstu.ru

РАЙКОВ Александр Николаевич

Доктор технических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института проблем управления РАН, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники, генеральный директор ООО «Агентство Новых Стратегий»
Окончил Радиотехнический факультет Московского энергетического института по специальности радиофизика и электроника. Специалист по созданию экспертно-аналитических систем, систем поддержки решений, функционала ситуационных центров, разработке концепций и стратегий.

anraikov@mail.ru

РОСТОВСКАЯ Тамара Керимовна

Доктор социологических наук, профессор кафедры социальных технологий и организации работы с молодежью Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова
Автор 50 статей, 7 монографий, 10 учебно-методических пособий по вопросам реализации государственной молодежной политики. Область научных интересов: социология семьи, социология права, молодежная политика, демографические процессы в молодежной среде, гендерные отношения. Разработчик Концепции государственной политики в отношении молодой семьи.

rostovskaya.tamara@mail.ru

СКЛИФУС Станислав Витальевич

Кандидат юридических наук, доцент кафедры «Теория государства и права» Ростовского государственного университета путей сообщения
В 2005 г. окончил Ростовский государственный университет путей сообщения по специальности «Юриспруденция». В 2009 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Легитимация государственной власти в Российской Федерации: вопросы теории». Область научных интересов: легитимация государственной власти, гражданское общество.

sklifus@inbox.ru

Наги ХАННА

Приглашенный профессор Университета Витватерсранд (Wits University), Южная Африка; член нескольких консультативных советов, в том числе Совета консультантов по науке и технологиям (Council of Advisors on Science and Technology), Совета по развитию здравоохранения (Open Health Systems), член Консультативного совета Фонда «Bridging Nations Foundation», старший научный сотрудник Академии лидерства Джеймса Макрегора Бернса, адъюнкт Мэрилендского Университета (США), Университета Джорджа Вашингтона

Старший советник многосторонних организаций по оказанию помощи в области национальных инновационных систем, цифрового преобразования, умных городов, открытого развития, трансформации бизнеса, электронной политики, электронной коммерции и корпоративной стратегии. Стратегический советник транснациональных корпораций в области ИКТ по вопросам политики и стратегий для общего процветания.

Старший научный сотрудник нескольких научно-исследовательских институтов, член редакционных коллегий, участник форумов экспертов ООН, член консультативного совета при президентском Совете по науке и технологиям (США).

Старший советник и глобальный эксперт ведущих научно-исследовательских учреждений в области цифровой трансформации Африки в целом, и в Южной Африке, в частности, с целью обеспечения ускоренного развития.

Область интересов: умные города, умные системы обучения, большие данные, аналитика для правительства, городов, здравоохранения, образования, национальные инновационные стратегии, будущее обучения, будущее городов. Опубликовано 20 книг и свыше 100 статей.

В настоящее время работает над созданием различных руководств и книг на тему электронного преобразования общества и над созданием глобального центра консультирования правительств в сфере цифрового преобразования.

**ЧЕРНЕНКО Елена
Александровна**

Кандидат технических наук, доцент кафедры электроэнергетики (секция прикладной информатики) Хакасского технического института-филиала Сибирского федерального университета

В 1996 г. окончила Амурский госуниверситет по специальности «Технология швейных изделий». В 2006 г. защитила кандидатскую диссертацию по специальности «Системы автоматизации проектирования» в Сибирской автомобильно-дорожной академии (г. Омск). С 2009 г. — доцент кафедры «Прикладная информатика».

Участвовала в создании методического обеспечения дисциплин «Трехмерная графика», «Компьютерная графика». Разработаны учебные программы по дисциплинам бакалавриата 230700.62 Прикладная информатика («Информатика и программирование», «Трехмерная графика», «Компьютерная графика и визуализация», «Мультимедийные технологии» и др.). Область научных интересов: разработка электронных учебных пособий, использование программных средств в учебном процессе, компьютерная графика, трехмерная графика.

khti@khakassia.ru**ШУБЕНКОВА
Александра
Юрьевна**

Кандидат политических наук, младший научный сотрудник Научно-учебной лаборатории политических исследований НИУ ВШЭ
Окончила Факультет прикладной политологии НИУ «Высшая школа экономики», специалист по вопросам институционального анализа программно-стратегических документов в государственной политике Российской Федерации.

ashubenkova@hse.ru